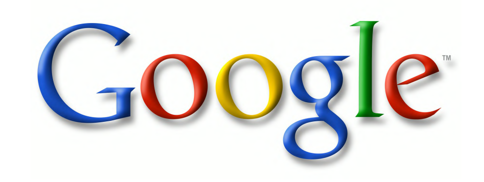

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ

ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ

СКАЗАНІЙ И ПѢСЕНЪ.

Н. Ѳ. Сумцова.

КІЕВЪ.
Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Малая Житом. ул., д. № 4.
1888.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 5-го ноября 1887 года.

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ.

Содержаніе.

Проникновеніе апокрифовъ въ южную Русь изъ Византіи, Болгаріи и Польши черезъ странниковъ-богомольцевъ и литературные памятники.—Свидѣтельства объ отреченныхъ книгахъ въ до-монгольской Руси и въ южной Руси XVI—XVIII ст.—Сліяніе апокрифическихъ и религіозно-миѳическихъ элементовъ въ галицко-русской царинной пѣснѣ „Війте, дѣвойки".—Хранители и распространители апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ въ южной Россіи.—Южнорусскія апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ: 1) Сотвореніе міра. 2) Происхожденіе демоновъ. 3) Сотвореніе человѣка. 4) Адамъ и Ева. 5) Происхожденіе великановъ. 6) Потопъ. 7) Самсонъ. 8) Царь Давидъ. 9) Соломонъ. Южнорусскія апокрифическія сказанія и пѣсни о пресвятой Богородицѣ, о Спасителѣ, апостолахъ и святыхъ. 10) Сказанія о происхожденіи пр. Дѣвы Маріи. 11—12) Благовѣщеніе и звѣзда пр. Богородицы. 13) Рождество Іисуса Христа. 14) Поклоненіе волхвовъ. 15) Избіеніе младенцевъ. 16) Крещеніе Спасителя. 17) Общеніе Іисуса Христа съ народомъ. 18) О іерействѣ Іисуса Христа. 19) Сонъ пр. Богородицы. 20—21) Страданія и крестная смерть Спасителя. 22) Плачъ пр. Богородицы. 23) Происхожденіе перваго храма. 24) О Нерукотворномъ образѣ. 25—27) Обходы апостольскіе. Повѣсть о панагіи пресв. Богородицы, или сказаніе объ ап. Ѳомѣ. Сказанія объ Іудѣ. 28) Притча о богатомъ и Лазарѣ. 29) Сказаніе царя Анфилога о святой литургіи. 30) Святый Николай. 31) Святый Георгій. 32) Святая Меланія. 33) Эпистолія о Недѣлѣ. 34—35) Сказанія о пятницѣ и сказанія о 12 пятницахъ. 36—38) Стихи о грѣшной душѣ. Адъ. Рай. 39) Сказанія о Рахманахъ. 40) Исторія о женѣ Майдонѣ. 41) Сказанія объ Антихристѣ. 42) Сказанія о Страшномъ Судѣ и кончинѣ міра. 43) Евангелистая пѣсня. 44) Апокрифическія молитвы. 45) Апокрифическія сказанія о растеніяхъ и животныхъ. 46) Вопросы и отвѣты святыхъ отцевъ.—Дополнительныя замѣтки.

Подъ названіемъ апокрифовъ извѣстенъ обширный отдѣлъ литературныхъ памятниковъ, построенныхъ на каноническихъ сказа-

ніяхъ ветхозавѣтныхъ, новозавѣтныхъ и на житіяхъ святыхъ, съ примѣсью къ библейскимъ сказаніямъ народныхъ преданій и вымысловъ. Въ апокрифическую литературу входятъ сказанія и пѣсни, дополняющія и поясняющія библейскіе мотивы съ точки зрѣнія народной психологіи и частныхъ особенностей народнаго быта. Это—литература безыменная, т. е. безъ указаній на авторовъ и безъ хронологическихъ датъ. Возникнувъ въ древнѣйшія времена, преимущественно въ первые вѣка христіанской эры, апокрифы распространялись по мѣрѣ распространенія христіанства, какъ любимое чтеніе грамотныхъ людей. Они отчасти измѣнялись въ разныхъ странахъ примѣнительно къ образу жизни и нравственному характеру народа и переходили въ народную словесность и въ искусство. «Съ литературной точки зрѣнія, замѣчаетъ проф. Порфирьевъ, апокрифическія сказанія составляютъ обширную область богатаго религіознаго эпоса, въ которомъ посреди заблужденій, анахронизмовъ и противорѣчій встрѣчается много замѣчательныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, много въ высшей степени трогательныхъ и поэтическихъ картинъ. Потому эти сказанія были всегда любимы, переходили отъ одного народа къ другому, проникали въ искусство и литературу, доставляли, особенно въ древніе и средніе вѣка, сюжеты для духовной поэзіи, живописи и скульптуры и вообще имѣли огромное вліяніе на складъ тѣхъ религіозныхъ народныхъ понятій, которыя еще до сихъ поръ существуютъ въ народныхъ массахъ» [1]).

Въ южной Руси апокрифы нашли благопріятныя условія для своего развитія и распространенія. Въ до-монгольское время народная жизнь текла по широкому руслу свободы и просвѣщенія. Культурное развитіе шло быстро, что обнаружилось преимущественно въ живомъ и дѣятельномъ усвоеніи христіанства и въ блестящемъ развитіи свѣтской поэзіи. Живое чувство народности сквозитъ во всѣхъ проявленіяхъ древне-кіевскаго быта. Суровая аскетическая регламентація жизни, выходившая изъ стѣнъ кіево-печерскаго монастыря, не могла подавить движенія народной жизни, исполненной свѣжихъ, поэтическихъ началъ. Движеніе это было настолько сильно, что проникло въ притворы и на хоры хра

[1]) *Порфирьевъ*, Апокриф. сказ. о ветхозавѣт. лицахъ, 3—4.

мовъ во фрески и водило перомъ монаховъ-лѣтописцевъ. «Страна, благословенная дарами природы, говоритъ Аристовъ о южной Руси, необыкновенное плодородіе, роскошная растительность, умѣренность и благорастворенiе климата развили живое воображенiе, теплоту и мягкость чувства въ душѣ южнаго человѣка, которыя давали силу и способъ представить разсказы въ ясныхъ картинахъ[1]).

Апокрифическія сказанія и повѣрья проникали въ Южную Русь изъ Византіи, Болгаріи, преимущественно въ XI—XV ст., и изъ Польши, преимущественно въ XVI—XVII ст., проникали во 1) путемъ устной передачи отъ грековъ и болгаръ посѣщавшихъ Русь, и такой же передачи отъ русскихъ странниковъ-богомольцевъ, ходившихъ въ Константинополь, на Аѳонъ и въ Палестину, во 2) черезъ византійскія сочиненія апологетическія, экзегетическія и историческія, преимущественно черезъ Палеи и Хроники, и черезъ польскія схоластическія проповѣди и, наконецъ, въ 3) непосредственно въ формѣ апокрифическихъ книгъ. Въ народной памяти сохранились наиболѣе апокрифы византійскаго и болгарскаго источниковъ; въ рукописяхъ сохранились почти исключительно западныя апокрифическія сказанія, проникшія въ Галицію изъ Польши. Передавая апокрифы въ Великороссію, Малороссія, преимущественно лѣвобережная, получила нѣкоторые апокрифы обратно въ великорусской обработкѣ, напримѣръ, сказанія и пѣсни о 12 пятницахъ.

Въ южной Руси перебывало много грековъ. Изъ 23 митрополитовъ до-монгольскаго періода 17 были несомнѣнно греки; происхожденіе трехъ неизвѣстно и только трое русскіе[2]), На епископскихъ каѳедрахъ по временамъ сидѣли греки. Священники и иноки были отчасти также греки, особенно на первыхъ порахъ. Греки были строителями древнѣйшихъ русскихъ храмовъ. Приходили на Русь изъ Греціи иконописцы и пѣвцы. Греческіе купцы доставляли русскимъ мусію, звонкую монету, металлическую утварь, лѣкарственныя травы, мраморъ, дорогія ткани. Съ возникновеніемъ сильнаго московскаго государства греки стали ѣздить въ Москву за милостыней и по дорогѣ посѣщали Кіевъ. Въ литовской Руси греческіе пришельцы находили болѣе родственную себѣ среду, чѣмъ

---

1) *Аристовъ*, въ „Правосл. Собесѣд." 1860 г., I, 392.

2) *Терновскій*, Изученіе византійской исторіи, II, 32.

въ Руси московской. «Въ козацкой землѣ, писалъ Павелъ алепскій во второй половинѣ XVII вѣка, мы чувствовали себя какъ дома, потому что обитатели той страны любезны и радушны и относились къ намъ, какъ будто земляки» [1]). Южная Русь XVI ст. съ благодарностью признала заслуги экзарха Никифора, Кирилла Лукариса и патріарха Ѳеофана. При всемъ томъ греки, посѣщавшіе южную Русь, не могли внести много апокрафическихъ сказаній, въ слѣдствіе незнанія или слишкомъ плохаго знанія русскаго языка.

Совсѣмъ противное нужно сказать о приходившихъ на Русь византійскихъ духовныхъ лицахъ славянскаго происхожденія. Такіе люди, замѣчаетъ Ф. А. Терновскій, на половину славяне, на половину греки, т. е. по происхожденію славяне, а по образованію греки, стоя по срединѣ между двумя народностями и двумя міросозерцаніями, всего удобнѣе могли быть духовными руководителями русскаго народа». Такіе люди, добавимъ мы, могли внести въ Русь много апокрифическихъ сказаній; особенно въ этомъ отношеніи могли многое сдѣлать болгарскіе выходцы. Византійская апокрифическая литература получила блестящее развитіе въ Болгаріи въ X вѣкѣ, потому что попала въ руки богомиловъ. Составляя отрасль манихейства, богомилы, подобно манихеямъ, приняли близкое къ древне-персидскому религіозному дуализму ученіе о двухъ началахъ міра, добромъ Богѣ и зломъ Сатанаилѣ, причемъ Богъ создалъ невидимый, духовный міръ, а Сатанаилъ внѣшнюю природу и тѣло человѣка. Основателемъ богомильской ереси былъ болгарскій попъ Богомилъ. Приспособляя св. писаніе къ своему ученію, богумилы прибѣгли къ аллегорическимъ толкованіямъ, воспользовались византійскими апокрифами и развили ихъ далѣе въ приложеніи къ своей сектѣ. Главнымъ распространителемъ апокрифическихъ сказаній въ Болгаріи, по видимому, былъ Богомилъ. Въ одномъ славянскомъ спискѣ индекса отреченныхъ книгъ сказано, что «творци быша еретическимъ книгамъ въ болгарской землѣ попъ Еремей да попъ Богумилъ». Проф. Порфирьевъ Іеремію и Богумила считаетъ за одно лицо, основателя ереси, который носилъ имя Іереміи и прозвище Богомила. Попу Іереміи Богомилу въ индексахъ приписываются апокрифы о древѣ крестномъ, о св. Троицѣ, о Христѣ, какъ

[1]) *Терновскій*, тамъ-же. II, 104.

Его въ попы ставили, какъ Христосъ плугомъ оралъ, какъ Провъ Христа другомъ назвалъ, вопросы Іереміи къ Богородицѣ, вопросы и отвѣты о томъ, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, лживыя молитвы о трясовицахъ и нежитахъ [1]). Апокрифы эти не сочинены Іереміей, а передѣланы, быть можетъ, приспособлены къ богомильской ереси и пущены въ народное обращеніе въ простой формѣ. Нужно думать, что всѣ эти апокрифическія сказанія очень рано проникли въ южную Русь, по причинѣ живаго общенія русскаго народа съ болгарскимъ въ древнее время.

Богомильская литература проникла въ сербскія земли, преимущественно въ Боснію, и перешла въ сербскія рукописи [2]). Нельзя съ достовѣрностью сказать, какія апокрифическія сказанія проникли въ южную Русь прямо изъ Сербіи и въ то время, какъ вліяніе болгарской апокрифической литературы на южно-русскія религіозныя сказанія и пѣсни не подлежитъ сомнѣнію, вліяніе сербскихъ варіантовъ апокрифическихъ сказаній именно въ южной Россіи представляется довольно сомнительнымъ.

Мѣстныя апокрифическія сказанія, т. е. связанныя съ священными мѣстами Палестины, отчасти Константинополя и Аѳона, были усвоены русскими людьми прямо и непосредственно, во время паломничества въ св. Землю, и разнесены въ устныхъ и отчасти литературныхъ пересказахъ по всей землѣ русской. «Многочисленность русскихъ паломниковъ въ Грецію и Палестину, говоритъ Ф. А. Терновскій, въ теченіе всего до-монгольскаго періода находится внѣ всякаго сомнѣнія. Увлекая собою наиболѣе любознательныхъ и предпріимчивыхъ людей, паломничество не только давало матеріалъ для множества устныхъ разсказовъ, но и обогатило скудную русскую письменность нѣсколькими паломническими сказаніями и отразилось въ народной поэзіи въ былинахъ о Василіѣ Буслаевѣ и о сорока каликахъ со каликою» [3]). Какого рода апокрифическія сказанія усваивались русскими паломниками, видно

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ, стр. 131.

[2]) *Петровъ*, Историч. взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими, стр. 11.

[3]) *Терновскій*, т. II, стр. 8.

изъ «Хожденія» игумена Даніила начала XII столѣтія. Описывая св. мѣста, Даніилъ въ тоже время сообщаетъ о слышанныхъ имъ въ томъ или другомъ мѣстѣ преданіяхъ. Такъ, описывая церковь Воскресенія Христова и мѣсто распятія Спасителя, Даніилъ говоритъ о находившейся подъ крестомъ головѣ Адама, на которую «сошла вода изъ ребръ Іисуса и омыла грѣхи рода человѣческаго». Упоминая о столбѣ Давида въ Іерусалимѣ, Даніилъ замѣчаетъ, что на этомъ столбѣ Давидъ писалъ псалтырь. Упоминая о Капернаумѣ, онъ же замѣчаетъ, что здѣсь надлежитъ родиться антихристу. Даніилъ говоритъ о пещерѣ, гдѣ Спаситель научилъ учениковъ своихъ пѣть: «Отче нашъ!» и о другой пещерѣ, гдѣ жилъ Мельхисидекъ. «Подобныхъ разсказовъ, замѣчаетъ И. Я. Порфирьевъ, очень много въ путешествіи Даніила, и при чтеніи ихъ понятно становится, отчего въ древней Руси ходило много въ народѣ разныхъ апокрифическихъ сказаній» [1]). Какія апокрифическія сказанія выносили русскіе паломники изъ Константинополя, видно изъ путешествія новгородскаго архіепископа Антонія въ концѣ XII в. Антоній говоритъ, что въ церкви св. Софіи хранились скрижали Моисея, въ церкви св. Михаила крестъ изъ лозы Ноя и палица Моисея. Нельзя сомнѣваться, что подобнаго рода религіозно-церковныя преданія заходили въ южную Русь, до-татаръ и послѣ татаръ, вмѣстѣ съ другими паломническими разсказами. Дѣло это тѣмъ болѣе возможное, что южноруссы ходили въ Палестину, въ Цареградъ и на Аѳонъ въ большомъ числѣ, съ цѣлями преимущественно религіозными, изрѣдка торговыми, и нѣкоторые паломники, напримѣръ, Іоаннъ Вишенскій, проживали на Аѳонѣ въ теченіи многихъ лѣтъ.

Изъ переводныхъ византійскихъ сочиненій по обилію апокрифическихъ сказаній найболѣе выдаются Палеи и Хроники. Палея— особое сочиненіе, представляющее изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ дополненіями и объясненіями апокрифическаго характера. Различаютъ толковую Палею и Палею историческую, или книгу бытія небеси и земли. Толковая Палея представляетъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи, съ апокрифическими дополненіями и съ полемическими выходками противъ евреевъ. Толковая Палея состав-

---

[1]) *Порфирьевъ*, Исторія рус. словесности, т. I, стр. 320.

лена въ IX—XI вв. и очень рано проникла въ южную Россію. Слѣды вліянія Палеи замѣтны въ древнемъ лѣтописномъ сводѣ XII в., въ Словѣ о законѣ и благодати митр. Иларіона и въ Поученіи Владиміра Мономаха. Въ сохранившихся спискахъ Толковой Палеи, довольно позднихъ, XIV—XVI вв., находятся апокрифы о сотвореніи міра, паденіи ангеловъ, раѣ въ Эдемѣ, Каинѣ, Авелѣ, Сиѳѣ, Ламехѣ, Энохѣ, дочеряхъ Адама, потопѣ, Авраамѣ, Іосифѣ, Моисеѣ и Соломонѣ, всего 17 апокрифовъ, причемъ одни сказанія представляютъ цѣльные апокрифическіе памятники, а другія—отрывки апокрифическихъ сказаній, вошедшія въ Палею изъ сочиненій Ефрема Сирина, Меѳодія Патарскаго, Козьмы Индикоплова, византійскихъ хроникъ и Златоструя. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что Толковая Палея подвергалась измѣненіямъ и дополненіямъ со стороны переписчиковъ, нельзя утверждать, что всѣ извѣстныя по позднимъ спискамъ Палеи апокрифическія сказанія находились въ Палеѣ XI—XII вѣковъ. Такъ, позднѣйшими вставками считаютъ разсказъ о смерти Адама, сказанія о Соломонѣ и нѣкоторыя другія [1]). Какъ бы то ни было, Толковой Палеѣ настолько присущи апокрифическія сказанія, что нельзя сомнѣваться въ присутствіи ихъ въ древнѣйшихъ, исчезнувшихъ спискахъ Палеи и въ переходѣ ихъ отсюда въ древне-русскіе литературные памятники и въ народные разсказы.

Историческая Палея отличается отъ Толковой Палеи отсутствіемъ полемики и сжатостью. Сохранившіеся списки исторической Палеи не древни (старѣйшій XV—XVI в.); но филологи по особенностямъ языка перевода относятъ переводъ «Книги бытія небеси и земли» по крайней мѣрѣ къ XII вѣку» [2]). Въ исторической Палеѣ такъ же много апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, какъ и въ Толковой Палеѣ, и отсюда, т. е. изъ «Книги бытія небеси и земли» древняя, до-монгольская Русь также могла черпать апокрифическія сказанія.

Другимъ источникомъ апокрифическихъ сказаній въ древнія времена были византійскія хроники. Изъ византійскихъ хроникъ весьма рано появились въ славянской письменности хроники Іоанна

---

[1]) *Ждановъ*, Палея, стр- 12, 13, 22.

[2]) Тамъ же. стр. 25.

Малалы и Георгія Амартола. Въ хроникѣ Малалы находятся апокрифическія сказанія объ Авраамѣ, Мельхиседекѣ и Завѣты 12 патріарховъ [1]). Гораздо болѣе апокрифическихъ сказаній въ хроникѣ Георгія Амартола. «Для исторіи ветхозавѣтныхъ апокрифическихъ сказаній, говоритъ И. Я. Порфирьевъ, хроника Амартола имѣетъ особенную важность. Кромѣ множества мелкихъ апокрифическихъ подробностей о разныхъ лицахъ и событіяхъ, здѣсь помѣщены, между прочимъ, сказанія о еврейской письменности при Сиѳѣ и астрономіи при Немвродѣ, о погребеніи Адама въ Іерусалимѣ, о состязаніи Авраама съ египетскими астрологами о судьбѣ, о Мельхиседекѣ, о смерти Моисея, о Соломонѣ и царицѣ Савской» [2]). Слѣды хроники Амартола замѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности. Составитель первоначальной лѣтописи уже черпалъ изъ нея свѣдѣнія о брахманахъ и амазонкахъ.

Къ числу древнѣйшихъ источниковъ апокрифическихъ сказаній въ южной Россіи принадлежитъ еще Слово Меѳодія Патарскаго, на которое ссылается первый нашъ лѣтописецъ, когда говоритъ о нечистыхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ.

Профессоръ Порфирьевъ говоритъ, что апокрифическія сказанія въ Россіи «были распространены болѣе въ передѣлкахъ, чѣмъ въ подлинномъ видѣ, болѣе въ извлеченіяхъ и отрывкахъ, чѣмъ въ полныхъ сочиненіяхъ,—были распространены болѣе апокрифическія сказанія, возникшія изъ апокрифовъ, чѣмъ самые апокрифы» [3]). Были, повидимому, и цѣльныя апокрифическія сказанія, циркулировавшіе отдѣльно отъ другихъ литературныхъ памятниковъ. Такого рода апокрифы, цѣльные и обособленные, были въ южной Россіи до татарскаго нашествія и въ болѣе позднее время, въ XIV—XVIII вѣкахъ. Профессоръ Е. Голубинскій по сохранившимся до настоящаго времени рукописямъ до-монгольскаго періода и по упоминаніямъ въ тогдашнихъ памятникахъ перечисляетъ слѣдующіе апокрифы до-монгольскаго періода русской исторіи.

---

1) *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія по рукоп. соловец. библ., стр. 18.
2) Тамъ же, стр. 19.
3) Тамъ же, стр. 2.

1) Сказаніе Агапія, чего ради оставляютъ роды и домы своя, въ майской Четь-Минеи XII в. московскаго Успенскаго собора.

2) Сказаніе Афродитіана о бывшемъ въ Перстѣй земли чудеси, въ Толстовской рукописи XIII в.

г) Хожденіе Богородицы по мукамъ въ Троицкомъ лаврскомъ сборникѣ XII в.

4) Глубинныя книги, упоминаемыя въ Житіи Авраамія Смоленскаго (и, вѣроятно, представлявшія «Вопросы Іоанна Богослова»).

5) Видѣніе пророка Исаіи въ майской Четь-Минеи московскаго Успенскаго собора.

6) Лѣствица патріарха Іакова, переведенная изъ Палеи.

7) Паралипоменъ пророка Іереміи, въ майской Четь-Минеи московскаго Успенскаго собора.

8) Слово Меѳодія Патарскаго, упоминаемое древнимъ лѣтописцемъ.

9) Житіе Нифонта и Панкратія, въ Четьи-Минеи XII в.

10) Завѣты 12 патріарховъ, переведенные изъ Палеи.

Вѣроятно, были и другіе апокрифы, древніе списки которыхъ потеряны.

Вращаясь среди низшаго духовенства, грамотныхъ горожанъ и крестьянъ, апокрифы не обращали на себя вниманія выдающихся южнорусскихъ духовныхъ лицъ и, повидимому, не подвергались осужденію и порицанію. Къ тому же общій уровень духовнаго образованія былъ не великъ, и въ южнорусскомъ обществѣ почти навѣрно не было сознанія зловредности отреченныхъ книгъ въ смыслѣ строго богословскомъ. Въ Московской Руси болѣе обращали вниманія на апокрифическія сказанія, потому, что здѣсь возсталъ противъ апокрифовъ Максимъ Грекъ. Находившійся подъ вліяніемъ Максима Грека князь Андрей Курбскій также отрицательно относился къ апокрифамъ. Когда онъ поселился въ южной Россіи, то обратилъ вниманіе на распространенность апокрифовъ въ литовской Руси. Одинъ старецъ прислалъ князю Курбскому для прочтенія апокрифическое евангеліе Никодима. «А повѣсть ону, писалъ ему въ отвѣтъ Курбскій, прочтохъ... Довольно, мню, четы-

---

[1]) *Голубинскій*, Исторія русской церкви, т. I, стр. 757.

ремъ (евангеліямъ); не надобе пятое; во истину ложь есть сіе писаніе и неправда... А се лжеплетеніе и прежде азъ видѣхъ польскимъ языкомъ написано... Противлюся лжесловесникомъ, преобразующимся во истовые учители, и пишутъ повѣсть сопротивъ евангельскимъ словесемъ, и имена своя скрывше, да не обличени будутъ, и подписуютъ ихъ на святыхъ имена, да удобно ихъ писаніе пріймется простыми и неучеными... Али не слышалъ еси, какову бѣду отъ таковыхъ въ литовской земли церковь Божія пріемлетъ?... Апостольскія слова превращаются, развращеніе толкуютъ, на святыхъ хулу возлагаютъ... И отъ книгъ русскихъ емлючи словеса развращенныя, отъ Еремеи попа болгарскаго сложены и иныхъ таковыхъ и на Златоустаго имя подписано и на иныхъ святыхъ, яко щиты себѣ носятъ и изъ-за нихъ на законъ Христовъ поруганіи и хулами стрѣляютъ»[1]).

Апокрифическая литература долгое время жила исключительно въ рукописяхъ и въ народной памяти. Перепиской апокрифовъ занимались преимущественно духовныя лица, увлекавшіяся поэтическими и моральными мотивами апокрифическихъ сказаній. Священники пользовались ими при составленіи проповѣдей. По замѣчанію профессора Ом. Огоновскаго, одной изъ главныхъ причинъ распространенія апокрифовъ было списываніе ихъ на языкѣ, близкомъ къ простонародной разговорной рѣчи. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи находятся любопытныя южно и западно-русскія рукописи съ апокрифическими сказаніями объ Адамѣ, потопѣ, двѣнадцати пятницахъ, встрѣчаются ложныя молитвы и духовные стихи[2]). Н. Бѣлозерскій указалъ на одинъ южно-русскій сборникъ конца XVII ст., или Пчелу, составленную въ с. Крупичполѣ, борзенск. у. черниг. г., Петромъ Виноградскимъ. Въ этомъ Сборникѣ, среди разныхъ статей, находится «Исторія о сотвореніи міра и первыхъ людей» [3]).

Въ послѣднее десятилѣтіе галицко-русскіе ученые, Вахнянинъ, Калужняцкій, Калитовскій, Франко, Ом. Огоновскій во Львовѣ, Перемышлѣ, Дрогобичѣ въ общественныхъ библіотекахъ и у част-

---

[1]) *Курбскій*, въ „Правосл. Собесѣд.“ 1863 г., II.

[2]) *Петровъ*, Описаніе рукописей церк.-археол музея. т. II, стр. 351, 355, 407, 409 и др.

[3]) *Бѣлозерскій*, Южно-рус. лѣтописи, стр. 145.

ныхъ лицъ нашли нѣсколько любопытныхъ апокрифовъ и издали ихъ. Такъ, Калужняцкій въ 1877 г. указалъ на своеобразное «Слово о сотвореніи неба и земли», «Сказаніе царя Анфилога» и нѣкоторые другіе любопытные, не вошедшіе въ сборники Пыпина, Тихонравова и Порфирьева апокрифы, сохранившіеся въ одномъ рукописномъ Сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря. Г. Калитовскій въ 1884 г. издалъ «Матеріалы до словесности апокрифичной», куда вошли весьма важныя въ историко-литературномъ отношеніи апокрифическія сказанія объ Адамѣ и Евѣ, о Благовѣщеніи, звѣздѣ пр. Богородицы, Рождествѣ Іисуса Христа, женѣ Майдонѣ и кончинѣ міра. Часть этихъ апокрифовъ, именно апокрифы о Майдонѣ, антихристѣ, трехъ юношахъ царяхъ и кончинѣ міра еще ранѣе, въ 1881 г., были изданы Макушевымъ въ сентябрьской книжкѣ Журн. министер. народ. просвѣщенія. Г. Франко въ № 9 «Зори» 1886 года указалъ на небольшой Дрогобицкій сборникъ апокрифическихъ сказаній конца XVIII ст., заключающій въ себѣ отрывокъ сказанія о томъ, какъ Давидъ писалъ псалмы, сказаніе объ Адамѣ и Евѣ, отрывокъ сказанія о Самсонѣ и такъ называемый Листъ небесный, или Епистолію о недѣлѣ. Профессоръ Ом. Огоновскій въ первомъ томѣ «Исторіи литературы русской» указываетъ еще на «Катехизисъ» 1713 года, изложенный въ формѣ вопросовъ ученика и отвѣтовъ учителя, въ родѣ извѣстнаго Луцидаріуса. Ученикъ спрашиваетъ: на чемъ земля стоитъ? Гдѣ находится рай? Почему нельзя дойти до рая?—и получаетъ соотвѣтствующіе отвѣты отъ учителя. Профессоръ Огоновскій усматриваетъ въ галицкихъ апокрифахъ много элементовъ простой разговорной рѣчи и полагаетъ потому, что апокрифы эти были читаемы не только въ панскихъ дворахъ, но и въ мужицкихъ хатахъ. «Такъ отже, замѣчаетъ по этому поводу г. Огоновскій, литература апокрифична, що своимъ засновкомъ була неначе заграничною ростыною, розрослась буйно на руській землыци; бувши попереду духовнымъ майномъ самыхъ грамотѣевъ, сталась тая литература вельми популярною мѣжь людомъ неписьменнимъ, котрій фантастичнi образы оріентальни змѣшавъ зо своимъ поетичнымъ свѣтоглядомъ»[1]). Это замѣчаніе можно распространить на всю русскую народную словесность.

[1]) Зоря, 1886 г. № 21, стр. 359.

Изъ соединенія религіозно-поэтическаго воззрѣнія на природу, древняго, языческаго, вполнѣ народнаго, съ поэтическими мотивами апокрифическихъ сказаній возникли многія религіозно-эпическія сказанія и пѣсни. Среди пѣсенъ послѣдняго разряда встрѣчаются въ высокой степени художественныя. Ограничусь однимъ примѣромъ, именно, превосходной галицко-русской пѣсней о жалобѣ солнца, пѣсней, всецѣло сотканной изъ религіозно-миѳическихъ и христіанско-апокрифическихъ элементовъ:

Війте, дѣвойки,
Божи вѣнойки,
Зъ Божои кровци
На коруговци!
Ей скаржилося свитло сонейко,
Свитло сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати;
Бо зли газдове понаставали:
Въ недилю рано дрова рубали,
А ми до личка триски прискали»!
Свиты, сонейко, ясь есь свитыло,
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди.
Війте, дѣвойки...
Ей скаржилось свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати,
Бо зли газдыни понаставали:
Въ пятойку рано хусты зваряли,
А ми на лице золу выливали».
«Свиты, сонейко, якъ есь свитыло;
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди».
Війте, дѣвойки,...
Ей скаржилося свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,

Рано сходжати, свитъ освичати;
Бо зли дѣвойки понаставали:
Въ недилю рано косы чесали.
А ми до личка волося метали».
«Свити, сонейко, якъ есь свитыло:
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшнюмъ суди [1]).

Обожествленіе солнца и поклоненіе ему нѣкогда было повсемѣстно. Съ проникновеніемъ въ славянскіе народы христіанства, внѣшняя природа мало-по малу стала терять свои божественныя прерогативы, и послѣдовало то разложеніе религіозно-натуральныхъ понятій, слѣдствіемъ котораго нынѣ являются двоевѣрные заговоры и чары, суевѣрія и предразсудки. Солнце изъ положенія самостоятельнаго вышемірнаго и божественнаго существа перешло въ положеніе, подчиненное христіанскому Богу, Спасителю, и въ послѣднемъ положеніи еще сохранило за собою многіе народно-поэтическіе образы и мотивы. Въ царинной пѣснѣ «Віите дѣвойки» солнце представляется олицетвореннымъ и въ подчиненіи Богу. При всемъ томъ въ языкѣ, въ поэзіи, въ частности въ разсматриваемой нами пѣсни, сохранились еще черты солнца, какъ божественной личности.

У индо-европейскихъ народовъ до настоящаго времени въ языкѣ сохранились своеобразные обломки древняго обототворенія солнца. Одинъ народъ сохранилъ одни эпитеты и образы, другой удержалъ другіе эпитеты и образы древняго божественнаго дѣда, всевидящаго ока—солнца. Въ скандинавской поэзіи солнце—всемірное пламя, окно небесныхъ пировъ, воздушное пламя, небесный огонь, щитъ облаковъ, радость народамъ [1]). Въ новогреческихъ пѣсняхъ и сказкахъ встрѣчаются выраженія: солнце погрузилось (т. е. зашло), солнце воцарилось (зашло, т. е. водворилось въ своемъ дворцѣ, на далекомъ западѣ, за горами) [2]). Въ славянской народной поэзіи солнце око (=греч. Геліосъ), колесо, кольцо, ликъ Божій, вѣнецъ,

---

[1]) *Головацкій,* Гал. и Угор. нар. пѣсни, т. II, стр. 243—244.
[2]) *Буслаевъ,* Историч. очерки, т. I, стр. 191.
[3]) *Веселовскій,* Записки акад. наукъ, т. XXXII, 284.

корона, царевна, птица, яйцо [1]). Въ частности, въ малорусской поэзіи и языкѣ «сонце ся въ мори купае; сонце спочило; сонце, видчины виконце: вже мини ни видъ мисяця, ни видъ сонця; сонце праведне; шанувати сонечко святее; сонце грае» [2]). Въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующія характерныя выраженія о солнцѣ: солнце кружитъ (Голов. II, 768), сонце вечеріе (Чуб. V, 107), сонце праведное (Ант. и Др., I, 230, 242).

Въ пѣснѣ «Війте, дѣвойки» сохранилась глубоко-древняя религіозно-миѳическая черта, именно, въ выраженіяхъ пѣсни, что люди, работая въ воскресенье, бросаютъ въ лице солнца дрова, золу, волоса. Такое бросаніе въ лице солнца разныхъ предметовъ въ языческой древности было весьма обычно, какъ внѣшняя форма жертвоприношенія солнцу. И въ настоящее время монгольскіе шаманы, призывая въ молитвахъ солнце, плескаютъ вверхъ молокомъ, что служитъ жертвоприношеніемъ молока солнцу [3]). Съ этимъ обыкновеніемъ по значенію тождественъ славянскій обычай плескать виномъ вверхъ на свадьбахъ и обычай поднимать ребенка вверхъ на крестинахъ, причемъ въ послѣднемъ обычаѣ обнаруживается символическое посвященіе человѣка Богу и призывъ на него высшей благодати.

Въ пѣснѣ солнце не отказывается вполнѣ отъ служенія человѣчеству; оно только заявляетъ, что не будетъ рано выходить, и въ этомъ заявленіи сквозитъ глубоко-древняя черта народнаго міровоззрѣнія. Было время, когда тепло и свѣтъ считались дѣломъ личнаго желанія солнца, которое, пользуясь свойственной человѣку свободной волей, могло дѣйствовать по своему усмотрѣнію, могло капризничать и сердиться. Такого рода воззрѣніе на солнце скрывается въ глубинѣ малорусскаго языка, напримѣръ, въ обычномъ и въ настоящее время выраженіи: «сонечко рано схопилось», «сонечко довго не заходило».' Подобная мысль выразилась въ «Словѣ о полку Игоревѣ» въ словахъ «длъго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала». Всѣ эти выраженія и словесныя формулы вышли изъ поэтическаго

---

1) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав., т. I—III, въ разн. мѣстахъ.
2) *Номисъ*, Украин. приказки, 2337, 598, 2288, 3770, 8372, 13144.
3) *Тэйлоръ*, Первобытная культура, II, 341.

олицетворенія солца и ночи, олицетворенія настолько художественнаго, что и новѣйшіе поэты имъ пользуются для художественнаго воздѣйствія на читателей, напримѣръ, Я. П. Полонскій въ превосходномъ стихотвореніи: «Въ колыбель младенца ночью мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.

Такова религіозно-миѳическая основа пѣсни «Війте, дѣвойки», и въ эту основу вплетено много апокрифическихъ мотивовъ изъ разныхъ апокрифическихъ сказаній. Начнемъ съ запѣва. Нѣкоторое недоразумѣніе здѣсь вызываетъ странный мотивъ витья вѣнковъ изъ Божіей крови на хоругви. Для объясненія этого мотива, внѣшнимъ образомъ приставленнаго къ пѣсни, нужно принять во вниманіе другія апокрифическія пѣсни о крови Спасителя и принять во вниманіе важное значеніе церковной хоругви въ быту малороссіянъ. Есть пѣсни о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя; въ этихъ пѣсняхъ крови Спасителя приписывается чудо, «де кровця упала, церковь стала». Вѣроятно, мотивъ приготовленія вѣнковъ изъ Божіей крови вышелъ отсюда посредствомъ какого нибудь прозаическаго сказанія, не нашедшаго мѣста въ печати. Церковная хоругвь вошла въ пѣсню потому, что въ Малороссіи и въ Галиціи издавна этотъ церковный предметъ вошелъ въ употребленіе въ главныхъ событіяхъ семейной жизни, при свадьбахъ и похоронахъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи проводы молодыхъ послѣ вѣнчанія изъ церкви въ домъ свадебнаго веселья совершаются или, по крайней мѣрѣ, недавно совершались съ церковной обстановкой: впереди шелъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ; за нимъ несли церковные хоругви, за которыми уже слѣдовали молодые съ вѣнцами на головахъ. Такъ какъ галицкія царинныя пѣсни поются на Тройцынъ день при обхожденіи полевыхъ пашень, то упоминаемые въ запѣвѣ вѣнки относятся къ распространенному во всей Россіи обычаю вить вѣнки на Тройцынъ день. Такимъ образомъ, и въ этомъ небольшомъ запѣвѣ религіозно-миѳическій обрядъ слился съ церковно-обрядовыми и апокрифическими элементами.

Жалоба солнца Богу на людей—мотивъ чисто апокрифическій. Источникъ его «Слово о видѣніи апостола Павла». «Вся бо тварь, говорится въ этомъ словѣ, велѣнію Божію повинуется, токмо человѣци едини преступають заповѣди Божія. Многажды бо солнце

молящеся Богу, глаголя: Господи Вседержителю, доколѣ неправды человѣческія терпиши, беззаконія много ихъ; повели, Господи, да ихъ пожгу, да не творятъ зло. И гласъ бысть ему, глаголя: азъ все вижду и видѣ око мое; но терплю ихъ и покаянію подаю время. аще не покаются и пріидутъ ко мнѣ, то сужду имъ» [1]). Далѣе въ апокрифѣ слѣдуютъ жалобы мѣсяца, звѣздъ, моря, рѣкъ и земли и на всѣ жалобы слѣдуетъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «аще не покаются, сужду имъ». Видѣніе апостола Павла начинается жалобой солнца Богу на людей, и эта жалоба вошла въ царинную пѣсню. Не осталась безъ вліянія жалоба земли, еще болѣе поэтически изложенная въ апокрифѣ; жалоба земли на людскіе грѣхи находится, между прочимъ, въ одномъ малорусскомъ прозаическомъ разсказѣ. Плачъ земли встрѣчается также въ великорусскихъ духовнымъ стихахъ, преимущественно раскольническихъ. Профессоръ И. Я. Порфирьевъ полагаетъ, что этотъ мотивъ вошелъ въ Видѣніе ап. Павла изъ апокрифической книги Эноха, гдѣ указывается на плачъ земли, возвысившей свой голосъ даже до вратъ неба; но и въ книгѣ Эноха плачъ земли едва ли можетъ быть признанъ первоначальнымъ мотивомъ; онъ встрѣчается еще въ древне-индійскихъ и персидскихъ сказаніяхъ и составляетъ, по предположенію г. Порфирьева, слѣдъ священнаго преданія объ осужденіи и проклятіи земли Богомъ за грѣхъ перваго человѣка [1]). Какъ бы то ни было, ближайшимъ источникомъ апокрифическаго плача солнца въ пѣснѣ «Війте, дѣвойки» было Видѣніе ап. Павла, и самый фактъ существованія этой пѣсни предполагаетъ существованіе и популярность апокрифа. Въ сочиненіяхъ южнорусскаго писателя конца шестнадцатаго вѣка Іоанна Вишенскаго находится одна фраза, указывающая, что въ XVI вѣкѣ Плачъ земли, а, можетъ быть и все Видѣніе ап. Павла было хорошо извѣстно южнорусскому народу. Обличая оъ одномъ посланіи южноруссовъ въ упадкѣ духовной жизни и въ размноженіи грѣховъ, Іоаннъ Вишенскій зъмѣчаетъ: «означмую вамъ, яко земля, по которой ногами вашими ходите и въ ней же въ жизнь сію рожденіемъ произведени есте и нынѣ обитаете,

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по рукописямъ соловец. библ., 6.

[2]) *Памятники* старин. рус. литературы, III, 132; *Тихонравовъ*, Памят. отр. литер., II, 40·

на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ, стогнетъ и вопіетъ, просячи Сотворителя, яко да пошлетъ серпъ смертный, серпъ казни погибельной, яко-же древле на содомляны, и всемірного потопу, которымъ бы васъ погубити и искоренити могль, изволяючи лепше пуста въ чистотѣ стояти, нежели вашимъ безбожествомъ населена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена». Не имѣя въ печати южнорусскихъ редакцій «Видѣнія ап. Павла», трудно сказать, насколько близко къ книжному подлиннику выразился Іоаннъ Вишенскій. Нельзя даже сказать съ достовѣрностью, пользовался ли Іоаннъ Вишенскій апокрифомъ въ письменной формѣ, или онъ только припомнилъ выродившійся изъ Видѣнія ап. Павла странствующій благочестивый разсказъ или пѣсню о плачѣ земли. Какъ бы то ни было, апокрифическій мотивъ о плачѣ земли и солнца въ старинное время былъ весьма извѣстенъ, особенно на родинѣ Іоанна Вишенскаго, въ Галиціи, и вошелъ въ южнорусскую письменность и народную поэзію.

Высказанная въ пѣснѣ «Війте, дѣвойки» идея о необходимости почитанія воскреснаго дня и пятницы вытекла изъ апокрифической Епистоліи о недѣли и апокрифическаго сказанія о 12 пятницахъ.

Разложеніе религіозно-эпической пѣсни «Війте дѣвойки» на составные ея элементы отчасти показало, какъ много религіозно-миѳическихъ и церковно-апокрифическихъ мотивовъ можетъ сочетаться въ одной пѣснѣ и какъ тѣсно и органически сливаются эти разнородные элементы въ силу художественнаго творчества народнаго духа.

Апокрифы прежде всего проникли въ грамотную часть населенія, въ среду духовенства, затѣмъ перешли въ глубь народа путемъ устной передачи. Хранителями и распространителями апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ были преимущественно лица духовныя, отчасти козаки, приходившіе въ близкое соприкосновеніе съ духовенствомъ, и затѣмъ уже народные пѣвцы, бандуристы и лирники. «Если, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, просвирни, по свидѣтельству Стоглава, имѣли святотатственное притязаніе на совершеніе какихъ-то церковныхъ обрядовъ и тѣмъ самымъ способствовали распространенію невѣжественныхъ суевѣрій, то, съ другой стороны, церковные сторожа и прислужники благотворно дѣйствовали

на развитіе народнаго религіознаго эпоса. Во всякомъ случаѣ и тѣ и другіе, и просвирни, и пономари заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи народной поэзіи, и какъ Пушкинъ указывалъ на чистоту русской рѣчи въ устахъ московскихъ просвирень, такъ историкъ литературы съ неменьшимъ уваженіемъ долженъ отозваться о поэтическихъ разсказахъ древне-русскихъ пономарей» [1]). Замѣчаніе это, основательное вообще, въ особенности справедливо въ приложеніи къ украинскимъ церковно-служителямъ. Въ дѣлѣ развитія и распространенія религіозныхъ сказаній украинскіе церковно-служители достаточно потрудились, въ то время какъ священнослужители потрудились по части составленія религіозно-полемическихъ сочиненій, проповѣдей и мистерій. Апокрифическія сказанія и религіозныя легенды проникали въ народъ посредствомъ церковныхъ служителей и богомольцевъ странниковъ, въ особенности посредствомъ пономарей, стоявшихъ по своему общественному положенію между священствомъ и простолюдьемъ. Народные странствующіе пѣвцы и благочестивые странники-богомольцы, толкаясь на церковныхъ папертяхъ и странствуя по монастырямъ, воспринимали религіозныя сказанія и разносили ихъ по всей Украинѣ. Въ думѣ про Алексѣя Поповича находится замѣчаніе, что Алексѣй Поповичъ «по тричи на день письмо святее бере, та и читае, козакивъ простыхъ на все добре научае» [2]). Въ древнее время переходъ воинственнаго козака въ благочестиваго монаха и, обратно, священника или монаха въ воина совершался легко, и та рука, которая проливала кровь, при измѣнившихся обстоятельствахъ превратной козацкой жизни, превращалась въ благословляющую десницу. «Межигорскій Дидъ» Стороженка представляетъ вѣрную въ историческомъ отношеніи картинку старика запорожца, переходящаго отъ чтенія евангелія къ пѣнію воинственной пѣсни и отъ неумѣреннаго употребленія водки въ пріятельскомъ кругу къ горячей молитвѣ. «Винъ литъ пятьдесятъ бувъ сичовикомъ, бывся съ ордою, та вже якъ сстарився, пріихавъ на байдаку зъ кошовымъ у Межигорья та зробывсь у ченцивъ пасишникомъ... Поки ще не выпье, то було и многи лита спива и... Апостола чита. Якъ же вы-

---

[1]) *Буслаевъ*, Историч. очерки, II, 198.

[2]) *Антоновичъ и Драгом.*, Истор. пѣс. малор. нар., I, 183.

пивъ чарку, другу, то вже годи зъ писанія, заразъ почне писни спивать, балясы точигь, та таке выгадувать, хочъ зъ хаты тикай...» Такіе разностороннные богатыри и пройдысьвиты, какъ Алексѣй Поповичъ малорусской думы и Межигорскій дидъ Стороженка, многое видѣли и слышали, обо многомъ могли поразсказать, начиная отъ пѣсни-думы про землю турецкую, вѣру бусурманскую, и кончая исполненной благочестія религіозною легендой про мѣстную икону или мѣстную церковь. То старина, то и дѣяніе, и Стороженко благоразумно назвалъ свой разсказъ про Межигорскаго дида оповиданнемъ бабуси. Тонкій наблюдатель и правдивый разсказчикъ Г. Ѳ. Квитка въ повѣсти «Отъ тоби и скарбъ» немногими характерными чертами обрисовалъ современнаго хранителя религіозныхъ сказаній «дяка». Въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье народъ собрался въ церкви, «стоять зъ позасвичуваными свичками, хто слуха, а хто и окунивъ ловить слухаючи, якъ славно чита одыяніе поповичъ хвылёзопъ, що видпросывся зъ бурсы на празныки у село..... Генъ у хуточку зибралися кругъ пана Сымейона, на шого таки дяка, та слухають, якъ винъ тамъ шепчучи росказуе, яке то лыхо людямъ буде, якъ народиться Анцыхрыстъ, та буде православныхъ людей мучити, а за жыдивъ заступатись и ихъ жаловати: якъ набижать гоги та магоги, мовъ крымська татарва, та у тихъ людей, що не шановали духовного чину, та не становили часто обидивъ, та будуть усю худобу отбирати, та нею жыдивъ та цыганивъ надиляти......» Въ дополненіе къ этой замѣткѣ Квитки нужно указать на любопытный галицко-русскій варіантъ евангелистой пѣсни духовнаго стиха съ христіански-легендарными вопросами: что одинъ? (единъ Богъ), что два, что три? что четыре? (четыре евангелиста) и проч. т. п. Для насъ въ настоящемъ случаѣ въ этомъ варіантѣ интересны куплетные запѣвы:

Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбранный!
Повѣджь же намъ, що еденъ а еденъ?
Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:
Еденъ то самъ Сынъ Божій,
Що надъ нами кралюе
И кралёвацъ все буде.

Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбранный!
Повѣджь намъ, що два а два?
Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ...

и т. д. до девяти включительно (Голов., т. III, стр. 146—147).

Сильное вліяніе церковно-служителей на возникновеніе, развитіе и распрзстраненіе народныхъ религіозныхъ сказаній обнаруживается даже въ ихъ языкѣ. Г. Купчанко, доставившій буковинскія сказки для извѣстнаго сборника: «Малорус. народ. преданія и разсказы», говоритъ: «сказки тѣ записаны частью малороссійскимъ, частью церковнымъ языкомъ».

———

Число извѣстныхъ въ печати малорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ не велико. Можно думать, что многіе, обращающіеся въ народѣ, разсказы и пѣсни эторо рода не вошли въ сборники Чубинскаго и Драгоманова. Матеріалъ, вошедшій въ «Труды этн. ст. экспед.» и въ «Малор. народ. преданія» былъ собираемъ во время господства миѳологической теоріи и отчасти подъ прямымъ ея вліяніемъ. Теорія литературнаго заимствованія обрядовъ, сказаній и пѣсенъ получила въ русской наукѣ право гражданства въ послѣднія два десятилѣтія; вліяніе ея на этнографовъ стало обнаруживаться лишь въ послѣднее время, и то въ слабой степени. Лѣтъ тридцать, сорокъ назадъ сказанія объ Адамѣ и Евѣ, потопѣ, Самсонѣ, Давидѣ, Соломонѣ не могли привлечь къ себѣ такого вниманія этнографовъ и историковъ литературы, какое они привлекаютъ нынѣ, послѣ научныхъ изслѣдованій Бенфея, В. Гримма, А. Н. Веселовскаго, И. В. Ягича, А. И. Кирпичникова, г. Жданова.

Изъ южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, отмѣченныхъ въ этнографическихъ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова, Кулиша и Новосельскаго, найбольшій научный интересъ представляютъ сказанія о сотвореніи міра и человѣка и сказанія о Самсонѣ.

I.

Сотвореніе міра.

Во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ культуры человѣкъ интересовался вопросомъ о сотвореніи міра, когда, кѣмъ и какимъ образомъ созданъ внѣшній видимый міръ, изъ какого матеріала и въ силу какой причины. Исторія натуралистическихъ религій даетъ множетство разнообразныхъ отвѣтовъ на эти вопросы со стороны цивилизованныхъ народовъ древняго міра и дикихъ народовъ настоящаго времени. Заслуживаетъ вниманія слѣдующее сказаніе американскихъ индѣйцевъ Чипеваи, по весьма близкому сходству съ апокрифическими сказаніями о сотвореніи міра, обращающимися въ настоящее время среди южнорусскаго и другихъ сродныхъ съ нимъ славянскихъ народовъ. По религіозно-миѳическимъ представленіямъ Чипеваи, первоначально была только вода. Великій духъ Виска приказалъ бобру опуститься въ воду и принести со дна моря немного земли на поверхность. Бобръ опустился, но земли не досталъ. Мускусная мышь (rat musqué) обнаружила большую ловкость и принесла немного тины. Тогда Виска дохнулъ на эту тину или илъ, и послѣдній разросся до громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ отъ дыханія Виски произошла земля[1]). Въ апокрифическихъ книгахъ и современныхъ малорусскихъ народныхъ разсказахъ о сотвореніи міра обнаруживается весьма близкое сходство съ космическимъ миѳомъ Чипеваи. Мѣсто Виски занимаетъ Богъ, мѣсто бобра и мыши Сатана или голуби, а въ остальномъ почти полное сходство. Если исключить предположеніе, что апокрифическія сказанія о сотвореніи міра проникли къ Чипеваи чрезъ миссіонеровъ, предположеніе шаткое, то остается только высказать удивленіе передъ фактомъ существованія столь сходныхъ сказаній у народовъ, раздѣленныхъ громадными пространствами и никогда не входившихъ во взаимныя сношенія.

Оставляя въ сторонѣ индійскія преданія о происхожденіи міра изъ Брамы, древне-германскія преданія о происхожденіи міра изъ тѣла убитаго Имира, финскія пѣсни Калевалы о происхожденіи міра изъ яйца, снесеннаго дикой уткой на колѣнѣ матери воды

---

[1]) *Reville*, Les religions des peuples non civilisés, т. I, стр. 282.

Ильматаръ, и другія тому подобныя преданія разныхъ народовъ, какъ не имѣющія прямого отношенія къ южно-русскимъ народнымъ разсказамъ о сотвореніи міра, мы должны опредѣлить для уразумѣнія послѣднихъ, во первыхъ, древнія славянскія религіозно-миѳическія сказанія о началѣ міра, во вторыхъ пришедшія на ихъ смѣну апокрифическія сказанія о томъ же предметѣ и, наконецъ, въ третьихъ формы сочетанія и элементы тѣхъ и другихъ въ существующихъ въ настоящее время въ Малороссіи разсказахъ о началѣ міра.

Въ настоящее время нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, каковы были разсказы у славянъ о сотвореніи міра до принятія христіанства, такъ какъ они впослѣдствіи сильно измѣнились подъ вліяніемъ апокрифовъ. Аѳанасьевъ во 2 т. «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу» посвятилъ цѣлую главу преданіямъ о сотвореніи міра и человѣка, и однако онъ болѣе затемнилъ предметъ изслѣдованія, чѣмъ разъяснилъ его. Дѣло въ томъ, что здѣсь апокрифическія сказанія объясняются съ славяской религіозно-миѳической точки зрѣнія, какъ понимаетъ ее авторъ, слѣдовательно, предположительной и гадательной. Въ дуалистическомъ противоположеніи Бога и Сатаны апокрифическихъ сказаній Аѳанасьевъ усмотрѣлъ остатокъ вѣрованій въ бога-громовника Перуна и враждебнаго ему демона мрачныхъ тучъ и въ апокрифическомъ созданіи горъ Сатаной славянское представленіе о змѣѣ Горыничѣ. Вышла путаница разнородныхъ и разноплеменныхъ представленій о мірѣ. Весьма возможно, что и въ апокрифахъ находятся натуралистическіе миѳы; но миѳы эти возникли и развились вдали отъ славянства, большею частью на дуалистической основѣ древнихъ иранскихъ религій, и болгарскіе богомилы немногое могли къ нимъ добавить изъ сферы собственно болгарскаго народнаго міровоззрѣнія. Въ космогоническихъ апокрифахъ довольно явственно выразился гностико-богомильскій дуализмъ. По сирско-гностическому ученію и по весьма сходному съ нимъ ученію богомиловъ, первоначальное существо Богъ Отецъ создалъ разные чины ангеловъ и архангеловъ. Высшему существу, непостижимому Богу, противоположно злое начало Сатана. Ангелы, духи 7 планетъ, сотворили міръ и человѣка. Богъ вложилъ въ него душу. Сатана сотворилъ міръ темныхъ существъ. Богомилы, принявшіе основные элементы этого гностиче-

скаго и манихейскаго ученія, нѣсколько иначе развили ихъ. Мощный духъ Сатанаилъ за возмущеніе противъ Бога низверженъ былъ съ высоты небесной. Изъ соревнованія Богу онъ создалъ второе небо и вторую землю себѣ и соучастникамъ своего паденія. Онъ создалъ тѣло человѣка, но не могъ вложить въ него душу, и, по его просьбѣ, Богъ послалъ въ тѣло свое дыханіе. Сатана въ теченіи 5500 лѣтъ враждовалъ съ Богомъ, и наконецъ, Богъ создалъ отъ сердца своего великаго ангела Миха, явившагося во плоти въ лицѣ Іисуса Христа. Миха побѣдилъ Сатанаила, отнялъ отъ его имени священное окончаніе *илъ* и присоединилъ его къ своему первоначальному имени Миха [1]).

Изъ различныхъ апокрифовъ о сотвореніи міра на южно-русской почвѣ наиболѣе привился апокрифъ, напечатанный проф. И. Я. Порфирьевымъ по рукописи соловецкой библіотеки [2]). Апокрифъ этотъ извлеченъ г. Порфирьевымъ изъ одного сборника XVII ст.; здѣсь можно ограничиться приведеніемъ части апокрифа, усвоенной простымъ народомъ въ Малороссіи: «Іоаннъ рече: отъ чего земля сотворена бысть? Василій рече: егда сниде (Богъ) и начя ходити по водѣ и узрѣ на водѣ птицу, плаваетъ яко гоголь. И рече Богъ ты кто еси? Птица же рече: азъ есмь богъ?—А азъ кто есмь? Птица же рече: ты богомъ Богъ. Богъ же рече: ты откуду бѣ? Птица же рече: отъ вышнихъ. И рече Богъ: дай же ми отъ нижнихъ. И понре птица въ море и согна пѣну, яко илъ и принесе къ Богу, и взя Богъ илъ въ горсть и распространи сюду и овоюду, и бысть земля; и повелѣ Богъ изсякнути рѣкамъ и источникамъ, и взя Богъ птицу и нарече имя ему Сатанаилъ, и буди ты у мене воевода небеснымъ силамъ, надо всѣми старѣйшина. И сотвори Богъ потомъ небесныя силы... бѣ же старѣйшина ангеломъ нареченный Сатанаилъ, первый воевода... И помысли себѣ Сатана, яко сниду на землю и поставлю престолъ себѣ надъ звѣздами и подобенъ буду Вышнему и да мя славитъ чинъ мой, еже подо мною. Богъ же видѣвъ, яко сице помысли Сатанаилъ, и предастъ старшинство Михаилу на всѣхъ небесныхъ силахъ. И повелѣ Богъ Михаилу соврещи противника своего долу и со отступными его силами»...

---

[1]) *Правосл. Собесѣдникъ*, 1861 г., т. I, стр. 257—258.

[2]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по рук. солов. библ. С.пб. 1877 г.. стр. 87.

Въ южнорусской Пчелѣ конца XVII ст., описанной отчасти Бѣлозерскимъ, находится, между прочимъ, Исторія о сотвореніи міра и первыхъ людей, съ такой припиской: «теразъ ново съ полского на русское сполностю переложено року 1640, мѣсяца августа 28 дня въ богоспасаемомъ градѣ Погребищахъ, а въ сію книгу переведено року 1679 мѣсяца іюля 3 въ селѣ Камышахъ уѣзду Груньскаго» [1]. Къ сожалѣнію, Бѣлозерскій, имѣвшій въ рукахъ эту любопытную рукопись, не указалъ на содержаніе «исторіи», и мы можемъ только предположить, что содержаніе этой «исторіи» сходно съ вышеприведеннымъ апокрифомъ.

Повидимому, особымъ апокрифическимъ характеромъ отличается небольшое «Слово о сотвореніи неба и земли», находящееся въ рукописномъ сборникѣ львовскаго базиліанскаго монастыря. Въ этомъ Словѣ говорится о 4 углахъ земли, 20 воротахъ свѣта на востокѣ и западѣ, 12 путяхъ солнца и мѣсяца [2].

Многочисленность и распространенность апокрифовъ о сотвореніи міра въ старинное время видна уже изъ того, что въ настоящее время въ народѣ есть много разсказовъ о сотвореніи міра, большею частью весьма близкихъ къ изданнымъ въ печати апокрифамъ. Большая часть народныхъ разсказовъ о сотвореніи міра представляетъ повтореніе апокрифическаго сказанія о томъ же предметѣ въ «Бесѣдѣ трехъ святителей». Сравнивая различные варіанты народныхъ сказаній о сотвореніи міра, можно, не дѣлая длинныхъ выписокъ, намѣтить слѣдующіе основные ихъ мотивы:

Перше не було ни неба, ни земли, була тильки тьма и вода змишана съ землею, такъ неначе кваша, а Богъ литавъ святымъ духомъ по-надъ водою, котора шумила пиною. Отъ разъ Богъ ходыть по води та дыхнувъ на ту пину и сказавъ: нехай буде янголъ» (Чуб. I, 143). Этотъ мотивъ, записанный въ радомысльскомъ уѣздѣ, чрезвычайно близко подходитъ къ апокрифу. Замѣчательная здѣсь черта—простонародное объясненіе первобытной матеріи, какъ смѣсь воды и земли, и своеобразное сравненіе ея съ квашей. Въ другомъ варіантѣ, записанномъ въ козелецкомъ у. черниговской губ., «Богъ литавъ надъ водою, та и побачивъ, що щось плава таке,

---

[1] *Бѣлозерскій,* Южно-рус. лѣтописи, т. I, стр. 145.

[2] *Огоновскій,* въ „Зорѣ" 1886 г., стр. 371.

мовъ головешка, безъ рукъ и безъ ногъ; а то бувъ Сатанаилъ» (Чуб. II, 359). Въ другихъ варіантахъ разсказъ прямо начинается съ того, что Богъ и Сатанаилъ приступаютъ къ творенію міра, причемъ творитъ собственно Богъ, а Сатанаилъ помогаетъ ему и хитритъ (Драг. 88; Nowos. II, 3). Въ одномъ варіантѣ, несомнѣнно испорченномъ, Богъ и св. ап. Петръ отъ скуки рѣшили создать міръ, и Петръ приглашаетъ на помощь чорта (Чуб. I, 144). Сюда ап. Петръ вошелъ изъ апокрифическихъ сказаній о хожденіи по землѣ Христа и апостоловъ.

Способъ сотворенія земли во всѣхъ варіантахъ описанъ одинаково: Богъ посылаетъ Сатанаила на дно моря взять песку (и синяго камня) и приказываетъ ему произнести при этомъ «не я беру, а Богъ бере»; но Сатанаилъ сказалъ «не Богъ бере, а я беру», и не могъ вынести, и только на третій разъ, исполнивъ приказаніе Бога, захватилъ песку (и камень); Богъ посѣялъ песокъ, приказалъ ему рости, и такимъ образомъ создана была земля, а изъ синяго камня—небо. Тождественный разсказъ о сотвореніи міра записанъ въ Болгаріи (Драг., 429).

Величина земли объясняется различно: Богъ приказалъ горсти песку разростись (Чуб. I, 144; Драг. 90; Nowos. II, 3; Аѳан. II, 460). Дополнительная черта: ап. Петръ и Павелъ остановили ростъ земли, а то она и до сихъ поръ росла бы (Драг. 90, Аѳан. II, 460). Земля выростала по мѣрѣ того, какъ Сатана носилъ спящаго Бога, чтобъ утопить его (Чуб. I, 144, Драг. 90), или толкалъ Его къ водѣ съ цѣлью утопить (Аѳан. II, 461).

Съ сказаніями о сотвореніи міра Богомъ при помощи Сатанаила тѣсно связанъ разсказъ о происхожденіи горъ на землѣ: Сатанаилъ скрылъ за губой немного песку, и когда, по повелѣнію Бога, песокъ сталъ рости, то обнаружился ростъ песка за губой; губу стало распирать; Сатанаилъ началъ выплевывать его, и гдѣ только онъ плевалъ, тамъ являлись горы (Чуб. I, 144, Nowos. II, 3, Аѳан. II, 459). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ происхожденіе горъ просто объясняется тѣмъ, что песокъ, когда Богъ его сѣялъ, упалъ купкою, а гдѣ онъ падалъ ровно, тамъ стали поля (Чуб. II, 360).

Въ ряду малорусскихъ народныхъ разсказовъ о сотвореніи міра особое мѣсто занимаетъ миѳъ о первомъ вѣкѣ творенія въ Запискахъ о южной Руси П. А. Кулиша II, 31—32. Всѣ разска-

зы, напечатанные у Чубинскаго, Драгоманова, Новосельскаго, Аѳанасьева и въ «Основѣ» несомнѣнно построены на апокрифахъ гностико-богумильскаго происхожденія. Въ короткомъ и темномъ народноиъ разсказѣ о первомъ вѣкѣ творенія, записанномъ г. Кулишемъ, повидимому, сохранились обломки древне-славянскаго космогоническаго миѳа, именно два обломка: объ участіи въ созданіи міра мыши и воробья и о происхожденіи міра изъ яйца: «Колысьто, ще за первого вику, за старихъ людей, мыша та горобецъ та засіяли просо. Якъ пожали воны просо, то почали дилытьця, та и не помирились. Ось стали бытьця и стала збиратьця усяка птыця и всякіи звири. Якъ стали бытьця, якъ стали бытьця, то птыця и подужала звиривъ. Да хочъ подужала, а таки и сама побилася. Тилько одна птыця вынялась, що добила усихъ звиривъ. Уже и та птыця вморилася да и сила на такому высокому дереви»! Мимо дерева проходилъ мужикъ. Онъ накормилъ птицу, отдавъ ей своего быка, и отнесъ ее въ лѣсъ, гдѣ она жила. Въ благодарность за такую услугу птица «вынесла ему царствечко въ золотому яечку... А винъ и розчинивъ его посередъ шляху: ажъ тутъ видтиль ярмарокъ такій, що Боже храни»! Насилу мужикъ собралъ его и закрылъ яйцо. На вопросъ слушателя, откуда же потомъ взялись звѣри, разскащикъ добавилъ: «Се жъ уже на другій викъ повернуло, то Богъ тогди и людей и всячину намноживъ». Въ религізномиѳическихъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ разныхъ народовъ мышь и яйцо играютъ важную роль; ранѣе мы уже замѣтили, что мышь участвуетъ въ міросозданіи въ космогоническихъ миѳахъ американскихъ индѣйцевъ, а яйцо является источникомъ міра въ финскихъ миѳахъ Калевалы. Чехи считаютъ мышь созданіемъ чорта. По другому чешскому повѣрью, полевыя мыши ниспадаютъ въ началѣ весны съ мѣсяца (съ неба) или зарождаются отъ дождя, выпадающаго на Петровъ день. Въ русскихъ сказкахъ мыши принадлежатъ къ хозяйству Яги, приносятъ дѣтямъ зубы и причиняютъ людямъ смерть.

Апокрифическіи сказанія о созданіи міра Богомъ и Сатанаиломъ настолько были популярны въ южной Россіи, особенно въ Галиціи, что проникли въ народную поэзію, и возникли народныя апокрифическія пѣсни. Такъ, въ одной галицко-русской колядкѣ говорится, что въ началѣ свѣта не было ни неба, ни земли, но

синее море. Среди моря стоитъ яворъ; на немъ три голубя; они совѣтуются, какъ міръ сотворить, и приходять къ такому заключенію:

Та спустымося на дно до моря,
Та достанемо дрибного писку,
Дрибный писочокъ посіемо мы.
То намъ ся стане чорна землыця;
Та достанемо золотый камень,
Золотый камень посіемо мы,
То намъ ся стане ясне небойко,
Ясне небойко, свитле сонейко,
Свитло сонейко, ясенъ мѣсячикъ,
Ясенъ мѣсячикъ, ясна зирныця,
Ясна зирныця, дрибни звиздойки.

(Голов., т. II, стр. 5; Kolberg, т. I, стр. 348).

Варіанты незначительны: два дуба вмѣсто явора, два голубя вмѣсто трехъ, причемъ цифра два ближе подходитъ къ тѣмъ апокрифическимъ сказаніямъ, въ которыхъ творцами земли являются плавающіе по морю два гоголя (Богъ и Сатанаилъ); синій камень вмѣсто золотого, причемъ изъ синяго камня создается синее небо (Аѳанас., т. II, стр. 466). Въ нѣкоторыхъ галицко-русскихъ колядкахъ говорится, что Господь и ап. Петръ купались въ криницѣ, возникшей изъ капли росы, и заспорили о томъ, что больше, земля или небо. Господь сказалъ, что земля; ап. Петръ сказалъ, что небо. Господь приказалъ ангеламъ измѣрить небо и землю; бо́льшей оказалась земля:

Чимъ небо меньше? Всюды ривненьке,
Всюды ривненьке та звиздяненьке.
Чимъ земля бильше? Горы и долины,
Горы и долины, та и полонины.

(Голов., т, II, стр. 32; Чуб. т. III, стр. 307).

Введеніе ап. Петра въ апокрифическія сказанія о сотвореніи міра внесло въ послѣднія нѣкоторыя измѣненія. Еще болѣе подверглись измѣненію апокрифическія пѣсни о міросозданіи, вслѣдствіе проникновенія въ нихъ ап. Петра, какъ видно изъ слѣдующей колядки:

Якъ то було спрежде вика
Зачатье свита;
Выгравало синее море.
На синёму морю
Стояло три яворы,
На тихъ яворахъ
Три крислечки.
На першому крисли
Самъ Господь седыть,
На другимъ крисли
Святый Петро;
На третимъ крисли
Святый Павло.
Рече Господь до св. Петра:
«Пурни, Петре, на дно въ море;
Достань, Петре, жовтого писку,
Та посій по всему свиту,
Сотвори, Петре, небо и землю,
Небо зъ звиздами,
Землю съ квитами.
Петро пурнувъ и дна не доставъ,
И писку не взявъ,
И свита не сіявъ...

Затѣмъ Господь предлагаетъ ап. Павлу опуститься на дно морское и достать песку; но и ап. Павелъ не могъ достать дна. Тогда опустился Господь на дно морское, досталъ песку, посѣялъ его и сотворилъ такимъ образомъ небо и землю, небо со звѣздами, землю съ цвѣтами (Nowos., Lud., т. I, стр. 103—104). Въ этой колядкѣ Сатанаилъ совсѣмъ не участвуетъ въ сотвореніи міра, и та роль, которая принадлежитъ ему по апокрифамъ, перешла на св. ап. Петра и Павла, причемъ апостолы свободны отъ хитрости и недоброжелательства Сатаны апокрифовъ.

2.

Происхожденіе чертей.

Какъ въ апокрифахъ, такъ и въ народныхъ сказкахъ происхожденіе чертей тѣсно связывается съ преданіемъ о сотвореніи

міра Богомъ и Сатанаиломъ и непосредственно пріурочивается къ демонической личности павшаго Сатанаила. Въ апокрифахъ о сотвореніи міра Сатана, побѣжденный архангеломъ Михаиломъ, «прошибе землю и ста на безднѣ подъ землею, и ина его сила съ нимъ, иная же сила оста на земли, и претворишася въ бѣсы и прельщають человѣки; иная же сила не допаде до земли и летають по воздуху, и тѣ претворяются въ ангелы и прельщають людей; не таци же сутъ бѣсы, яко ихъ пишутъ, черни, огнеомраченіи суть» [1])...

Южно-русскіе писатели XVII ст. хорошо знали этотъ апокрифическій разсказъ о происхожденіи подземныхъ, земныхъ и воздушныхъ демоновъ и даже вносили его въ свои сочиненія, что усиливало популярность этого апокрифическаго сказанія. Такъ, Іоанникій Галятовскій въ сочиненіи «Души людей умерлыхъ» 1687 г. замѣчаетъ: «на повѣтрѣ полно есть злыхъ духовъ, которые съ нами войну точатъ, до грѣха насъ приводятъ и души людскія задерживаютъ». По мнѣнію Галятовскаго, святые въ воздухѣ борятся съ чертями за душу умершаго.

Апокрифическія сказанія о злыхъ духахъ, проникнувъ въ простой народъ, вошли въ связь съ древне-славянскими народными повѣрьями о домовыхъ, лѣшихъ и русалкахъ. Когда Богъ низвергнулъ непокорныхъ ангеловъ, говорятъ малороссіяне, они летѣли въ пропасть ада сорокъ дней и сорокъ ночей. Непокорные ангелы падали, какъ дождь. На какомъ мѣстѣ демонъ вспомнилъ о Богѣ, тамъ онъ и остановился, и оставаться ему тамъ до страшнаго суда. Оттого произошли черти водяные, лѣсные, болотные. Если кто нибудь поставитъ хату на томъ мѣстѣ, гдѣ находитси павшій ангелъ, то послѣдній обращается въ домоваго духа. Если онъ полюбитъ хозяина, то послѣдній во всемъ будетъ находить удачу и счастье. Въ противномъ случаѣ онъ причиняетъ хозяину разныя безпокойства и непріятности [2]).

Другія простонародныя объясненія происхожденія чертей также вышли изъ апокрифическихъ сказаній. Такъ, говорятъ, черти созданы Сатаной такимъ образомъ: а) Сатана умывалъ руки и трясъ

---

1) *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія по рукоп. солов. библ., 89.

2) *Novosielski*, Lud ukraiński, т. I, стр. 73—74, т. II, стр. 3—4; Чубинскій, т. I, стр. 191; *Драгомановъ*, стр. 91.

ими позади себя; изъ каждой капли выходилъ чортъ (Чуб., т. I, стр. 191); б) Сатана въ морѣ плескалъ воду отъ себя, и изъ волны выходили черти (Драг., стр. 42); в) черти созданы Сатаной изъ камней.

Варіантъ *а* получилъ мѣстную, украинскую окраску: «Оттакъ и теперь жиды роблять. Жидъ, пся вира, ни за що не обитре рукъ по христіански, а неприминно стрепне перше на выдворотъ мокрыми руками» (Драг., стр. 91).

Разсказы о продѣлкахъ чертей вышли изъ разныхъ источниковъ: миѳическихъ, апокрифическихъ и литературно-повѣствовательныхъ. Въ сказкахъ и повѣрьяхъ о чертяхъ преобладаетъ миѳическая основа, въ легендахъ и живописныхъ изображеніяхъ демоновъ—апокрифическая, а въ драматическихъ интермедіяхъ—западно-европейская повѣствовательная.

3.

Сотвореніе человѣка.

Вопросъ о сотвореніи человѣка всегда представлялъ большой интересъ, и натуральныя политеистическія религіи представляютъ весьма разнообразные отвѣты. Многіе дикіе народы южной Африки и Америки, готтентоты, бушмены, патагонцы, вѣрятъ, что люди первоначально жили въ глубинѣ земли и потомъ вышли оттуда. Въ этомъ преданіи можно видѣть воспоминаніе о жизни въ пещерахъ. Весьма распространено также повѣрье о происхожденіи перваго человѣка изъ дерева [1]). Арійскія сказанія о происхожденіи человѣка разсматриваютъ человѣка, какъ микрокосмъ, малый міръ, происшедшій изъ великаго внѣшняго міра, макрокосма. Греки производили родъ человѣческій отъ камней, брошенныхъ Пирой послѣ потопа. Индійскіе миѳы производятъ глаза человѣка отъ солнца, волосы отъ растенія, кости отъ камня, кровь отъ воды [2]). Подобнаго рода представленія о созданіи перваго человѣка и составѣ человѣческаго тѣла были свойственны также древнимъ славянамъ, и до сихъ поръ сохранились въ великорусскихъ и малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ. «Космогоническое

---

[1]) *Reville*, Les religions des peuples non civilesés, т. I, стр. 144, 394.

[2]) *Буслаевъ*, Историч. очерки, т. I, стр. 143.

преданіе о сотвореніи человѣка, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, не только своеземно у насъ, но и являетъ замѣчательное дополненіе къ преданіямъ прочихъ народовъ. Мало того, оно такъ вкоренилось въ народныя вѣрованія, что еще доселѣ живетъ въ русскихъ суевѣріяхъ, и именно какъ догматъ въ расколѣ духоборцевъ. Вотъ ихъ ученіе о происхожденіи человѣка: человѣкъ созданъ изъ земли, а Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ кореня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Это замѣчательное суевѣріе важно потому, что служитъ дополненіемъ къ Голубиной книгѣ и совершенно согласуется съ нѣмецкими и другими древнѣйшими преданіями» [1]). Индо-европейское преданіе о сотвореніи человѣка изъ разныхъ частей внѣшней природы проникло и въ апокрифическое сказаніе «Како сотвори Богъ Адама», напечатанное А. Н. Пыпинымъ по рукописи XVII в.: Богъ.., «веземъ горсть земли отъ осьми частей: отъ земли тѣло, отъ камени кость, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли» [2])...

Обращающіеся въ малорусскомъ народѣ разсказы о сотвореніи перваго человѣка носятъ на себѣ слѣды апокрифическаго сказанія, столь же дуалистическаго по противоположенію Бога и Сатаны, какъ и сказанія о сотвореніи міра. Насколько народные разсказы о сотвореніи перваго человѣка близко подходятъ къ апокрифическому сказанію о сотвореніи Адама, можно убѣдиться изъ сравненія ихъ главныхъ мотивовъ. Такъ, въ ушицкомъ уѣздѣ говорятъ, что Сатана слѣпилъ человѣка изъ глины, а Богъ одухотворилъ его. Сатана оплевалъ человѣка; отъ этого человѣкъ теперь плюетъ и кашляетъ. Въ луцкомъ уѣздѣ добавляютъ, что Сатана оплевалъ человѣка изъ зависти къ его красотѣ, а Богъ, чтобы не пачкать рукъ о чортову слюну, вложилъ ее во внутренность человѣка, и съ тѣхъ поръ человѣкъ ее выплевываетъ и все не можетъ вполнѣ выплевать. Въ каневскомъ уѣздѣ записанъ разсказъ, что Богъ перваго мужчину сдѣлалъ изъ земли, а женщину изъ тѣста и приказалъ арх. Михаилу стеречь ихъ; но арх. Михаилъ не былъ достаточно остороженъ, и собака съѣла женщину. Богъ тогда сдѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 147.

[2]) *Пыпинъ*, Памят. стар. рус. литер., т. III, стр. 12.

лалъ другую женщину изъ ребра Адама. Въ радомысльскомъ уѣздѣ этотъ разсказъ варьируется такимъ образомъ, что Богъ сначала сдѣлалъ Адама изъ тѣста и поставилъ на солнце сушиться; но когда пробѣгавшая собака его съѣла, то Богъ слѣпилъ перваго человѣка изъ глины, далъ ему роговое тѣло и вдунулъ въ него ангельскую душу. Богъ создалъ для Адама жену сначала изъ цвѣтовъ, но Адамъ отказался отъ нея. Тогда Богъ создалъ изъ ребра Адама Еву, и Ева понравилась Адаму. Созданную изъ цвѣтовъ женщину Богъ послалъ на небо и опредѣлилъ сдѣлаться ей впослѣдствіи Матерью Спасителя [1]). Въ апокрифическомъ сказаніи «Како сотвори Богъ Адама», говорится: «и поиде Господь Богъ очи имати отъ солнца, и остави Адама единаго лежаща на земли, пріиде-же окаянный Сатана къ Адаму и измаза его каломъ, и тиною, и возгрями. И пріиде Господь къ Адаму..... снемъ съ него пакости Сатанины, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами и теслою (остатки глины, опилки ?), очисти его, яко зерцало отъ всѣхъ скверн̂ъ и постави собаку, и повелѣ стрещи Адама, и самъ Господь отыде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамово. И пріиде вторые Сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну..... Собака начала зло лаяти на дьявола. Окаянный же Сотона веемъ древо и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ. И пріиде Іисусъ изъ горнего Іерусалима и видѣ Адама древомъ исколота и милосердова о немъ..... И отгна Господь дьявола.... и обороти вся недуги въ него» [2]).

4.

Адамъ и Ева.

Малорусскія народныя сказанія объ Адамѣ и Евѣ представляютъ, во первыхъ, тотъ интересъ, что отвѣчаютъ всѣмъ главнымъ апокрифамъ о прародителяхъ, и во вторыхъ, настолько распространены, что перешли даже въ народныя пѣсни.

---

[1]) *Чубинскій*, т. I, стр. 145—146; *Novosielski*, т. II, стр. 5, 9. По древнимъ еврейскимъ сказаніямъ первая жена Адама Лилита была создана изъ земли; она была сильна, не захотѣла повиноваться Адаму и ушла отъ него (Порф., Апокр., стр. 38).

[2]) *Пыпинъ*, Памят. стар- рус. литер., т. III, стр. 13.

Въ Малороссіи встрѣчаются разсказы о грѣхопаденіи Адама, о томъ, какъ онъ обрабатывалъ землю, о рукописаніи, данномъ Адамомъ Сатанѣ и о смерти Адама.

Народные разсказы о грѣхопаденіи прародителей заключаютъ въ себѣ весьма немногія отклоненія отъ библейскаго сказанія о томъ-же предметѣ. Сатана искусилъ Еву, потому что она была очень красива, и Сатана въ нее влюбился. Въ связи съ этимъ мотивомъ стоитъ другой: Ева не знала, какимъ образомъ она можетъ породить людей. Сатана ей показалъ, и отъ плотской связи Сатаны съ Евой родился Каинъ (Чуб., I, 146, 147). Съ грѣхопаденіемъ связывается потеря прародителями роговаго тѣла и замѣна его настоящимъ человѣческимъ тѣломъ, причемъ отъ прежняго тѣла остались только ногти (Nowos., II, 152; Чуб. I, 146). Далѣе народъ добавляетъ, что остриженные ногти не должно бросать на землю, потому что изъ нихъ дьяволъ шьетъ себѣ шапку-невидимку. Когда онъ надѣваетъ эту шапку, Богъ не можетъ попасть въ него молніей. Здѣсь уже примѣшанъ немного миѳическій элементъ. Вполнѣ миѳическій характеръ имѣетъ повѣрье, что остриженные ногти нужно сохранять, чтобы послѣ смерти вскарабкаться на высокую гору рая, повѣрье. встрѣчающееся у славянъ и литовцевъ и вошедшее аъ Талмудъ и Эдду (Now. II, 153).

О началѣ земледѣлія въ народныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ говорится, что ангелъ во время изгнанія прародителей изъ рая Адаму далъ горсть жита и Евѣ горсть коноплявнаго сѣмени (Чуб. I, 146). Адамъ вспахалъ поле, но Сатана вскопанное перевернулъ вверхъ травою, и такъ дѣлалъ до тѣхъ поръ, пока Адамъ не надумался сказать «Помогай, Боже!» (Драг. 92). Въ варіантѣ этого сказанія, указывающемъ на древній способъ земледѣлія посредствомъ корчевки лѣса, говорится, что Адамъ вырывалъ деревья съ корнями, а Сатана потомъ ихъ снова укрѣплялъ въ землѣ, пока Адамъ не сказалъ «Помогай, Боже!» (Nowos. II, 8). Засѣявъ поле, Адамъ запрегся въ борону и сталъ волочить, а чертъ сѣлъ на боронѣ, и Адаму было очень тяжело волочить борону. Замѣтивъ эту продѣлку дьявола, Богъ послалъ на землю ангела. Ангелъ накинулъ на черта оброть и обратилъ его въ коня. Тогда Адамъ запрегъ его въ борону (Драг., 93).

Однажды, дьяволъ предложилъ Адаму заключить договоръ, по которому живые люди должны принадлежать Адаму, а умершіе дьяволу. Не обдумавши предложенія дьявола, Адамъ согласился и росписался своею кровью, взятой изъ мизинца. Дьяволъ отнесъ этотъ документъ на р. Іорданъ, вложилъ его въ камень, задѣлалъ отверстіе и положилъ камень на дно рѣки. Когда Спаситель вступилъ въ воды р. Іордана, то камень этотъ всплылъ на верхъ; предполагается при этомъ, что и договоръ былъ уничтоженъ (Nowos., II, 8—9),

Адамъ передъ смертью послалъ своего сына (имя не названо) въ рай за золотымъ яблокомъ, но сынъ вмѣсто золотаго яблока принесъ изъ рая тотъ прутъ, которымъ Адамъ былъ выгнанъ изъ рая. Адамъ велѣлъ сдѣлать изъ него три вѣнка на голову, которые облегчили голову Адама отъ боли. При всемъ томъ Адамъ умеръ и былъ похороненъ вмѣстѣ съ вѣнками, изъ которыхъ выросло три дерева: кипарисъ, кедръ и треблаженное древо. Изъ послѣдняго былъ сдѣланъ крестъ для распятія Спасителя (Драг., 94).

Апокрифы объ Адамѣ и Евѣ составляютъ особый довольно обширный циклъ. Они встрѣчаются въ рукописяхъ или отдѣльно, въ разныхъ сборникахъ, или же вставлены въ Палеи. По предположенію Тишендорфа, въ первые вѣка христіанства была обширная книга объ Адамѣ и Евѣ [1]), и сохранившіеся въ рукописяхъ греческіе и славянскіе апокрифы можно считать ея крупными обломками. Славянскіе апокрифы объ Адамѣ и Евѣ напечатаны въ сборникахъ памятниковъ отреченной литературы гг. Пыпина, Порфирьева и Тихонравова, причемъ лучшія редакціи помѣщены въ сборникѣ г. Тихонравова. Малорусскія народныя апокрифическія сказанія о грѣхопаденіи прародителей, о роговомъ ихъ тѣлѣ, вообще малочисленныя и отрывочныя, не встрѣчаются въ апокрифахъ, и въ этихъ сказаніяхъ, вѣроятно, преобладаетъ мѣстное, южно русское измышленіе. За то всѣ другія малорусскія народныя сказанія объ Адамѣ и Евѣ, именно, сказаніе о томъ, какъ Адамъ оралъ землю, сказаніе о рукописаніи Адама и сказаніе о его смерти, всецѣло построены на апокрифахъ, нынѣ извѣстныхъ уже въ печати.

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по солов. рукоп., стр. 24, 35.

Въ апокрифахъ прародители, вскорѣ послѣ изгнанія ихъ изъ рая, стали ощущать голодъ. Они обошли всю землю и нашли только чволъ (?) и траву сельную. Адамъ и Ева стали молиться, и Богъ послалъ къ нимъ архангела Іоиля съ седьмой частью рая и архангела Михаила съ пшеницей и медомъ. Архангелъ Михаилъ научилъ Адама и Еву ручному дѣлу. Богъ выгналъ изъ рая всѣхъ звѣрей и отдалъ ихъ Адаму. Адамъ взялъ воловъ и началъ орать землю; но тутъ явился дьяволъ, и сталъ ему препятствовать, говоря, что земля принадлежитъ ему, дьяволу. Кончилось тѣмъ, что дьяволъ взялъ съ Адама рукописаніе, въ силу котораго дьяволъ получилъ право собственности на души людей [1]).

Сказаніе о рукописаніи въ апокрифическихъ спискахъ излагается различно. По однимъ спискамъ представляется, что Адамъ далъ дьяволу рукописаніе потому, что безъ него дьяволъ не позволялъ пахать землю; по другимъ сказаніямъ Адамъ, испуганный темнотою въ первую ночь, думалъ, что онъ навсегда лишился свѣта и далъ дьяволу рукописаніе за то, что онъ обѣщалъ возвратить свѣтъ, и по третьимъ—потому, что дьяволъ снялъ съ Каина 12 зміиныхъ головъ. Подробности объ Адамѣ земледѣльцѣ и его рукописаніи не встрѣчаются въ греческомъ текстѣ, а только въ славянскихъ рукописяхъ [2]).

Въ греческихъ и славянскихъ рукописяхъ сохранился разсказъ о путешествіи Сиѳа въ рай, по греческимъ рукописямъ, за елеемъ милосердія для умиравшаго Адама, а по славянскимъ рукописямъ за вѣтвью райскаго дерева, изъ которой Адамъ сдѣлалъ вѣнецъ и возложилъ себѣ на голову. Эта подробность излагается въ апокрифическомъ сказаніи о древѣ крестномъ, входящемъ въ разрядъ новозавѣтныхъ апокрифовъ о страданіи и крестной смерти Спасителя. И въ апокрифахъ находится указаніе, что Сиѳъ принесъ Адаму три прута отъ певги, кедра и кипариса [3]). Въ малорусскомъ народномъ разсказѣ упомянуты кедръ и кипарисъ, а вмѣсто певги (пихта, Abies Sibirica) явилось треблаженное дерево.

Малорусскихъ пѣсенъ объ Адамѣ и Евѣ немного; у великоруссовъ гораздо болѣе пѣсенъ этого рода. Большая часть велико-

---

[1]) *Тихонравовъ*, Памятники отреч. рус. литер., т. I, стр. 3, 12.

[2]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по солов. рукоп., стр. 40 и 41.

[3]) *Тихонравовъ*, т. I, стр. 9; *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по солов. рук., стр. 38.

рускихъ пѣсенъ объ Адамѣ составлена раскольниками. Мы имѣемъ подъ руками пять малорусскихъ варіантовъ плача Адама: одинъ въ старинномъ Казаньѣ на Богоявленіе Господне [1]) въ литературной обработкѣ; другой, вполнѣ простонародный и довольно содержательный, въ «Трудахъ» Чубинскаго (т. I, стр. 147); третій, также народный, но весьма слабый и безцвѣтный, въ рукописномъ Сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому Историко-Филологическому Обществу, и два варіанта въ 6 выпускѣ «Калѣкъ перехожихъ». Одинъ изъ послѣднихъ двухъ варіантовъ передается почти вполнѣ литературнымъ русскимъ языкомъ, и только по отдѣльнымъ фразамъ, въ родѣ «Сличная Украина», можно догадаться о малорусскомъ происхожденіи духовнаго стиха. Содержаніе этого варіанта [2]) совершенно пустое. Гораздо содержательнѣе другой варіантъ, записанный П. В. Кирѣевскимъ неизвѣстно когда и гдѣ, вѣроятно, въ сѣверныхъ частяхъ Малороссіи, гдѣ народная рѣчь представляетъ нѣкоторыя особенности бѣлорусскаго говора. Содержаніе этого духовнаго стиха въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Адамъ, узнавъ о грѣхопаденіи Евы, расплакался передъ Богомъ и просилъ Бога позволить ему посмотрѣть рай и послушать ангельскаго гласу. Господь повелѣлъ святому Петру-Павлѣ (одно лицо) отомкнуть рай золотыми ключами и впустить туда Адама. Адамъ вошелъ въ рай со свѣчами въ рукахъ и со слезами на глазахъ. Здѣсь онъ увидѣлъ свой гробъ и просилъ его принять тѣло его, какъ мать принимаетъ дитя. Авраамъ, замѣтивъ Адама въ раю, сказалъ ему, что не его дѣло ходить по раю, а его дѣло пойти на Сіонскую гору, гдѣ ему покажутъ «чернокнижныя книги, житія и бытія». Адамъ пошелъ на Сіонскую гору. Затѣмъ слѣдуетъ окончаніе духовнаго стиха, повидимому, заимствованное изъ малорусскихъ колядокъ или точнѣе колядочныхъ пожеланій:

А споемъ мы псальмы
Святому Адаму,
Ой на честь, на хвалу,
Всему дому состояня,
А хозяину иа здоровье!

[1]) *Калитовскій*, Рус. литер. апокриф., стр. 25—27.
[2]) *Калпки перехожіе*, т. VI, 261.

Духовный стихъ объ Адамѣ и Евѣ, помѣщенный въ «Трудахъ» Чубинскаго [1]), отличается вполнѣ малорусскимъ языкомъ и близостью къ апокрифическому сказанію объ Адамѣ земледѣльцѣ:

...: Зачавъ Адамъ розмышлять,
Якъ бы намъ хлиба достать.
Укопать я не вмію,
И не знаю, що посію,
Бо не маю чого.
Янголъ къ ёму явився:
Иди, Адаме, поучися,
Визьми заступъ та нагнися,
Копай землю, потрудися...

О дѣтяхъ Адама и Евы малорусская словесность почти умалчиваетъ. Въ одной проповѣди Антонія Радивиловскаго находится краткая замѣтка о великанѣ Сиѳѣ. По народному повѣрью, на мѣсяцѣ отразилось убіеніе Авеля Каиномъ: «Каинъ Авеля на вильцахъ держе».

5.

Происхожденіе великановъ.

Разсказы о великанахъ встрѣчаются у многихъ народовъ въ разнообразныхъ варіантахъ. Подвести ихъ подъ одно объясненіе невозможно. Въ народныхъ сказкахъ и преданіяхъ встрѣчаются рядомъ великаны различнаго происхожденія. Одни разсказы о великанахъ произошли отъ олицетворенія темной массы тучъ, заволакивающихъ небо, и олицетворенія громовыхъ ударовъ, вихрей, мятелей и вьюгъ. Это—великаны миѳическіе. Въ народныхъ сказкахъ выступаютъ преимущественно миѳическіе великаны. Другіе великаны имѣютъ происхожденіе геологическое. Въ горахъ, въ обломкахъ скалъ, въ большихъ камняхъ фантазія древняго человѣка усматривала дѣло рукъ великановъ. Послѣдняго рода великаны возникали преимущественно въ гористыхъ странахъ. Нѣкоторые разсказы о великанахъ имѣютъ палеонтологическую основу. Находя въ землѣ огромныя кости вымершихъ животныхъ, люди стараго

---

[1]) *Чубинскій,* т. I, стр. 145.

времени считали ихъ остатками огромныхъ животныхъ и огромныхъ людей или великановъ, жившихъ прежде на землѣ. Кости животнаго иногда легко могли быть приняты за кости великановъ, и воображеніе работало надъ созданіемъ разсказовъ объ этихъ великанахъ и ихъ ужасныхъ дѣяніяхъ [1]). Встрѣчаются разсказы о великанахъ археологическаго происхожденія. Такіе вещественные памятники древности, какъ земляные валы, курганы и каменныя бабы, вызывали фантастическіе разсказы о необыкновенной силѣ и величинѣ древнихъ людей. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи великаны извѣстны подъ названіемъ волотовъ, а курганы называются волотками и считаются могилами великановъ и богатырей [2]). Затѣмъ преданія о великанахъ иногда возникали изъ затемнившихся историческихъ воспоминаній народа о столкновеніи съ сильными сосѣдями и о временахъ подчиненія сильному врагу. Такимъ преданіемъ представляется повѣствованіе древняго лѣтописца объ аварахъ или обрахъ: «Быша бѣ обры тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ обринъ; есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша, аки обре: ихже нѣсть племени, ни наслѣдка». У поляковъ olbrzym— исполинъ, великанъ. Наконецъ, разсказы о великанахъ имѣютъ иногда источникомъ апокрифическіе и литературно-повѣствовательные памятники. Въ этомъ отношеніи важны апокрифы объ Энохѣ и Александріи.

Въ южнорусской народной словесности находятся великаны миѳическаго, археологическаго и литературнаго происхожденія. Оставляя въ сторонѣ великановъ миѳическихъ, мы остановимся здѣсь на литературныхъ великанахъ, и приведемъ только одинъ, весьма любопытный народный разсказъ, въ которомъ являются ве-
[illegible]аны апокрифичсскаго происхожденія; но при этомъ къ нимъ
[illegible]ы черты великановъ археологическихъ. Въ древн[illegible]
[illegible] жили великаны, или Адамовы люди. Они на-
[illegible]рганы въ украинскихъ степяхъ. Это
[illegible]о могущественно. Богъ раз-
[illegible] законъ и жили въ

порокахъ, ссорились между собою, проливали кровь какъ воду, и рѣшилъ совершенно уничтожить ихъ. Долго Богъ думалъ, какъ ихъ уничтожить; но ничего не могъ придумать. Тогда Онъ спросилъ совѣта у царя «другой земли», а царь этотъ былъ великанъ съ двумя головами. Царь посовѣтывалъ Богу послать такой потопъ, чтобы вода залила всю землю, за исключеніемъ одного высокаго кургана, который царь оставилъ себѣ для спасенія. Богъ послѣдовалъ этому совѣту, и великаны были потоплены. Погибли также двухъ-головые люди «инших земель», и остался въ живыхъ только ихъ царь, бывшій на курганѣ. Онъ спалъ во время потопа; когда онъ проснулся, то убѣдился, что остался съ одной головою. Богъ наказалъ его за то, что онъ далъ столь жестокій совѣтъ для истребленія своихъ братьевъ. Отъ этого царя пошелъ родъ людской, такой же по росту и виду, какъ и нынѣ живущіе люди [1]).

Ко второй части этого разсказа о двухъ-головыхъ людяхъ примыкаютъ многіе малорусскіе разсказы о песиголовцахъ, или великанахъ съ песьими головами и однимъ глазомъ. Песиголовцы откармливали людей и ѣли ихъ [2]).

Происхожденіе первой части приведеннаго нами выше народнаго разсказа, именно: сказаніе объ исполинскомъ родѣ первобытныхъ адамовыхъ людей, апокрифическое, а вторая часть о двухъ-головыхъ людяхъ, равно какъ народные разсказы о песиголовцахъ, заимствованы, вѣроятно, изъ старинной повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ.

Въ первые вѣка христіанства большимъ вниманіемъ церковныхъ писателей пользовалась апокрифическая Книга Эноха. Въ полномъ видѣ она сохранилась въ Абиссиніи на эфіопскомъ языкѣ; въ краткихъ и измѣненныхъ отрывкахъ она встрѣчается въ славянскихъ рукописяхъ. Въ седмой главѣ Книги Эноха находится разсказъ о древнихъ исполинахъ, разсказъ, отъ котораго возникъ приведенный выше малорусскій разсказъ объ адамовыхъ людяхъ исполинскаго роста, причемъ были посредствующія литературныя звѣнья, нынѣ утерянныя. Послѣ того, какъ размножились сыны человѣческіе, говорится въ Книгѣ Эноха, у нихъ родились краси-

---

1) *Novosielski*, Lud ukraiński, т. II, стр. 11—12.

2) *Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 2, стр. 384.

времени считали ихъ остатками огромныхъ животныхъ и огромныхъ людей или великановъ, жившихъ прежде на землѣ. Кости животнаго иногда легко могли быть приняты за кости великановъ, и воображеніе работало надъ созданіемъ разсказовъ объ этихъ великанахъ и ихъ ужасныхъ дѣяніяхъ [1]). Встрѣчаются разсказы о великанахъ археологическаго происхожденія. Такіе вещественные памятники древности, какъ земляные валы, курганы и каменныя бабы, вызывали фантастическіе разсказы о необыкновенной силѣ и величинѣ древнихъ людей. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи великаны извѣстны подъ названіемъ волотовъ, а курганы называются волотками и считаются могилами великановъ и богатырей [2]). Затѣмъ преданія о великанахъ иногда возникали изъ затемнившихся историческихъ воспоминаній народа о столкновеніи съ сильными сосѣдями и о временахъ подчиненія сильному врагу. Такимъ преданіемъ представляется повѣствованіе древняго лѣтописца объ аварахъ или обрахъ: «Быша бѣ обры тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ обринъ; есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша, аки обре: ихже нѣсть племени, ни наслѣдка». У поляковъ olbrzym— исполинъ, великанъ. Наконецъ, разсказы о великанахъ имѣютъ иногда источникомъ апокрифическіе и литературно-повѣствовательные памятники. Въ этомъ отношеніи важны апокрифы объ Энохѣ и Александріи.

Въ южнорусской народной словесности находятся великаны миѳическаго, археологическаго и литературнаго происхожденія. Оставляя въ сторонѣ великановъ миѳическихъ, мы остановимся здѣсь на литературныхъ великанахъ, и приведемъ только одинъ, весьма любопытный народный разсказъ, въ которомъ являются ве-
[illegible]аны апокрифическаго происхожденія; но при этомъ [illegible] къ нимъ
[illegible] черты великановъ археологическихъ. Въ древн[illegible]
[illegible] жили великаны, или Адамовы люди. Они на-
[illegible]ганы въ украинскихъ степяхъ. Это
[illegible] могущественно. Богъ раз-
[illegible] законъ и жили въ

порокахъ, ссорились между собою, проливали кровь какъ воду, и рѣшилъ совершенно уничтожить ихъ. Долго Богъ думалъ, какъ ихъ уничтожить; но ничего не могъ придумать. Тогда Онъ спросилъ совѣта у царя «другой земли», а царь этотъ былъ великанъ съ двумя головами. Царь посовѣтывалъ Богу послать такой потопъ, чтобы вода залила всю землю, за исключеніемъ одного высокаго кургана, который царь оставилъ себѣ для спасенія. Богъ послѣдовалъ этому совѣту, и великаны были потоплены. Погибли также двухъ-головые люди «иншихъ земель», и остался въ живыхъ только ихъ царь, бывшій на курганѣ. Онъ спалъ во время потопа; когда онъ проснулся, то убѣдился, что остался съ одной головою. Богъ наказалъ его за то, что онъ далъ столь жестокій совѣтъ для истребленія своихъ братьевъ. Отъ этого царя пошелъ родъ людской, такой же по росту и виду, какъ и нынѣ живущіе люди [1]).

Ко второй части этого разсказа о двухъ-головыхъ людяхъ примыкаютъ многіе малорусскіе разсказы о песиголовцахъ, или великанахъ съ песьими головами и однимъ глазомъ. Песиголовцы откармливали людей и ѣли ихъ [2]).

Происхожденіе первой части приведеннаго нами выше народнаго разсказа, именно: сказаніе объ исполинскомъ родѣ первобытныхъ адамовыхъ людей, апокрифическое, а вторая часть о двухъ-головыхъ людяхъ, равно какъ народные разсказы о песиголовцахъ, заимствованы, вѣроятно, изъ старинной повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ.

Въ первые вѣка христіанства большимъ вниманіемъ церковныхъ писателей пользовалась апокрифическая Книга Эноха. Въ полномъ видѣ она сохранилась въ Абиссиніи на эфіопскомъ языкѣ; въ краткихъ и измѣненныхъ отрывкахъ она встрѣчается въ славянскихъ рукописяхъ. Въ седмой главѣ Книги Эноха находится разсказъ о древнихъ исполинахъ, разсказъ, отъ котораго возникъ приведенный выше малорусскій разсказъ объ адамовыхъ людяхъ исполинскаго роста, причемъ были посредствующія литературныя звѣнья, нынѣ утерянныя. Послѣ того, какъ размножились сыны человѣческіе, говорится въ Книгѣ Эноха, у нихъ родились краси-

---

1) *Novosielski*, Lud ukraiński, т. II, стр. 11—12.

2) *Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 2, стр. 384.

выя дочери. И когда сыны неба, ангелы, увидѣли ихъ, то плѣнились ими и сказали другъ другу: выберемъ себѣ женъ изъ племени людей и родимъ дѣтей. Главнымъ начальникомъ и вождемъ этихъ ангеловъ былъ Самиаза; въ числѣ 200 они сошли на гору Ардесъ, которая составляетъ вершину горы Армонъ (Гермонъ); эта гора называется такъ потому, что они поклялись на ней и связали себя взаимными клятвами. Отъ совокупленія этихъ ангеловъ со дщерями человѣческими родились исполины. Величина ихъ была 30 локтей. Они пожирали все, что производили труды людей, такъ что скоро нечѣмъ было кормить ихъ. Тогда они обратились на людей, чтобы пожирать ихъ, бросались на птицъ, звѣрей, пресмыкающихся и рыбъ, питались ихъ мясомъ и пили ихъ кровь. Отъ падшихъ ангеловъ распространилось развращеніе по всей землѣ. Тогда Михаилъ, Гавріилъ, Раѳаилъ, Суріилъ и Уріилъ посмотрѣли на землю и увидѣли потоки крови и всякія злодѣянія. Ангелы возвѣстили Всевышнему о томъ, что сдѣлали падшіе ангелы. Вся земля, сказали они, наполнилась кровью и нечестіемъ. И вотъ души умершихъ вопіютъ, и вопль ихъ доходитъ до вратъ неба. Люди не могутъ спастись отъ нечестія, которое покрываетъ лице земли. Тогда Всевышній послалъ одного ангела къ сыну Ламеха: «Возвѣсти ему, сказалъ Онъ, отъ моего имени о предстоящемъ великомъ разрушеніи; ибо вся земля погибнетъ; воды потопа разольются по всей землѣ, и все, что на ней, погибнетъ» [1]).

По замѣчанію проф. А. А. Потебни, «во всякомъ случаѣ вѣрно, что времени презрѣнія къ животнымъ предшествовало время, когда человѣкъ ставилъ ихъ въ уровень съ собою, или выше себя. На это послѣднее указываютъ славянскія сказки, ставящія богатырей, происшедшихъ отъ животныхъ, выше другихъ» [2]). Древнія преданія производятъ знаменитыхъ людей отъ волка или пса, напримѣръ, турецкое, римское. Къ этому разряду повѣрій и разсказовъ относятся повѣрья о слѣпородахъ швабахъ и мазурахъ (Подробности въ соч. Потебни «Къ ист. звук., т. III, стр. 68—83). Галичане говорятъ о мазурѣ: «деветденникъ», и это презрительное названіе мазуровъ проистекаетъ изъ распространеннаго среди поляковъ раз-

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. о ветхоз. соб., стр. 201—202; его же, Апокр. сказ. по солов. рукоп., стр. 51, 107.

[2]) *Потебня*, Къ исторіи звуковъ рус. яз., т. III, стр. 74.

сказа, что у мазуръ дѣти до 9 дней остаются слѣпыми[1]). Изъ древней идеи о близости человѣка къ животнымъ, въ особенности къ волку и собакѣ, могли возникнуть разсказы о людяхъ съ собачей головой, песиголовцахъ, разсказы, часто встрѣчающіеся у древнихъ и въ особенности средневѣковыхъ писателей. Подъ Песьими Головами разумѣли гунновъ, въ другое время татаръ, но большею частью народъ совершенно особый, кровожадный. Насколько въ средніе вѣка въ Европѣ было сильно вѣрованіе въ существованіе Песьихъ Головъ, видно изъ того, что лонгобарды во время войны съ усипетами обманули послѣднихъ извѣстіемъ, что Песьи Головы предложили имъ, лонгобардамъ, свою помощь. О Песьихъ Головахъ въ то время разсказывали, какъ о чудовищахъ, отличавшихся неистовой жестокостью; какъ вампиры, они пили кровь враговъ, а не догнавъ, въ ярости пили и свою собственную. Трудно рѣшить, какимъ путемъ разсказы о песиголовцахъ проникли съ Запада въ Малороссію, и откуда они заимствованы,—изъ общаго ли средневѣковаго преданія, восходящаго къ эпохѣ переселенія народовъ, или изъ опредѣленнаго литературнаго источника. Можетъ быть, здѣсь нужно признать вліяніе средневѣковыхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, которыя были весьма распространены въ древнерусской письменности. Этотъ знаменитый герой, между прочимъ, побѣждаетъ кинокефаловъ или песьи головы. Гогъ и Магогъ съ ихъ грозными полчищами изображались съ собачьими головами. Изображеніе песьихъ головъ встрѣчается въ старинныхъ русскихъ миніатюрахъ, и снимокъ съ одной такой миніатюры изъ рукописнаго Апокалипсиса XVI в. можно видѣть во 2 т. Историч. очерковъ Буслаева, стр. 147.

Въ одномъ разсказѣ, записанномъ Ст. Руданскимъ въ подольской губерніи, говорится: «Теперъ велетнивъ и помину нема; тильки десь у церкви въ Кыиви, чи у Львови стоитъ тамъ нога зъ одного велытня и така, кажуть, прездорова, що ажъ до бани сягае» (Драг., стр. 383). Это любопытное замѣчаніе о ногѣ велетня напоминаетъ одно мѣсто въ путешествіи Эриха Лясоты по запорожскимъ землямъ въ 1594 г. Описывая въ своемъ Дневникѣ Кіевъ, Лясота говоритъ: «Есть также одинъ богатырь или великанъ, на-

---

[1]) *Kolberg*, Pokucie, т. I, стр. 21.

зываемый Чоботка. Говорятъ, что на него однажды напало много непріятелей въ то время, когда онъ надѣвалъ сапогъ, и такъ какъ въ торопяхъ онъ не могъ схватить никакого оружія, то началъ защищаться другимъ сапогомъ, котораго еще не надѣлъ, и имъ одолѣлъ всѣхъ, отчего и получилъ такое прозвище». Быть можетъ, разсказъ о Чоботкѣ, слышанный Лясотой, примыкалъ къ циклу сказаній о великанахъ или велетняхъ съ громадными ногами, и къ этому же циклу сказаній примыкаетъ записанный Руданскимъ современный народный разсказъ.

6.

Потопъ.

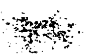
Преданія о потопѣ встрѣчаются у разныхъ народовъ древняго и новаго времени. Возникновеніе халдейскихъ разсказовъ о потопѣ относится къ столь отдаленному прошлому, что они на половину были уже забыты во времена Авраама и государей, правившихъ въ Урѣ. Сохранившееся въ клинообразныхъ надписяхъ сумерійское сказаніе о всемірномъ потопѣ и о ковчегѣ, на которомъ спасся аккадскій Ной Ксисустръ, заключаетъ въ себѣ черты различныхъ народныхъ версій [1]). У древнихъ грековъ, какъ извѣстно, были преданія о всемірномъ потопѣ, посланномъ Зевсомъ на землю, чтобы истребить буйную породу мѣдныхъ людей. По совѣту Прометея, Девкаліонъ построилъ ящикъ, вошелъ въ него вмѣстѣ съ женою Пирою и носился по волнамъ 9 дней и 9 ночей. По прекращеніи потопа, онъ присталъ къ Парнасу и принесъ жертву Зевсу. По индійскимъ преданіямъ во время всемірнаго потопа спасся король Ману на кораблѣ, въ который взялъ сѣмена всѣхъ растеній. Въ настоящее время оригинальныя преданія о всемірномъ потопѣ встрѣчаются у дикихъ народовъ Африки и Америки.

Аѳанасьевъ усматриваетъ въ древнихъ преданіяхъ о потопѣ различныя варіаціи одного и того же миѳическаго представленія о великанахъ—тучахъ, погибающихъ въ весеннихъ ливняхъ, причемъ спасается только одинъ праведникъ, антропоморфическое солнце, и оно становится родоначальникомъ человѣчества [2]). А Гумбольдтъ, а

---

[1]) *Сэйсъ*, Ассиро-вавилонская литература, стр. 20.

[2]) *Аѳанасьевъ,* Поэтич. воззр. слав., т. II, стр. 647.

за нимъ и другіе авторитетные ученые преданія о потопѣ объясняютъ воспоминаніями о громадныхъ наводненіяхъ, вызванныхъ землетрясеніями и циклонами. Ревиль замѣчаетъ, что преданія о потопѣ получали благопріятное развитіе и мѣстныя пріуроченія въ странахъ низменныхъ, подвергавшихся наводненію, или въ странахъ приморскихъ, гдѣ сильныя бури или землетрясенія настолько усиливали прибой морскихъ волнъ, что населеніе опасалось погибнуть подъ ними [1]. Можно допустить въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходъ преданій о всемірномъ потопѣ изъ одной страны въ другую посредствомъ устной или литературной передачи.

Славянскія народныя сказанія о всемірномъ потопѣ, великорусскія, малорусскія и болгарскія, возникли изъ ветхозавѣтнаго сказанія о потопѣ и связанныхъ съ нимъ апокрифовъ.

Апокрифы о потопѣ находятся въ сборникахъ Пыпина (Памят. стар. рус. лит., т. III), Порфирьева (Апокр. сказ. по солов. рук.) и Успенскаго (Толк. Палея). Въ этихъ апокрифахъ говорится о построеніи ковчега и о собраніи животныхъ въ ковчегъ посредствомъ била. Малорусскіе народные разсказы о потопѣ немногочисленны и однообразны, сколько можно судить по имѣющемуся въ печати матеріалу. Они несомнѣнно построены на апокрифахъ, только нѣсколько отличныхъ отъ изданныхъ Пыпинымъ, Порфирьевымъ и Успенскимъ. Въ южной Россіи навѣрно были въ ходу своеобразные рукописные апокрифы о потопѣ. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи сохранились рукописные апокрифы о потопѣ, малорусскаго правописанія, по времени XVII ст. [2].

Въ украинскихъ народныхъ разсказахъ находится два апокрифическихъ мотива: построеніе ковчега при противодѣйствіи со стороны дьявола и отказъ нѣкоторыхъ животныхъ войти въ ковчегъ Ноя.

Первый мотивъ выражается въ разсказѣ, что дьволъ ночью портилъ то, что Ной успѣвалъ сдѣлать днемъ. Ной приготовлялъ столбы и доски, чтобы все было въ мѣру, а ночью набѣжитъ чортъ, тамъ надрубитъ, тамъ отпилитъ. Когда Богъ увѣдомилъ Ноя, что

---

[1] *Reville*, Les religions, ... II, стр. 128.
[2] *Петровъ*, Опис. рукоп. церк.-ар... музея, т. II, стр. 455.

на другой день наступитъ потопъ, Ной началъ складывать бревна и доски; но все выходило не въ мѣру, и Ной очень огорчился. Богъ сжалился надъ нимъ и сказалъ: «Не журися, чоловиче мій, що довге—то стули и буде коротке, а що коротке—натягни. то и буде довге». Ной послѣдовалъ этому благому совѣту (Драг., стр. 95). Апокрифъ о построеніи ковчега и разрушеніи его дьяволомъ напечатанъ въ «Памятн. стар. рус. литер.» А. Н. Пыпина по Толстовскому Сборнику 1602 г. Только здѣсь нѣтъ украинскаго мотива удлинненія и укорачиванія досокъ. Нужно сказать, что мотивъ этотъ общій, эпическій, встрѣчается у разныхъ народовъ. большею частью въ приложеніи къ баснословному великану, который, по произволу удлинняетъ людей, вытягивая у нихъ ноги, или укорачиваетъ ихъ, надрубливая ноги. Можетъ быть, и въ украинскихъ народныхъ разсказахъ мотивъ этотъ прилагался первоначально къ великанамъ-велетнямъ, вызвавшимъ своими жестокостями гнѣвъ Божій и потопъ, а впослѣдствіи оторвался отъ разсказовъ о велетняхъ и вошелъ въ измѣненномъ видѣ въ разсказъ о построеніи ковчега. Впрочемъ, я болѣе расположенъ признать здѣсь вліяніе апокрифа, чѣмъ миѳа. Въ апокрифическихъ евангеліяхъ находится слѣдующій разсказъ. Работникъ Іосифа испортилъ одну работу, слишкомъ укоротилъ кусокъ дерева. Іисусъ, взявши кусокъ за одинъ конецъ, велѣлъ тянуть за другой, и дерево вытянулось до надлежащей длины [1]).

Въ другомъ апокрифическомъ разсказѣ о потопѣ говорится, что грифъ и носорожецъ, по гордости своей, не пошли въ ковчегъ. Грифъ сказалъ, что онъ достаточно силенъ, чтобы во время потопа держаться въ воздухѣ, а носорожецъ сказалъ, что онъ во время потопа будетъ плавать. Во время потопа грифъ усталъ летать и, замѣтивъ спину носорожца, сѣлъ на нее, чтобы отдохнуть, и оба утонули (Nowos., т. II, стр. 10). Въ другихъ разсказахъ говорится объ одномъ носорожцѣ, рогъ котораго торчалъ надъ водою, какъ вѣха. Птицы садились на этотъ рогъ, и ослабленный долгимъ плаваніемъ единорожецъ пошелъ ко дну (Чуб., т. I, стр. 20; Драг., стр. 95). Въ одномъ варіантѣ говорится, что Ной не взялъ въ ков-

---

[1]) *Кирпичниковъ,* Сказанія о житіи Дѣвы Маріи, въ Журн. минист. народ. просвѣщенія.

чегъ только сокола, который въ теченіи потопа, длившагося 12 дней и 12 ночей, леталъ и остался цѣлъ (Драг., стр. 95).

7.

Самсонъ.

Апокрифическія сказанія о Самсонѣ встрѣчаются въ Палеѣ исторической, иначе называемой по первой начальной фразѣ, «книгой бытія небеси и земли». Въ этомъ пересказѣ ветхозавѣтной исторіи особая глава посвящена изображенію жизни Самсона[1]). Главное отличіе апокрифическаго сказанія отъ библейскаго состоитъ въ объясненіи мотива, почему Самсонъ открылъ Далидѣ секретъ своей силы. Въ библіи мотивомъ выставлена сильная любовь Самсона къ Далидѣ, въ Палеѣ—пьянство Самсона. Въ главныхъ сборникахъ апокрифовъ, Пыпина, Тихонравова и Порфирьева, нѣтъ апокрифовъ о Самсонѣ; но что апокрифы о Самсонѣ въ древнее время были распространены на Руси, видно не только изъ «Книги бытія», изданной А. Н. Поповымъ, но преимущественно изъ великорусскихъ былинъ о Святогорѣ и Самсонѣ, находящихся въ очевидной связи съ апокрифомъ о Самсонѣ[2]).

Въ старинное время въ Малороссіи были извѣстны апокрифы о Самсонѣ. Въ галицкомъ Дрогобицкомъ сборникѣ апокрифовъ находится любопытный отрывокъ апокрифа о Самсонѣ, на малорусскомъ языкѣ, съ примѣсью церковно-славянскихъ словъ: «Телми (?) моими и оутрату моихъ очей и людей твоихъ израильскихъ и рече до хлопяте: отийди отъ мене, и диви, що будетъ; дитя отийшло, а Самсонъ, взявши слупи онии, единъ правою, другой лѣвою, и рекъ: нехай-же положу животъ свой зъ филистинами за людъ израильскій, и страсши оними слупами, обваливъ оний оувесъ палацъ и съ панами филистинами и позабивалъ оувесъ людъ, котории тамъ близко были оного палаца, а гди валился муръ, и Самсона оубивъ. Пишутъ о Самсонѣ историкове такъ, же такую силу мавъ, гдиби такое коло великое, же бы затримало землю, оуправленно, и Самсонъ би оузялъ би рукама за тое коло, то би оусего свѣта землю повернулъ; такимъ то билъ той Самсонъ сильный, Самсонъ, славный

---

[1]) *Поповъ*, Чтенія въ общ. ист. и древн. рос., 1881 г., т. I, стр. 122—132.
[2]) *Ждановъ*, Къ литерат. исторіи рус. былевой поэзіи, стр. 121—128.

мужъ и воинъ валечный, и оная злая жена извела н силу ему отняла, и очи ему выбрала, бо жена есть всему злому початокъ и приводца злыхъ дѣлъ, и тако преставися оний славний Самсонъ мужъ, вмѣстѣ (слова два или три не разобраны) со родными его вземше и положиша его тѣло въ гробѣ отца его. Судивъ израильскии людъ лѣтъ к҃, и отъ апостола описаний, же онъ есть между праведними праотци; но иншіи люде повѣдають, же....» [1]) Далѣе слѣдуетъ краткій пересказъ библейскаго сказанія о смерти Самсона.

Дрогобицкій отрывокъ апокрифа о Самсонѣ, нужно думать, вышелъ изъ исторической Палеи, или «книги бытія». Найболѣе сходства между этимъ отрывкомъ и Палеей обнаруживается въ обращеніи Самсона къ поводырю, «хлопцю» отрывка. Въ Палеѣ читаемъ: «рече (Самсонъ) вотцю своему юноши: веди мя близъ столпа, еже обдержитъ палату, и веде его; рече ему Самсонъ: отиди далече отъ храмины, яко да не сокрушися долѣ» [2]). Замѣчаніе о женщинѣ, какъ «початкѣ всему злому и приводцѣ злыхъ дѣлъ», также могло возникнуть на основаніи Палеи, гдѣ оттѣнено то обстоятельство, что Самсонъ испыталъ «руганіе женское».

Въ дрогобицкомъ апокрифѣ о Самсонѣ находится одна черта, весьма цѣнная для исторіи былинъ о Святогорѣ, сообщеніе какихъ-то историковъ, что Самсонъ повернулъ бы землею, если бы въ землю хорошо было укрѣплено кольцо. Въ великорусскихъ былинахъ:

Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашелъ,
Такъ я бы *всю* землю поднялъ».
Какъ бы было *кольце* во сырой землѣ,
Поворотилъ бы я землю-то матушку [3]).

Этотъ мотивъ не встрѣчается въ «Книгѣ бытія», и происхожденіе его темно. Фраза «пишутъ гисторикове» довольно часто встрѣчается въ сочиненіяхъ Галятовскаго и Радивиловскаго, при-

---

[1]) *Франко*, Зоря, 1886 г., № 9.

[2]) *А. Поповъ*, „Чтенія“, 1881 г., т. I, стр. 132.

[3]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 33; *Гильферд.*, Онежск. был., 654; *Ждановъ*, стр. 91—97.

чемъ подъ историками разумѣются Кромеръ, Бѣльскій или Стрыйковскій. Вѣроятно, и подъ «историками» апокрифическаго отрывка о Самсонѣ разумѣются польскіе хронисты.

Малорусскій складъ дрогобицкаго отрывка апокрифа о Самсонѣ показываетъ, что апокрифическія сказанія о Самсонѣ пользовались значительной популярностью среди грамотныхъ малороссіянъ, но въ глубину народа они мало проникли; точнѣе сказать, въ простонародную словесность вошли лишь незначительные обрывки и обломки этихъ сказаній. Въ одномъ народномъ разсказѣ, записанномъ въ подольской губ., Самсонъ является сыномъ царя Давида и роднымъ братомъ Іосифа и Соломона. «Сильный Самсонъ, говорится здѣсь, воювався по всимъ свити; на остатокъ зъ нами задумавъ воювати. Плыве Днипромъ, але тилько що зъ воды, ажъ на нёго левъ. Самсонъ до нёго, да якъ ухвативъ ёго за пащу, та якъ наступивъ ногою, то такъ разомъ зъ левомъ и закаменивъ. Такъ винъ и теперъ стоить у Кыиви» [1]. Народная фантазія пріурочила Самсона къ Кіеву, очевидно, подъ впечатлѣніемъ устроеннаго въ Кіевѣ, на Подолѣ, близъ зданія бывшаго магистрата, фонтана съ изваяніемъ Самсона, придавившаго ногою льва и раздирающаго руками его пасть, изъ которой широкой струей льется вода. Иначе она не могла объяснить себѣ этого хитроумнаго сооруженія, произведеннаго въ срединѣ XVIII ст. Иваномъ Барскимъ, братомъ извѣстнаго паломника, и самый разсказъ возникъ, конечно, не раньше этого времени. Кіевъ въ народныхъ легендахъ чаще встрѣчается, чѣмъ въ народныхъ пѣсняхъ, и здѣсь обнаружилось вліяніе духовенства и странниковъ богомольцевъ.

Можетъ быть, малорусскій народный разсказъ о Золотыхъ воротахъ и Михайликѣ, много разъ привлекавшій къ себѣ вниманіе ученыхъ, въ основной своей части представляетъ одно изъ наиболѣе своеобразныхъ проявленій мѣстной, кіевской локализаціи частнаго мотива апокрифическаго сказанія о Самсонѣ. Такъ какъ извѣстныя въ настоящее время научныя объясненія легенды о Золотыхъ воротахъ не выходятъ изъ области предположеній и гаданій, то мнѣніе наше о связи этой легенды съ сказаніями Палеи о Самсонѣ не можетъ быть признано вполнѣ лишнимъ, тѣмъ болѣе,

---

[1]) *Драгомановъ*, Малор. нар. преданія и разсказы, стр. 98.

что въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ одна крупная черта сходства легенды о Золотыхъ воротахъ съ вошедшимъ въ «Книгу бытія небеси и земли» апокрифомъ о Самсонѣ. Въ легендѣ о Золотыхъ воротахъ говорится, что богатырь Михайликъ во время осады Кіева татарами пустилъ въ непріятелей стрѣлу, и татары потребовали отъ кіевлянъ, чтобы они выдали Михайлика. Горожане согласились. Тогда Михайликъ взялъ на копье Золотыя ворота и уѣхалъ съ ними въ Царьградъ [1]). Въ исторической Палеѣ говорится, что иноплеменники (т. е. филистимляне) напоили Самсона до опьяненія и заковали его въ цѣпи. Проспавшись, Самсонъ «вскочивъ сокруши оузы, седмь веригъ вкупѣ столче, и въставъ пріиде и обрѣте врата градоу затворена, и подлегъ сеи рамома своима и изорва врата градоу съ пиръгосомъ (башней) искоренивъ, и понесъ положи верхоу горы, и оставивъ тамо и отиде; въставше же оутро иноплеменници, и обрѣте градъ свой разсыпанъ и врата стояща на горѣ, и съоузы съкрушены, и дивишася» [2])... Можно думать, преимущественно на основаніи великорусскихъ былинъ о Василіи пьяницѣ, что въ древности у народа были пѣсни о знаменитомъ стрѣлкѣ изъ лука, пріуроченныя къ Кіеву и связанныя съ татарскимъ нашествіемъ. Къ этимъ пѣснямъ примкнулъ апокрифическій разсказъ о Самсонѣ, поднявшемъ ворота, и съ теченіемъ времени совершенно обрусѣлъ и измѣнился до неузнаваемости.

8.

Царь Давидъ.

Апокрифическія сказанія о Давидѣ малочисленны. Изъ русскихъ ученыхъ только И. Я. Порфирьевъ останавливался на апокрифахъ о Давидѣ. Въ изслѣдованіи объ апокрифахъ на стр. 93—94 г. Порфирьевъ приводитъ любопытное «сказаніе о псалтыри, како написася Давидомъ царемъ». Въ этомъ сказаніи три мотива: 1) ангелъ въ видѣ юноши шепталъ псалмы Давиду на ухо, что подмѣтилъ вельможа Віоръ; 2) жабы лежавшаго вблизи болота

---

[1]) *Кулишъ*, Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 3; *Антон.* и *Драгом.*, Ист. пѣсни мал. нар., т. I, стр. 50.

[2]) *А. Поповъ*, „Чтенія", 1881 г., т. I, стр. 127.

своимъ крикомъ мѣшали Давиду въ созданіи псалмовъ; но когда онъ сталъ ихъ уничтожать, то одна жаба сказала ему, что они своимъ крикомъ также хвалятъ Господа, и 3) Давидъ пустилъ псалтырь въ ящикѣ на море, гдѣ онъ много лѣтъ спустя найденъ былъ Соломономъ, и тогда «наполнися міръ пѣсенъ псалтырнихъ». Въ сборникѣ апокрифовъ по соловецкимъ рукописямъ, изданномъ проф. Порфирьевымъ, находятся апокрифы о томъ, какъ Давидъ прогонялъ злаго духа Саулова своею игрою на гусляхъ (стр. 235—236) и какъ Давидъ былъ восхищенъ на небеса и видѣлъ тамъ образъ церкви, по которому сдѣлалъ модель для построенія храма и передалъ ее Соломону (стр. 238—239).

Южно-русскія редакціи рукописей апокрифовъ о Давидѣ неизвѣстны. Принимая во вниманіе, что среди малорусскихъ народныхъ разсказовъ встрѣчаются апокрифическія сказанія о Давидѣ, можно допустить, что источникомъ ихъ были мѣстные, украинскіе рукописные апокрифы о Давидѣ. Вотъ народное сказаніе о спорѣ Давида съ Богомъ. Давидъ былъ царь добрый, но не христіанинъ. Чтобы обратить его въ христіанство, Богъ подъ видомъ купца пришелъ къ Давиду и предложилъ Давиду купить его дворецъ. Давидъ потребовалъ столько золота, чтобы всѣ его подданные могли набрать его, сколько угодно. Богъ благословилъ гору, и она разсыпалась золотомъ. Народъ набралъ золота, сколько могъ понести, и остался вполнѣ доволенъ. Давидъ сказалъ, что гора стояла на его землѣ, слѣдовательно и золото его; купецъ оспаривалъ. «А хто насъ розсуде»? спросилъ Давидъ. «Е на свити таки люде, у которыхъ обыдва мы ривни. Ходимо на цвинтарь, тамъ насъ розсудять умерліи». Мертвые встали изъ могилъ и поклонились въ ноги Богу. Давидъ тогда узналъ, кто скрылся въ лицѣ купца, и принялъ христіанство. Возникновеніе псалтыри передается такъ. Когда Давидъ составилъ цѣлую книгу изъ псалмовъ, то онъ разрѣзалъ ее по листамъ и бросилъ въ море. Грѣшные листы потонули, а святые листы плавали по морю. Ангелы собрали святые листы и отнесли ихъ къ Богу. Богъ прочиталъ ихъ и велѣлъ передать ихъ людямъ (Драг., стр. 97, 98).

Разсказъ о спорѣ Давида съ Богомъ не встрѣчается въ напечатанныхъ апокрифахъ. Повидимому, разсказъ этотъ сшитъ изъ нѣсколькихъ повѣствовательныхъ мотивовъ. Главный мотивъ,—

явленіе Бога подъ видомъ купца, повидимому, возникъ изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ, весьма популярной въ старину среди грамотныхъ людей. Повѣсть эта встрѣчается во многихъ старинныхъ рукописяхъ, и отдѣльные ея эпизоды проникли въ раскольничьи духовные стихи. Въ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ, представляющей христіанскую переработку индусскаго сказанія о Буддѣ, пустынникъ Варлаамъ, одѣвшись купцомъ, явился къ царевичу Іосафу, который, подобно царю Давиду украинскаго разсказа, былъ добръ, но не зналъ христіанской вѣры. Варлаамъ поучаетъ Іосафа притчами и обращаетъ его въ христіанство.

Второй разсказъ о псалтыри вышелъ изъ апокрифа, напечатаннаго въ сочиненіи И. Я. Порфирьева объ апокрифахъ, стр. 94. Популярность апокрифа о происхожденіи псалтыри объясняется чрезвычайно важнымъ значеніемъ псалтыри въ жизни русскаго народа въ старинное время. Псалтырь читали для поученія въ церкви, для развлеченія дома; на чтеніи псалтыри держалась школьная наука; наконецъ, на псалтыри гадали.

9.

Соломонъ.

Сказанія о Соломонѣ имѣютъ богатую научную литературу. Впервые на этихъ сказаніяхъ остановился А. Н. Пыпинъ въ Извѣст. Акад. Наукъ, т. IV. Въ 1872 г. А. Н. Веселовскій издалъ спеціальную монографію о славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныхъ легендахъ о Морольфѣ и Мерлинѣ. Въ 1881 году г. Веселовскій въ XL т. Записокъ академіи наукъ помѣстилъ обширную и цѣнную дополнительную статью о «новыхъ данныхъ къ исторіи соломоновскихъ сказаній».

«Основа этихъ неканоническихъ повѣстей, говоритъ г. Веселовскій, обличаетъ происхожденіе ихъ съ дальняго востока: буддійскаго и иранскаго; но въ Европу онѣ проникли уже съ именемъ Соломона, что указываетъ на посредство среды, ставившей на нихъ это библейское имя... На этой первой степени стоитъ талмудическая сага о Соломонѣ, перешедшая впослѣдствіи и къ мусульманамъ, и, можетъ быть, другое своеобразное видоизмѣненіе той же саги, которое гадательно можно отнести на счетъ дуалистическихъ сектъ, проводившихъ въ средневѣковое христіанство ре-

лигіозныя воззрѣнія и легенды арійскаго востока. Въ той и другой редакціи соломоновская легенда проникла въ христіанскую Европу, вмѣстѣ съ другими статьями такого же двоевѣрнаго характера, и заняла здѣсь мѣсто въ ряду отреченныхъ книгъ... Въ концѣ пятаго вѣка апокрифъ о Соломонѣ былъ извѣстенъ на западѣ, и противъ него тогда уже возставала римская церковь. Къ южнымъ славянамъ онъ принесенъ былъ, несомнѣнно, изъ Византіи. Западныя свидѣтельства отъ X вѣка позволяютъ заключить. что уже въ эту пору западная редакція отличилась особымъ характеромъ, наприм., собственныхъ именъ, который потомъ упрочился за ней и составилъ ея отличіе отъ восточной, т. е. византійско-славянской. Съ X вѣка, или, вѣрнѣе, съ XI апокрифическая повѣсть переходитъ въ народъ и народнѣетъ; она даетъ содержаніе повѣстямъ, романамъ и фабль'о и доходитъ до анекдота и прибаутки. Такъ было на западѣ; но и въ восточной группѣ происходитъ подобное броженіе, хотя мы и не знаемъ, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повѣсть, русскую былину, на сербскія и русскія сказки. Это уже послѣдній періодъ развитія, въ которомъ мы довольно ясно продолжаемъ отличать двѣ группы: западно-латинскую и византійско-славянскую. Обѣ онѣ развиваются своеобразно, иногда далеко расходясь въ своихъ результатахъ, причемъ преимущество вымысла и поэзіи безспорно принадлежитъ западу; иной разъ онѣ смѣшиваются: западныя повѣсти о Соломонѣ, въ своихъ народныхъ переработкахъ, проникли, можетъ быть, въ XVI и XVII в. и въ Россію, такъ что позднѣйшія русскія сказанія могли отразить на себѣ слѣды двухъ разновременныхъ вліяній: надъ старой византійской легендой въ нихъ надслоились западные разсказы, юморъ которыхъ заслонилъ серьезное содержаніе ихъ далекаго отреченнаго подлинника»[1]). Въ другомъ мѣстѣ[2]), А. Н. Веселовскій говоритъ, что «Соломоновская сага не проникла глубоко въ народный стихъ; пѣсни о Василіи Окульевичѣ, пѣсня побывальщина о Соломонѣ и слѣпомъ становится чѣмъ-то среднимъ между былиною и собственно духовнымъ стихомъ и лишены его религіозной назидательности».

---

[1]) *Веселовскій*, Слав. сказ. о Соломонѣ, т. V—VI.

[2]) Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, т. V. стр. 73.

Апокрифическія сказанія о Соломонѣ затронули мысль и вообраценіе малороссіянъ. Въ печати извѣстно нѣсколько большихъ народныхъ разсказовъ о Соломонѣ, близко стоящихъ къ апокрифамъ по содержанію и вполнѣ народныхъ по языку. Въ малорусскихъ разсказахъ находимъ слѣдующіе мотивы:

1) Мать Соломона во время беременности спрятала одну женщину бѣжавшую отъ мужа, и когда пришелъ послѣдній, то Соломонъ изъ утробы матери сказалъ, что мать его такъ же безнравственна, какъ и спрятанная ею женщина (Драг., стр. 99). Мотивъ этотъ съ большими подробностями изложенъ въ русской побывальщинѣ у Рыбникова, т. II, № 54, стр. 305.

2) Соломонъ трехъ лѣтъ отъ роду вѣсилъ женскій разумъ, положивъ на одну чашку вѣсовъ материнъ чепецъ, на другую горсть охлопья, и смѣялся, что охлопья перетягивали чепецъ (Драг., стр. 99). Въ апокрифѣ, напечатанномъ въ «Памятникахъ» Пыпина, т. III стр. 63. Соломонъ взвѣшиваетъ песье г.....о съ женскимъ умомъ, причемъ возрастъ Соломона также трехлѣтній.

3) Мать приказала своимъ слугамъ отнести Соломона въ лѣсъ, убить его и принести ей сердце и мизинецъ. Слуги оставили Соломона живымъ и принесли его матери сердце собаки (Драг., 100). То же въ апокрифѣ, у Пыпина, III, 64, у Веселовскаго въ «Соломонѣ и Китоврасѣ», 53.

4) Соломонъ сталъ плакать, такъ какъ зналъ, что ему назначено жить три года. Святые стали просить Господа, чтобы Онъ прибавилъ Соломону жизни. Богъ послалъ святыхъ на землю просить людей, чтобы кто нибудъ отдалъ часть своей жизни Соломону, и одна баба согласилась отдать ему 50 лѣтъ (Драг., 100). Этотъ эпизодъ составляетъ особенность малорусскаго разсказа о Соломонѣ. Глубокій знатокъ повѣстей о Соломонѣ проф. Веселовскій не встрѣчалъ этого эпизода въ другихъ пересказахъ (Розыск., V, 130). Основная мысль этого эпизода вполнѣ народная. «Щастя, переходця живе», говорятъ малороссіяне. По народнымъ понятіямъ, общая сумма добра и зла не измѣняется, и счастье, доля, богатство, болѣзни лишь переходятъ, по Божьему соизволенію, отъ одного лица къ другому.

5) Возмужавъ, Соломонъ подъ видомъ купца пріѣхалъ къ своей матери, женѣ царя Давида. Она влюбляется въ купца и при-

глашаетъ его переночевать съ нею. Соломонъ положилъ руку на ея груди и сказалъ: «се тіи дуды, що я въ ніи гравъ,» а потомъ положилъ руку на «природу» и сказалъ: «а се тіи брамы, що я ними выходивъ;» онъ ушелъ изъ спальни царицы, надписавъ на дверяхъ: «правда, що жиночій розумъ не вартъ и жмени клочча, коли ридная мати зъ своимъ сыномъ спала» (Драг., 101, 107). Разсказъ этотъ почти буквально сходенъ съ апокрифомъ въ «Памятникахъ» Пыпина (III, 66), въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова (т. IV, 115) и въ «Соломонѣ и Китоврасѣ» Веселовскаго (97—98).

6) Царь Давидъ разыскивалъ Соломона такимъ образомъ: послалъ слугъ съ золотымъ плугомъ спрашивать, что стоитъ плугъ. Всѣ цѣнили его очень дорого; одинъ Соломонъ замѣтилъ, что плугъ безъ майскаго дождя не стоитъ куска хлѣба. Въ другой разъ Давидъ созвалъ гостей на обѣдъ и далъ имъ очень длинныя ложки. Соломонъ объявился тѣмъ, что посовѣтывалъ гостямъ кормить другъ друга черезъ столъ (Драг., 101, 102, 103). Апокрифическій источникъ этого разсказа находится въ «Памятникахъ» Пыпина (III, 61).

7) Ставъ царемъ, Соломонъ пытается узнать высоту неба и глубину моря. Желая избѣжать смерти, онъ отправляется къ безсмертной горѣ и находитъ здѣсь гробъ, сдѣланный чернецами; онъ легъ въ него и приказалъ засыпать себя землею (Драг., 102, 103, 108). Эти эпизоды не встрѣчаются въ апокрифахъ. Г. Веселовскій предполагаетъ, что безсмертная гора малорусской легенды стоитъ въ связи съ городомъ Lus въ странѣ Гетитовъ, городомъ безсмертія, куда Соломонъ отправляетъ двухъ юношей, обреченныхъ ангелу смерти, который настигъ ихъ у входа въ Lus (Разыск., V, 131). Въ Азбуковникахъ безсмертной горой называется Аѳонская гора (см. Журн. м. н. пр. 1884 г., I, 379).

8) Соломонъ и его жена язычница посѣщаютъ христіанскій и языческій храмы. Жена не молилась въ церкви, а когда Соломонъ не захотѣлъ кланяться, входя въ языческій храмъ, то особо приспособленныя двери ударили его по головѣ и заставили нагнуться (Драг., 103).

9) Жена Соломона уходитъ съ однимъ «невѣрнымъ царевичемъ». Соломонъ пріѣхалъ за женой, взявъ три трубы и войско. Царевичъ язычникъ и его возлюбленная рѣшили повѣсить Соломона, но Соломонъ затрубилъ и войско его прибыло. Онъ повѣсилъ

царевича, а жену свою привязалъ къ конскому хвосту и пустилъ коня въ поле (Драг., 104). Источникъ этого разсказа въ апокрифѣ, напечатанномъ въ «Лѣтописяхъ» (IV) Тихонравова и въ I т. «Памятниковъ отреченной литературы» Тихонравова (стр. 254).

10) Судъ Соломона по жалобѣ трехъ братьевъ: одинъ имѣлъ плохой аппетитъ, другой плохое хозяйство, третій злую жену. Соломонъ присудилъ первому ѣздить въ лѣсъ, и лѣсная работа вызвала аппетитъ, второму рано вставать и третьему сходить въ кузницу, гдѣ онъ могъ убѣдиться, что даже желѣзо дѣлается мягкимъ подъ ударами молота (Драг., 108—109).

11) Соломонъ вздумалъ однажды сказать проповѣдь, и только могъ сказать: «якъ маете що шити, то перше кгудзя завяжить» (т. е. узелокъ на ниткѣ). Этотъ анекдотъ, вѣроятно, зашелъ съ Запада, можетъ быть, черезъ проповѣдниковъ конца XVII ст., прибѣгавшихъ иногда подъ вліяніемъ польскихъ проповѣдниковъ къ шуткамъ и анекдотамъ.

12) Мать Соломона, желая отъ него избавиться, сажаетъ его въ бочку и пускаетъ на море,—простонародный сказочный мотивъ.

13) Соломонъ играетъ на «сопилкѣ»; кони и овцы начинаютъ при этомъ танцовать,—мотивъ также простонародный, сказочный, миѳическій.

14) Мать Соломона заперла двери; но двери растворялись по приказанію Соломона,—мотивъ сказочный (о силѣ слова), повторяется въ колядкахъ.

15) Соломонъ нанялся у кузнеца въ работники, сдѣлалъ желѣзную лѣстницу и влѣзъ по ней на небо, а затѣмъ ангелы принесли его брата кузнеца. По видимому мы здѣсь имѣемъ дѣло съ древнимъ обычаемъ побратимства. Разсказъ этотъ, въ основаніи миѳическій, сказочный, съ теченіемъ времени получилъ юмористическій характеръ.

Апокрифическія сказанія о Божіей Матери, Спасителѣ и апостолахъ проникли глубоко въ украинскую народную словесность и сочетавшись съ основными и коренными народно-поэтическими образами, мотивами и эпитетами, составили особый, своеобразный отдѣлъ народныхъ разсказовъ, повѣрій и пѣсенъ новозавѣтнаго апокрифическаго содержанія. Въ этотъ отдѣлъ входятъ разсказы и пѣсни чисто народные и церковно-схоластическіе, напримѣръ, многія

колядки и почти всѣ псальмы. Историко-литературное и художественное значенія этого отдѣла народной словесности должны опредѣлиться изъ предстоящаго детальнаго разсмотрѣнія составныхъ его частей.

10.

Пресвятая Дѣва Марія.

Извѣстно, что чествованіе Богородицы развивалось въ христіанскомъ мірѣ постепенно. Въ первыя два, три столѣтія больше занимались моральной стороной христіанства; четвертый и пятый вѣка—были періодомъ догматическихъ опредѣленій христіанства. Первоначально «догма имѣла въ виду исключительно личность божественнаго Основателя христіанства, и Богоматерь занимаетъ вниманіе первыхъ отцовъ церкви только по своему отношенію ко Христу. Съ половины V столѣтія Богоматерь съ Младенцемъ становится популярнымъ изображеніемъ; только тогда чествованіе Мадонны, до тѣхъ поръ проявлявшееся спорадически, освящается авторитетомъ властей предержащихъ, получаетъ широкое, всехристіанское распространеніе»[1]). Мало-по-малу о личности Дѣвы Маріи слагаются многочисленныя апокрифическія сказанія, большею частью задушевныя и поэтическія. Гностицизмъ оказалъ вліяніе на развитіе апокрифическихъ сказаній о Богородицѣ[2]). Возникли апокрифическія евангелія, протоевангеліе Іакова, евангеліе Ѳомы, евангеліе Матѳея о рожденіи Маріи и др.[3]). Въ апокрифическихъ евангеліяхъ съ большими или меньшими подробностями говорится о Дѣвѣ Маріи, ея родителяхъ, воспитаніи, благовѣщеніи, рождествѣ Спасителя, бѣгствѣ въ Египетъ. Въ IV и V вв. въ римской имперіи уже обнаружилось два потока поэтическаго творчества: ученый, согласный съ евангельскимъ текстомъ, и народный, опиравшійся главнымъ образомъ на апокрифическія сказанія. Эти потоки сливаются въ различныхъ пропорціяхъ въ духовной поэзіи и въ церковномъ искусствѣ народовъ новой Европы[4]). Римско-католическій культъ Мадонны въ средніе вѣка получилъ блестящее развитіе, литератур-

---

[1]) *Кирпичниковъ*, Сказанія о Дѣвѣ Маріи, стр. 17.

[2]) *Гартполь Лекки*, Исторія раціонализма въ Европѣ, т. I, стр. 168.

[3]) Подробное изслѣдованіе объ апокрифическихъ евангеліяхъ *Альбова* см. въ Христ. Чтеніи 1871 г.

[4]) *Кирпичниковъ*, стр. 25.

ное и художественное. «Міръ управляется своими идеалами, говоритъ Лекки, и рѣдко, или никогда не было идеала, который имѣлъ бы болѣе глубокое и въ цѣломъ болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ средневѣковое представленіе Мадонны. Женщина въ первый разъ поднята была до своего полноправнаго положенія, и святость слабости была признана такъ же, какъ святость печали... Въ первый разъ была почувствована нравственная прелесть и красота женскаго достоинства. Новый характеръ былъ призванъ къ жизни; воспитывался новый родъ удивленія. Въ суровое, невѣжественное и помраченное время этотъ идеальный типъ внесъ представленіе нѣжности и чистоты, неизвѣстное самымъ гордымъ цивилизаціямъ прошедшаго. Въ страницахъ живой нѣжности, которыя монахъ-писатель составлялъ въ честь своей небесной покровительницы, въ тѣхъ милліонахъ людей, которые во многихъ странахъ и въ теченіи многихъ вѣковъ стремились образовать свои характеры по ея образцу, въ новомъ чувствѣ чести, въ рыцарскомъ уваженіи (къ женщинѣ), въ мягкости нравовъ и утонченности вкусовъ, которыя обнаружились во всѣхъ слояхъ общества,—въ этомъ и во многомъ другомъ обнаруживается вліяніе религіозно-поэтическаго образа Мадонны. Все, что было лучшаго въ Европѣ, жило и дѣйствовало подъ этимъ вліяніемъ, и оно было источникомъ многихъ чистѣйшихъ элементовъ нашей цивилизаціи» [1]).

Между восточными-византійскими, и западными-католическими представленіями Дѣвы Маріи обнаруживается значительное различіе. Чествованіе Богоматери на христіанскомъ Востокѣ не было окружено такою пышностью и обрядностью, какъ чествованіе Мадонны на Западѣ; въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ оно было значительно бѣднѣе и блѣднѣе послѣдняго; но за то оно всегда сохраняло характеръ высокой простоты, искренности, величія и святости, не было игрой личнаго произвола или каприза художниковъ, а по этому и не впадало въ приторный сентиментализмъ или пошлый реализмъ,—эти, всѣмъ извѣстные, недостатки западнаго, католическаго чествованія Мадонны.

Малорусскія сказанія о Богородицѣ сложились подъ вліяніями восточно-византійскимъ и западно-католическо-польскимъ. Апокрифы о Дѣвѣ Маріи проникли въ народную жизнь и словесность не въ

[1]) *Лекки*, Ист. раціонализма, т. I, стр. 172.

видѣ чего-либо цѣльнаго и систематическаго, не въ формѣ стройныхъ сказаній, а въ видѣ краткихъ апокрифическихъ разсказовъ и преданій, отдѣльныхъ повѣрій, мелкихъ мотивовъ. Одни мотивы, упавъ на почву южнорусской схоластической литературы, не дали народно-поэтическихъ ростковъ; другіе, частью при посредствѣ этой литературы, большею частью независимо отъ нея, проникли въ самую глубь народа, вошли въ общій строй народнаго міросозерцанія и получили развитіе въ пѣсняхъ подъ вліяніемъ мѣстной, краевой жизни и мѣстной крестьянской психологіи. Повидимому, въ южнорусскій народъ проникли апокрифическія сказанія о Богородицѣ, встрѣчающіяся у отцовъ церкви и въ апокрифическихъ евангеліяхъ. Можно положительно утверждать, что крупными проводниками апокрифовъ о Богородицѣ въ простой нашъ народъ были сочиненія южнорусскихъ писателей второй половины XVII ст., Галятовскаго и Радивиловскаго и въ особенности Чети-Минеи св. Димитрія Ростовскаго. Галятовскій составилъ нѣсколько проповѣдей на праздники Богородичные и нѣсколько сборниковъ чудесъ отъ иконъ Богородицы, преимущественно отъ иконъ купятицкой, печерской и елецкой. Найбольшей извѣстностью пользовалось «Небо новое», сборникъ 445 чудесъ Богородицы, расположенныхъ по 28 отдѣламъ: чудеса при рождествѣ св. Богородицы, во время ея пребыванія въ храмѣ, во время рождества Іисуса Христа, отъ Ея имени, отъ Ея перстня, надъ монахами, надъ больными и т. д. Въ началѣ «Неба» на л. л. 1—4 приведены пророчества Сивиллъ о 12 чудесахъ Богородицы [1]). Радивиловскій оставилъ нѣсколько проповѣдей на богородичные праздники въ «Огородкѣ Божіей Матери», причемъ обѣими руками черпалъ изъ католическихъ книгъ. Въ составленіи Малыхъ Четьихъ-Миней участвовали многіе южнорусскіе писатели второй половины XVII ст. Еще Петръ Могила сталъ собирать матеріалы для составленія сборника житій святыхъ на славянскомъ языкѣ; въ томъ же направленіи дѣйствовали немного позднѣе Иннокентій Гизель, Варлаамъ Ясинскій и въ особенности Димитрій Ростовскій, положившій на этотъ трудъ двадцать лѣтъ. Чети-Минеи выходили трехмѣсячіями, по мѣрѣ изготовленія, въ 1689—1695 и 1700—1705 годахъ. 28 августа 1689 г. архимандритъ кіево-печерской лавры Варлаамъ Ясинскій послалъ въ Москву трехъ-мѣсячную книгу жи-

[1]) Подробности см. въ моемъ соч. о Галятовскомъ, стр. 43—46.

тій святыхъ, и черезъ полъ-года, 14 марта 1690 г., онъ испрашивалъ у патріарха разрѣшенія продолжать печатать Четп-Минеи [1]. Апокрифическія черты о жизни и успеніи пресв. Дѣвы Маріи разсѣяны въ Малыхъ Чети-Минеяхъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ 8 числомъ сентября, 21 ноября, 25 марта, 25 декабря, 2 февраля и 15 августа. Чети-Минеи Димитрія Ростовскаго, написанныя прекраснымъ, чистымъ языкомъ, проникнутыя глубокой вѣрой и благочестіемъ, сдѣлались любимымъ чтеніемъ благочестивыхъ русскихъ людей, и вошедшія въ Чети-Минеи апокрифическія сказанія о Богородицѣ получили широкій доступъ въ духовенство и народъ.

Извѣстно, что въ старинное время духовные писатели обнаруживали большую наклонность къ сопоставленіямъ и сравненіямъ новозавѣтныхъ лицъ и событій съ ветхозавѣтными лицами и событіями. Эта наклонность въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ поддерживалась и воспитывалась въ духовенствѣ сочиненіями отцовъ церкви и преимущественно Палеей. Разсказы древнихъ и священныхъ еврейскихъ книгъ объяснялись, какъ тѣнь и прообразъ христіанскихъ событій. Такого рода объясненія мы постоянно находимъ у южнорусскихъ писателей, начиная отъ митроп. Иларіона и Кирилла Туровскаго и кончая Галятовскимъ и Радивиловскимъ. Пр. Дѣва Марія издавна вошла въ кругъ этого литературнаго параллелизма лицъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ. Еще отцы церкви, опровергая еретиковъ эбіонитовъ, не признававшихъ дѣвства Маріи, доказывали необходимость его тѣмъ соображеніемъ, что дѣва (Ева до грѣхопаданія) погубила міръ; дѣва потому должна была послужить и орудіемъ спасенія [2]. Уже Ириней (II вѣка) сопоставляетъ пр. Дѣву Марію, какъ спасительницу человѣчества, съ Евой, бывшей причиною его гибели, и это сопоставленіе съ теченіемъ времени получаетъ широкое развитіе. Въ апокрифическомъ евангеліи Іакова, извѣстномъ и въ древней Россіи въ отрывкахъ, архангелъ Гавріилъ обращается къ пр. Дѣвѣ Маріи съ такими словами: «Не бойся, Марія, не поткнеши бо ся ты, яко Евва. Отъ Еввы бо смерь бысть, а отъ тебе воскресеніе мертвыхъ; отъ Еввы плодъ смертоносный, а отъ тебе крестъ животворящій; отъ Еввы лесть, а отъ тебе любовь; отъ Еввы разлученіе человѣкомъ отъ Бога, а отъ тебе совокупленіе несказанно; отъ Еввы мрачный сонъ адовъ, а изъ тебя

[1] *Архивъ* минист. иностр. дѣлъ. Малорос. дѣла, связки 80 и 82.
[2] *Кирпичниковъ*, Сказанія о житіи дѣвы Маріи, стр. 19.

свѣтлый свѣтильникъ всему міру; отъ Еввы клятва, а отъ тебя благословеніе; отъ Еввы осужденіе, а отъ тебя отданіе; отъ Еввы скорбъ, а отъ тебя радость и вѣра; отъ Еввы слезы, а отъ тебя рѣка воды живы; отъ Еввы трудъ, а отъ тебя покой; отъ Еввы тернородная земля, а отъ тебя троичная жизнь; отъ Еввы братоненавидѣніе, а отъ тебя человѣколюбіе; отъ Еввы потопъ, а отъ тебя баня безсмертія; отъ Еввы убійство, а отъ тебя мертвыхъ воскресеніе»[1]. Вообще, въ сочиненіяхъ многихъ старинныхъ церковныхъ писателей о Богородицѣ говорится, какъ о второй Евѣ, прародительницѣ освобожденнаго человѣчества.

Рядомъ съ сопоставленіемъ Богородицы съ Евой и независимо отъ него шло прославленіе пр. Дѣвы въ литературныхъ сказаніяхъ, въ пѣснопѣніяхъ и въ живописи. Благочестиво настроенная фантазія и глубоко проникнутое религіозностью чувство искали во всемъ мірѣ, физическомъ и моральномъ, образовъ и красокъ для прославленія пр. Дѣвы. Естественно напрашивалось сравненіе пр. Дѣвы съ цвѣтами, какъ найболѣе изящными произведеніями земли, а изъ цвѣтовъ, разумѣется, съ самыми красивыми и благоухающими, съ розой и лиліей. Символическое толкованіе Библіи усмотрѣло указаніе па пр. Дѣву въ словахъ Ездры V, 24—25: «О владыко Господи, отъ всѣхъ дубравъ земли и отъ всѣхъ древесъ ея избралъ еси виноградъ единъ... И отъ всѣхъ цвѣтовъ вселенныя избралъ еси себѣ кринъ единъ». Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ пр. Дѣва называется «криномъ благоуханнымъ».

Южнорусская схоластическая проповѣдь, какъ извѣстно, чрезвычайно любила всякаго рода параллелизмы, символы и аллегоріи, и въ ней нашло мѣсто сопоставленіе пр. Дѣвы Маріи съ цвѣтами, преимущественно съ лиліей.

Сравненіе Богородицы съ Евой встрѣчается, между прочимъ, въ «Огородкѣ» Радивиловскаго въ первомъ словѣ о непорочномъ рожденіи пр. Дѣвы Маріи отъ Іоакима и Анны: «Яко правѣ Евва, не послушною будучи, сталася и себѣ и всему рожаю людскому причиною смерти, такъ и преблагословенная Дѣва Марія, послушная, и себѣ и всему рожаю людскому сталася причиною спасенія.»

Въ особенности по вкусу схоластическихъ проповѣдниковъ семнадцатаго вѣка пришлось сравненіе пр. Дѣвы съ цвѣтами. Это

[1]) *Пыпинъ*, Памят. стар. рус. литер., т. III, стр. 76.

было еще самое естественное и простое изъ сравненій Богоматери съ предметами физическаго міра, къ какимъ прибѣгали южнорусскіе проповѣдники схоластическаго направленія. Радивиловскій посвятилъ цѣлую проповѣдь на сравненіе пр. Дѣвы съ лиліей, именно въ «Огородкѣ» третье слово на Введеніе пр. Богородицы во храмъ. «Первое подобенство пр. Дѣвы Маріи до лѣлѣи, же лелѣя жадныхъ на себѣ не маетъ макулъ, которыи бы піенкность еи нарушали... Второе—лѣлѣи суть бѣлыи и червоныи... Пр. Дѣва Марія бѣлая, иле до невинности первородной, есть тежъ и червона, иле до встыду дѣвическаго... Потрете, маетъ и тое до себе лѣлѣя, же межи зеліями не маетъ плодовитшаго надъ лелѣю, албо вѣмъ зъ едного корня пятьдесятъ пущаетъ головокъ, яко пишетъ Плиніушъ... Въ Маріи... насине (добра и благодати) принесло плодъ тридесятый, шестидесятый и сторакій... Опустивши иншія многія власности, которыми есть лѣлѣя оздобленая, тое мовлю, ижъ жадного цвѣту большаго и высшаго немашъ надъ лѣлѣю, бо ведлугъ Плиніуша въ три локтя растетъ выше надъ иншіи цвѣты, и для того старожитныи лѣлѣю назвали цвѣтомъ царскимъ».

Религіозно-поэтическія сравненія пр. Дѣвы Маріи съ Евой и со цвѣтами, въ частности съ лиліей, проникли въ южнорусскій народъ, были имъ своеобразно истолкованы и выразились въ словесности южнорусскаго народа въ формѣ любопытныхъ сказаній о томъ, что Богъ создалъ пр. Дѣву Марію въ началѣ свѣта изъ цвѣтовъ, и въ формѣ темныхъ пѣсенъ о близости пр. Богородицы къ лиліи и маку. Въ народѣ распространенъ своеобразный апокрифъ, что Богъ создалъ перваго человѣка съ кожей роговой, а первую женщину изъ цвѣтовъ. Но Адаму женщина эта не понравилась, и онъ просилъ Бога дать ему другую подругу жизни, не столь нѣжную. Тогда Богъ цвѣтную дѣвушку взялъ къ себѣ, а для Адама создалъ Еву, изъ его ребра, также съ роговымъ тѣлеснымъ покровомъ. Послѣ грѣхопаденія прародителей они потеряли роговой покровъ, остаткомъ котораго служатъ только ногти. Дѣвѣ изъ цвѣтовъ суждено было стать впослѣдствіи пресв. Дѣвой Маріей и Богоматерью. Ева была причиной грѣхопаденія; и дѣвѣ изъ цвѣтовъ предопредѣлено было въ лицѣ Богородицы сдѣлаться источникомъ спасенія человѣчества [1]). Существованіемъ въ народѣ разсказа о

[1]) *Nowosielski*, т. II, стр. 5—6, *Чубинскій*, т. I, стр. 145—146.

тождествѣ Богородицы съ первой цвѣтной дѣвой объясняются нѣкоторыя на первый взглядъ странныя сравненія пр. Дѣвы Маріи съ розой, мальвой и лиліей въ колядкахъ и щедривкахъ, напримѣръ, въ малор. колядкѣ у Чубинскаго т. III, стр. 374. Повидимому, апокрифическая дѣва изъ цвѣтовъ скрывается въ слѣдующей темной колядкѣ:

Рожденная мати, небеська царыця,
Радуйся, пречиста, прекрасна царыця!
Дива обрадованная Христа породила
И за Евою, за Адамомъ слидкома ходила,
Выплакала за насъ гришныхъ, якъ мати едина...
Ты красна панна зъ высокого маку,
Не дай же намъ загинуть зъ великого страху.
(Чуб., т. III, стр. 333).

А. Н. Веселовскій въ резенціи на «Труды Этн. Стат. Экспедиціи» П. П. Чубинскаго въ отчетѣ о XX присужденіи наградъ графа Уварова обратилъ вниманіе на своеобразное преданіе о сотвореніи «жинки зъ цвиту». Онъ предполагаетъ, что источникъ этого преданія «скрывается въ какомъ нибудь христіанскомъ апокрифѣ». Я уже замѣтилъ, что преданіе это могло возникнуть изъ краткихъ сравненій и украшающихъ эпитетовъ пр. Дѣвы въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Г. Веселовскій сопоставляетъ малорусскій разсказъ о цвѣтной дѣвѣ съ французскимъ стихотвореніемъ XII вѣка о Фануилѣ; но содержаніе послѣдняго слишкомъ своеобразно, и вовсе не объясняетъ малорусской сказки о цвѣтной дѣвѣ. Ближе къ малорусскому сказанію другая французская легенда, приводимая г. Веселовскимъ. Эта краткая легенда упоминается, какъ отреченная, въ одной поэмѣ «Sur la Conception» (о зачатіи) [1]).

[1])
Anne de Bethleem fu nee,
De flour ne fu pas engenree,
Ce saiehiez nous certainement,
Mais d'omme conseue charnellement.
Celles et cil soient confondu
Qui croient un roman qui fu,
Qui dist que flour fust venue
Sainte Anne et engeneue (*Записки* Акад. Н. т. 37, с. 183).

Догматическая основа этого стиха—латинское ученіе о дѣвственности св. Анны, матери Богородицы.

11—12.

Благовѣщеніе и звѣзда пр. Богородицы.

Въ древнѣйшемъ новозавѣтномъ апокрифѣ, протоевангеліи Іакова (начала II вѣка) первое благовѣстіе происходитъ у колодца, когда пр. Дѣва Марія вышла почерпнуть воды. Пр. Марія услышала гласъ ангельскій: «Радуйся, возрадованная! Господь съ тобою; благословенна ты въ женахъ», но самаго ангела не было видно, и затѣмъ вскорѣ слѣдуетъ другое благовѣщеніе, по евангельскому тексту [1]). Этотъ мотивъ повторяется въ одномъ старинномъ галицко-русскомъ казаньѣ на Рождество Христово: «Гды Христосъ Сынъ Божій оутѣлилъ ся и оуишолъ Духомъ святымъ у пречистую Панну, тогда пресв. Богородица стояла у колодязя, хотѣла почерпать воды оу сосудъ. И ту пришелъ ангелъ Господень къ неи и рече: Радуйся, обрадованная, Господь съ тобою, днесь пополнишися Духа святаго. А Она обозритъ ся на ангела и увидѣла звѣзду великую» [2])... Этотъ мотивъ изрѣдка встрѣчается въ народныхъ духовныхъ стихахъ, напр. у Чуб., т. III, стр. 11.

Съ апокрифическимъ сказаніемъ о первомъ благовѣщеніи у колодца тѣсно связано апокрифическое сказаніе «о звѣздѣ, которую маетъ пр. Богородица на себѣ». Во время перваго благовѣщенія «звѣзда, пришедши къ неи, сѣла на головѣ еи, а потомь зъ голови сѣла на правомъ плечи, а потомъ зъ праваго плеча изступила на лѣвое плече, а зъ лѣваго зышла снову на голову, а зъ головы уступила во уста и ту ся Пречистая наполнила радости великои и тогда во утробѣ своей зачала Сына Божія, и то та звѣзда пребывала въ Ней при отрочати, дондеже породила Христа». Далѣе говорится, что надъ колодцемъ, гдѣ произошло первое благовѣщеніе, построена «церковь великая, каменная, пречудная», и надъ ней дважды въ годъ всходитъ свѣтлая звѣзда, въ ночь Рождества Христова и на Благовѣщеніе пр. Богородицы. Звѣзда входитъ черезъ южное окно въ церковь, погружается въ колодезь и затѣмъ удаляется изъ церкви. Когда Спаситель родился, то звѣзда стала на головѣ пр. Богородицы и бросила свои лучи на Ея плечи. Послѣ воскресенія Спасителя пр. Богородица съ звѣздой на головѣ при-

---

[1]) *Кирпичниковъ*, Сказанія о житіи Дѣвы Маріи, стр. 36.

[2]) *Калитовскій*, Матер. до литер. апокр., стр. 14.

шла къ Пилату. Пилатъ хотѣлъ взять звѣзду рукой; но рука его при этомъ оцѣпенѣла. Тогда Пилатъ увѣровалъ во Христа, вмѣстѣ съ своею женою и двумя сыновьями, и впослѣдствіи пострадалъ мученической смертью. При этомъ въ апокрифѣ находится любопытная фраза, что Пилатъ о своемъ обращеніи «пише широце въ житіи своемъ» [1]). Эпизодъ о Пилатѣ, заключающійся въ галицко-русскомъ апокрифѣ о звѣздѣ, представляетъ любопытное дополненіе къ апокрифическому «Посланію Пилата къ Тиверію», изданному А. Н. Пыпинымъ по рукописямъ XV—XVI в. [2]).

Апокрифическое сказаніе о звѣздѣ выросло, вѣроятно, изъ топографическихъ или живописныхъ традицій и комментаріевъ. Г. Елисѣевъ въ сочиненіи «Съ русскими паломниками на св. землѣ весною 1884 г.» говоритъ, что и въ настоящее время проводники сообщаютъ странникамъ много мѣстныхъ преданій и разсказовъ о палестинскихъ святыняхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ эти разсказы вошелъ также колодезь, около котораго произошло первое благовѣщеніе, вошелъ, можетъ быть, еще въ старое время.

Изображеніе звѣзды надъ головой пр. Богородицы встрѣчается въ древнихъ памятникахъ христіанской живописи въ катакомбахъ [3]).

Въ апокрифѣ о звѣздѣ находится одинъ частный эпизодъ, составленный несомнѣнно подъ вліяніемъ иконописи: «Слыши пильно о тихъ звѣздахъ, которыя теперь видимо пишутся на шатѣ пр. Матки Божой. На Пречистой три звѣзды, яко на небѣ... Христосъ... лишилъ пресвятой матери своей таковые знаки предивные три, абы то знали, ижъ то Она есть Матка Божа и царица небесная и земная всего свѣта» [4]).

Южно-русскіе схоластическіе проповѣдники воспользовались апокрифомъ о звѣздѣ пр. Богородицы, такъ какъ апокрифъ этотъ какъ нельзя болѣе подходитъ подъ схоластическія «циркумстанціи» или «околичности» для расширенія проповѣди и какъ нельзя болѣе удовлетворялъ наклонности проповѣдниковъ XVII вѣка къ искусственнымъ сопоставленіямъ священныхъ лицъ съ предметами физическаго міра. Такъ Галятовскій цѣлую проповѣдь построилъ на перечисленіи тѣхъ звѣздъ, изъ которыхъ пр. Дѣва Марія сдѣлала себѣ корону [5]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 16.
[2]) *Пыпинъ*. Памят. стар. рус. лит., т. III, стр. 107—108, 103—104.
[3]) *Seemann*, Kunsthist. Bilderbogen, № 331.
[4]) *Калитовскій*, стр. 16.
[5]) *Галятовскій*, Ключъ Разумѣнія. Второе казане на Успеніе пр. Богородицы.

13.

Рождество Іисуса Христа.

А. Н. Пыпинъ въ III т. Памятн. стар. рус. литер. издалъ апокрифъ о Рождествѣ Іисуса Христа, по Румянцевскому Торжественнику конца XV ст. Въ началѣ апокрифа находится длинное разглагольствованіе на тему: «Возсія, намъ днесь праведное солнце», затѣмъ слѣдуетъ пространное сравненіе пр. Богородицы съ Евой, краткое замѣчаніе о звѣздѣ и волхвахъ и многорѣчивое разсужденіе по поводу Рождества Христова, наконецъ, съ половины апокрифа говорится о Рождествѣ Христовѣ, путешествіи Іосифа съ Маріей въ Виѳлеемъ, вертепѣ, бабѣ Саломіи, волхвахъ и избіеніи младенцевъ.

Вторая часть апокрифа о Рождествѣ Іисуса Христа вошла въ старинное малорусское «Казаня на Рождество Христово», сохранившееся въ рукописномъ сборникѣ во Львовѣ въ библіотекѣ Оссолинскихъ и изданное въ 1884 г. г. Ом. Калитовскимъ. Сравнивая это «Казаня» съ апокрифомъ, изд. Пыпинымъ, мы видимъ, что неизвѣстный проповѣдникъ приспособилъ апокрифъ къ понятіямъ своихъ слушателей, темное устранилъ, недостаточно ясное снабдилъ небольшими комментаріями, и все Казаня изложилъ довольно простымъ языкомъ. На этомъ Казаньѣ можно видѣть, какъ приспособлялось книжными людьми инородное и иноземное къ быту и понятіямъ роднаго народа, какъ націонализировались захожія повѣсти. Апокрифическія пѣсни могли возникнуть только изъ такого предварительнаго приспособленія книжныхъ сказаній къ южно-русской почвѣ.

«За панованя и за королевства Августа, кесаря благочестиваго и побожнаго, былъ розказъ по всей вселенной, абы было переписано царство его»—такъ начинается малорусская редакція апокрифа о Рождествѣ Спасителя, и затѣмъ слѣдуетъ сходный съ евангельскимъ текстомъ разсказъ о путешествіи Іосифа и пр. Маріи въ Виѳлеемъ. Въ этотъ разсказъ вставленъ слѣдующій эпизодъ: «А коли ишолъ дорогою, видѣлъ Іосифъ Марію: ово ся смѣе, ово плаче. И рече Іосифъ: «Маріе, что се чинишь... Рече ему Пречистая: о, Іосифе, вижу на свѣтѣ двое людеи; еднии ся смѣють, а другіе горко плачутъ; то и я, которые ся смѣютъ, и съ тыми ся смѣю и радую, а которые плачутъ, и я съ ними плачу и смучу ся» (Калит., стр. 12). Этотъ эпизодъ почти дословно повторяется въ

апокрифѣ у Пыпина, т. III, стр. 78. Въ Казаньѣ только расширено немного объясненіе пр. Дѣвы, что она участвуетъ въ радостяхъ и горестяхъ людей.

Въ апокрифѣ говорится: «егда быша посреди пути идуща, и рече Марія Іосифу: «ссади мя съ осляти сего, яко сущее во мнѣ нудитъ мя. изыти хотя. И ссади ю Іосифъ». Въ Казаньѣ это мѣсто повторяется почти дословно, и затѣмъ слѣдуетъ любопытное добавленіе: Іосифъ помогъ пр. Дѣвѣ Маріи сойти на большой и плоскій камень, лежавшій на дорогѣ. Ноги пр. Богородицы погрузились въ камень, «яко у тѣсто; позналъ бо и камень безумный на себѣ Творца своего... И ту до днесь лежитъ той камень, а въ немъ стопи ногъ пр. Богородицы, и тамъ теперь опочивокъ страннымъ и изъ подъ того камня истекла керныця, пречудная, и вода ея есть бѣла, яко млеко, и сладка, яко медъ... и тутъ стоитъ церковь во имя ея святое» (Калит., стр. 12).

Въ апокрифѣ говорится только, что Іосифъ нашелъ вертепъ и ввелъ въ него пр. Богородицу (Пыпинъ, 78). Въ Казаньѣ это выраженіе снабжено комментаріемъ: «Ту увидѣла Пречистая вертепъ, погребъ или шопу, старое становиско нѣякоесь, гдѣ пастухи скотъ или овцы запирали. А въ томъ вертепѣ тогди не было ничего: только нѣкоторые пастухи виѳлеемскіе лишили при яслехъ вола и осла, а сами пошли за овечками въ поле». Когда родился Іисусъ, тогда «оубогая стайня внетъ ся наполнила предивнаго» (Калит., стр. 13).

Далѣе и въ апокрифѣ, и въ Казаньѣ слѣдуетъ разсказъ о бабкѣ Саломіи, явившейся въ вертепъ по зову ангела. Эпизодъ о томъ, почему отсохла у Саломіи рука и какимъ образомъ Саломія получила исцѣленіе, находящійся въ апокрифѣ, въ Казаньѣ не встрѣчается. Составитель Казанья, лице духовное, должно быть, счелъ этотъ эпизодъ неумѣстнымъ.

Извѣстно, что народъ обнаруживаетъ большую наклонность къ олицетворенію отвлеченныхъ понятій, силъ и явленій природы, болѣзней и даже большихъ праздниковъ. Олицетвореніе возникало не только въ связи съ обожествленіемъ предмета, какъ было въ древности, но и самостоятельно, изъ цѣлей лучшаго пониманія предмета, наиболѣе полнаго и отчетливаго его представленія, для развлеченія и удовольствія, такъ какъ человѣкъ сочувственно можетъ отнестись къ внѣшнему міру, лишь приблизивъ его къ своей духовной личности.

Въ кругъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ олицетвореній вошелъ праздникъ Рождества Христова, въ интересахъ найболѣе отчетливаго прославленія его въ ряду другихъ большихъ праздниковъ зимняго времени. Такъ, въ одной колядкѣ:

Да выросло дерево тонке да высоке,
А на тому древу да намалевано,
А намалевано а три святители:
Шо первый святитель—святе Рожество,
Другій святитель—то жъ святый Василій,
А третій святитель—то жъ Иванъ Христытель.
(Чуб., т. III, стр. 338).

Въ этихъ трехъ святителяхъ съ одной стороны выразились желаніе народа прославить сразу три крупныхъ зимнихъ праздника, а съ другой стороны выразился излюбленный народно-поэтическій пріемъ троенія мысли или предмета.

Весьма своеобразное олицетвореніе Рождества обнаруживается въ слѣдующей колядкѣ:

А вси святыи ослономъ сили;
Тилько нема святого Риздва.
Рече Господь святому Петру:
«Петре, Петре, послуго моя,
Пиди, принеси святее Риздво!»
Не выйшовъ Петро якъ пивъ дороги,
Здыбало Петра чудо чудное,
Чудо чудное, вогнемъ страшное!
Петро жахнувся, назадъ вернувся,
Рече Господь до святого Петра:
«Ой Петре, Петре, послуго моя,
Чомъ ты не принисъ святее Риздво?»
«Ой здыбало мене чудо чудное»...
«Ой, не есть то, Петре, нияке чудо,
А то есть святе Риздво;
Було его взяти, Петре, на руки,
Сюды принести, на стилъ покласти;
Зрадовались бы вси святыи,
Що передъ ними Риздво сило».
(Чуб., т. III, стр. 351).

Можетъ быть подъ «чудомъ чуднымъ» колядки скрывается древнее языческое божество, въ другихъ случаяхъ скрывающееся подъ словомъ Крачунъ, Керечунъ, Карачунъ, причемъ самое слово Крачунъ или Керечунъ, вѣроятно, румынскаго происхожденія [1]).

Евангельское повѣствованіе о Рождествѣ Спасителя (отъ Луки гл. 2) отличается краткостью. Апокрифическіи сказанія даютъ дополнительныя черты, почти всецѣло вошедшія въ народную поэзію, преимущественно колядки и щедривки. Уже на древне-христіанскихъ саркофагахъ являются оселъ и быкъ при Рождествѣ Христовѣ. Къ IX вѣку на востокѣ и западѣ пользуется огромною популярностью форма изображенія Р. Х., гдѣ главныя дѣйствующія лица изображены такимъ образомъ: въ горѣ пещера, въ пещерѣ ясли, въ которыхъ лежитъ Христосъ: надъ Нимъ головы осла и быка. Богоматерь лежитъ на одрѣ, лицемъ къ зрителю. Іосифъ сидитъ внизу въ раздумьѣ, либо грусти, или же въ дремотѣ [2]). Извѣстно, какъ традиціонные оселъ и быкъ послужили великимъ италіанскимъ художникамъ, напр., Корреджіо. Въ Чети-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго говорится, что къ яслямъ привязаны были волъ и оселъ. Ихъ привелъ Іосифъ изъ Назарета. На ослѣ ѣхала пресвятая Дѣва, а вола Іосифъ привелъ на продажу, чтобы было чѣмъ уплатить царскую подать и содержать себя въ Виѳлеемѣ и въ дорогѣ. Сіи то безсловесныя животныя, стоя ири ясляхъ, дыханіемъ своимъ согрѣвали Младенца отъ зимней стужи и такимъ образомъ служили Владыкѣ и Творцу своему. Этотъ разсказъ изъ Чети-Миней проникъ въ народъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на народную мысль, такъ что въ духовныхъ стихахъ и легендахъ малорусскаго народа онъ передается почти съ дословною вѣрностью. Такъ, въ одномъ разсказѣ, записанномъ въ подольской губерніи говорится: «Ото якъ находився Господь та лежавъ у ясляхъ, то вилъ не нарушавъ зъ ясель жадного стебла, а ще дыхавъ и загривавъ Бога... Ото жъ то Божа Мати и сказала: «будешь же ты, добрый воле, завсегда въ Бога сытый» (Драг., стр. 109). Въ литинскомъ уѣздѣ записано повѣрье, что волы и ослы благословенны Богомъ за то, что укрывали Спасителя въ ясляхъ соломой и согрѣвали Его (Чуб. т. 1, втр. 48). Отсюда произошло повѣрье, что рогатый скотъ наканунѣ Р. Х. получаетъ способность говорить человѣче-

[1]) См. ст. *Шухардта*, въ „Archiv'ѣ Ягича“ 1886 г., т. III, стр. 526.

[2]) *Кирпичниковъ*, Миніатюры часослововъ, въ „Худож. Новост.“, 1883 г., № 16.

скимъ голосомъ (Ibid., стр. 48). Колядка, записанная въ бердичевскомъ уѣздѣ и вошедшая въ III т. «Трудовъ» Чубинскаго, стр. 340—341, представляетъ любопытный образчикъ стихотворной передѣлки чети-минейнаго сказанія:

Скинія вся златая—
Ковчегъ завита,
Выдить днесь Марія
Сына повита.
Радуйся Марія!
Волъ и оселъ, дышуще,
Хвалы воздаютъ,
Озябшого въ ясляхъ
Парою гріють...

Сравненіе Богоматери съ кивотомъ завѣта также взято изъ Чети-Миней. Здѣсь говорится о Кивотѣ въ святая святыхъ іерусалимскаго храма, какъ о прообразѣ Маріи Дѣвы. Такимъ образомъ первыя четыре строки составлены на основаніи одного чети-минейнаго сравненія подъ 21 ноября; слѣдующія затѣмъ пять строкъ изъ чети-минейнаго сказанія о Р. Х. подъ 25 декабря, а остальаня часть колядки о поклоненіи волхвовъ, нами опущенная, составлена также на основяніи чети-минейнаго сказанія о Рождествѣв Спасителя. Изъ этого примѣра достаточно ясно видно, какое важное значеніе имѣли Чети-Минеи на возникновеніе и развитіе малорусскихъ колядокъ духовнаго содержанія.

Чети-Минейное сказаніе о присутствіи вола и осла при Р. Х. въ малорусскихъ колядкахъ встрѣчается въ разныхъ пересказахъ, иногда довольно курьезныхъ, напримѣръ:

Да зъихалось да три волы,
Да три волы, три буйвалы,
Ой стали вони да чмохати, гадати,
Чимъ сее дзецько даровати:
Одинъ даруе мvромъ, кадиломъ,
Другій даруе золоту квиточку.
(Чуб. т. III, стр. 355).

Отъ апокрифнаго вола при Р. Хр. произошелъ часто встрѣчающійся въ колядкахъ мотивъ:

Озьму вола за ригъ,
Та выведу на муригъ,
Та выкручу ему ригъ.

Такъ какъ рождественскіе праздники—время веселья и самыя колядки служитъ нынѣ для увеселенія, то въ нѣкоторыя духовныя колядки проникъ праздничный разгулъ и вольность въ выраженіи религіозныхъ чувствъ, напр., въ колядки, находящіяся въ «Трудахъ» Чубинскаго, т. III, стр. 376, 377, «коло яселъ старый Осипъ оберемкомъ сино носыть». Нужно впрочемъ сказать, что духовныхъ пѣсенъ съ ироническимъ отношеніемъ къ священнымъ лицамъ и событіямъ весьма мало. Въ нѣкоторыхъ колядкахъ волы при ясляхъ считаются ангельскими превращеніями или прямо замѣняются ангелами, напр.: «надъ яслами волы стояли; то жъ не волы, то два янголы» (Чуб., т. III, стр. 323). Огромное большинство колядокъ создано съ цѣлью:

Навчить диты малии
Книги читати, въ церковь ходити,
Святе Рожество праздникомъ чтити,
Батька, матинку вирне любити.
(Чуб., т. III, стр. 385).

Въ связи съ апокрифическими сказаніями о Р. Х. находится одинъ небольшой эпизодъ въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки «Панна Сотниковна». Въ святъ-вечеръ панъ сотникъ любовно объясняетъ своему сыну, что кутью и узваръ въ это время ѣдятъ на сѣнѣ, т. е. положивъ на столъ сѣно, въ воспоминаніе того, что Іисусъ родился въ ясляхъ на сѣнѣ.

На западѣ подъ вліяніемъ религіознаго сантиментализма уже въ средніе вѣка развились литературныя и художественныя формы обожанія Христа Маріей Дѣвой и Іосифомъ. Марія стоитъ передъ Христомъ на колѣняхъ—таково обычное изображеніе на старинныхъ картинахъ и на миніатюрахъ [1]). Этотъ элементъ обожанія Христа Матерью проникъ въ Четьи-Минеи, а отсюда въ малорусскіе духовные стихи, напр.:

А пресвятая Дѣва Марія едына,
А просила ласки у свого сына.
(Чуб., т. III, стр. 348).

Въ евангеліи отъ Луки гл. 2 кратко говорится, что пресвятая Дѣва Марія «*роди сына своего первенца и повитъ его и положи*

[1]) *Кирпичниковъ*, въ „Худож. Листкѣ“ 1883 г., № 16.

его въ яслехъ». Въ Чети-Минеяхъ говорится, что пр. Дѣва обвила сладчайшаго своего Сына бѣлыми, чистыми, тонкими пеленами, еще прежде приготовленными ею въ Назаретѣ. Въ малорусскихъ колядкахъ это перифразируется слѣд. словами:

А биленькіи пелюшечки сповивала,
А зъ девятого шовку сповивачикъ сукала,
А зъ сребла злата приголовочокъ прикладала.
(Чуб., т. III, стр. 324).

Мале дитя на престоли положила,
Надъ тымъ дитямъ три свички засвитыла (Ibid., стр. 325).

Тамъ Пречиста у крижмове сповила,
А сповивши въ василечки вложила (Ibid., стр. 327).

Поэтическимъ распространеніемъ этого мотива являются колядки, въ которыхъ Богородица бѣлитъ ризы на Дунаѣ; вѣтеръ уноситъ ихъ подъ небеса, а тамъ принялъ ихъ самъ Господь (Чуб., т. III, стр. 329; Голов., т. II, стр. 90).

14

Поклоненіе волхвовъ.

Въ галицко-русскомъ рукописномъ сборникѣ апокрифическихъ статей, въ Казаньѣ на Рождество Христово, находится пространное сказаніе о поклоненіи волхвовъ. Пророкъ Валаамъ оставилъ свои пророческія книги тремъ персидскимъ царевичамъ, которые учились у него звѣздочетству, и просилъ ихъ слѣдить за появленіемъ на небѣ «звѣзды отъ Іакова», упоминаемой въ Библіи. Царевичи, по именамъ Кашперъ, Еліамъ и Еликуръ, потомъ счастливо управляли Персіей.... «Единои нощи, гди онии три цари, читаючи книги..... издремали ся и, не угашаючи свѣчи, приснули мало, и видѣли во снѣ, якобы стоятъ усѣ три у божници своеи передъ своею богинею Уріею, и здалося имъ, яко бы пришла звѣзда барзо великая, и чудная, и пресвѣтлая вельми и уишла у божницу ихъ окномъ полунощнымъ и освѣтила всю божницу, яко слонце, и походила довго по божници и по всѣхъ богиняхъ, и пришла до старшеи ихъ богини Уріи и сѣла на головѣ», потомъ перешла на правое плечо, затѣмъ на лѣвое, снова поднялась

на голову и вошла во уста, побывши не долгое время въ Уріи, звѣзда вышла изъ капища южнымъ окномъ. Всѣ идолы при этомъ упали и разсыпались въ прахъ, и осталась одна Урія. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ и съ главнымъ жрецомъ, они отправились на поклоненіе божественному Младенцу въ Виѳлеемъ [1]).

Все это сказаніе объ Уріи и персидскихъ царяхъ построено на апокрифическомъ сказаніи Афродитіана, которое издано Н. С. Тихонравовымъ и А. Н. Пыпинымъ по рукописямъ XIII вѣка. Въ древней Россіи сказаніе Афродитіана пользовалось значительной популярностью, и Максимъ Грекъ написалъ противъ него обличительное слово. Въ сказаніи Афродитіана говорится объ Ирѣ=Ураніи=Маріи и паденіи идоловъ во время Рождества Христова. Разница между этимъ апокрифомъ и сходнымъ съ нимъ Казаньемъ состоитъ въ собственныхъ именахъ. Въ Казаньѣ нѣтъ ни Афродитіана, ни имени жреца Прупа, но за то поименовываются цари, чего нѣтъ въ апокрифѣ. Въ апокрифѣ является одинъ царь; онъ посылаетъ волхвовъ. Въ Казаньѣ видвинута подробность о явленіи звѣзды. Вообще, Казанье опирается на редакцію Сказанія Афродитіана, отличную отъ извѣстной по изданіямъ Пыпина и Тихонравова.

О поклоненіи волхвовъ говорится во многихъ колядкахъ, причемъ обнаруживаются черты сходства колядокъ этого рода съ апокрифическимъ Казаньемъ львовскаго рукописнаго сборника. Въ колядкахъ обычно выраженіе «три цари прийшло» (Чуб., т. III., стр. 324 и др.); иногда встрѣчаются вмѣсто царей три ангела и даже три вола. Цари дарятъ Ісусу «мѵро, кадило и цвѣтокъ» (ib., стр. 324) или «ливанъ, смирамъ и злато» (стр.327).

15.

Избіеніе младенцевъ.

Въ галицко-русскомъ рукописномъ сборникѣ апокрифическихъ сказаній встрѣчается любопытное Казанье на Соборъ пр. Богородицы. Здѣсь говорится объ избіеніи младенцевъ, притомъ въ формѣ почти пѣсенной, съ ясными чертами стихотворнаго склада. Въ дѣйствительности здѣсь мы имѣемъ духовную пѣсню, напоми-

---

[1]) *Калитовскій*, стр. 9—22.

нающую въ отдѣльныхъ выраженіяхъ народныя эпическія пѣсни. «Скоро жолнѣре Иродови увойшли у Виѳлеемскій повѣтъ, заразъ почали чинити по малыхъ диточкахъ невинныхъ отвѣтъ. Отъ персій матернихъ отрывали да погубляли и розмаитыи имъ смерти завдавали. Иныхъ коньми топтали по улицахъ, иныхъ за волосы брали, о каменя разбивали, иныхъ за ножки брали и на двое раздирали, иныхъ острыми сулицами скрузъ пробивали, иныхъ на огенъ метали, иныхъ дымомъ заперши душили, иныхъ на дворахъ ихъ на коли истыкали, иныхъ у воду метали, иныхъ на поли псеисами разтесовали, иныхъ у хвостовъ конскихъ увязавши волочили, иныхъ истинали мечомъ, не маючи милости, а дѣточки, яко немовлятка будучи, того не знаютъ, они донѣмаютъ, ижъ то зъ ними жарты мають, за мечъ ручками сягаютъ, подъ мечъ головки свои хиляютъ, а они окаянные головки имъ истинаютъ. Инымъ ручки и ножки отнявши передъ отци и матки розметаютъ; иныхъ истыкали на копія. На конецъ не еденъ тамъ по сыну заплакалъ отецъ и мати по своему милому дитяти. Отци бѣдные и матери смутнія до ногъ жолнѣромъ упадаютъ, слезами своими ноги ихъ облизаютъ, дорогіе имъ подарунки даютъ, скарби своя имъ отворяютъ, о змилованю дѣточекъ своихъ просятъ. Иніе же сами голови свои надъ диточками своими подъ мечи остріи подкладаютъ, абы то не видѣли такои окрутнои смерти дѣточекъ своихъ милыхъ. Але они окрутники на то ничего не дбаютъ, але еще горшими ся ставаютъ, немилостиве дѣточокъ малихъ погубляютъ, яко чистую пшеницу пожинаютъ. Тамъ кровь по всѣхъ улицахъ, яко потеки, текла, быстрыми струмени плынула, гды жъ бо тамъ жадного двора бѣда не минула..... Отцы бѣдніи и матки до Бога волаютъ, въ небо руки поднимаютъ, о землю персями ударяютъ, голосомъ жалоснымъ горько волаютъ: о небо и земле, чому насъ не покрыешъ и чому насъ бѣдныхъ не ратуешь съ нашими дѣточками, чомъ насъ не укрыешь, абисмо не были мордованы тыми то окрутными Иродовыми слугами. Въ смутку и горести кождого дѣтятка говорила матка: о дѣточки наши милые, волѣли бы смо васъ на свѣтъ не родити, нижли на васъ теперь такую окрутную смерть видѣти..... О безбожный кролю Ироде, за тіи то маліи дѣточки запевне будешь у пеклѣ сидѣти. И такъ на него отъ Бога помста испала, ижъ его живого на маестатѣ кралевскомъ черви росточали, только що хробори (хворобы) зостали,

а дьяволи душу его до пекла позвали, а дѣточки царства небеснаго себѣ достали. Богу же нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь»[1]).

Въ этомъ сказаніи-пѣснѣ прежде всего обращаетъ вниманіе задушевность, мягкость и нѣжность чувства, мѣстами переходящая даже въ сентиментальность; эти черты сказанія выражаютъ мягкость и нѣжность чувствъ малорусскаго народа, такъ какъ подтверждаются другими памятниками народной поэзіи и новой малорусской литературой. Далѣе заслуживаютъ вниманія эпическія черты сказанія, доказывающія сильное вліяніе народнаго эпоса на приспособлявшіеся къ народному пониманію апокрифы. Нѣкоторыя преступленія слугъ Ирода напоминаютъ преступленія Алексѣя Поповича въ думѣ про бурю на Черномъ морѣ, напримѣръ, топтаніе конемъ дѣтей. Горе родителей обрисовано чертами, сходными съ тѣми, которыя находятся въ невольницкихъ думахъ. Наконецъ, въ этомъ сказаніи отразились, повидимому, кое-какія бытовыя черты, напримѣръ, извѣстныя въ XV—XVII ст. способы пытки и казни и воспоминанія о случаяхъ избіенія дѣтей татарами и поляками.

Въ колядкахъ избіеніе младенцевъ упоминается какъ бы мимоходомъ, коротко и безцвѣтно. Иродъ приказалъ своимъ «жовнирамъ землю сплендрувати» (Чуб., т. III, стр. 328). Здѣсь нужно еще отмѣтить встрѣчающееся въ колядкахъ и народныхъ разсказахъ сказаніе о томъ, что посланные въ погоню за св. семействомъ воины Ирода возвратились въ Іерусалимъ, послѣ того какъ узнали, что пр. Богородица прошла, когда мужикъ сѣялъ, причемъ видѣли хлѣбъ уже созрѣвшій. Они не знали, что пшеница выросла и созрѣла быстро, по повелѣнію Бога. Въ древнихъ апокрифахъ о пр. Богородицѣ нѣтъ этого разсказа. Настоящее его мѣсто въ апокрифахъ о хожденіи Іисуса Христа съ апостолами по землѣ.

Къ апокрифамъ объ избіеніи младенцевъ и бѣгствѣ пр. Богородицы въ Египетъ примыкаютъ большія колядки о томъ, какъ жиды Христа искали. Жиды спрашиваютъ пр. Богородицу, гдѣ она скрыла Христа. Пр. Богородица отвѣчаетъ, что спрятала Спасителя въ лѣсу, а потомъ, на новые о томъ же вопросы говоритъ, что спрятала въ травѣ, высокихъ горахъ, глубокихъ

---

[1]) *Калитовскій*, стр. 22—25.

рѣкахъ, и наконецъ, что Спаситель взошелъ на небеса (Голов., т. II, стр. 25, 26; Чуб., т. III, стр. 343).

16.

Крещеніе Спасителя.

Въ Казаньѣ на Богоявленіе Господне, находящемся во львовскомъ рукописномъ сборникѣ, крещеніе Іисуса Христа находится въ связи съ апокрифомъ о рукописаніи Адама и семи змѣиныхъ головахъ на лицѣ Каина. Взявъ отъ Адама обязательство принадлежать царству дьявола, дьяволъ снялъ змѣй съ лица Каина и спряталъ рукописаніе и змѣиныя головы на днѣ Іордана въ камнѣ. Во время крещенія Спаситель уничтожилъ змѣиныя головы. Слѣды этого сказанія отразились уже въ греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ восьмаго вѣка и въ греческой церковной живописи. Такъ у св. Козьмы Маюмскаго Іисусъ Христосъ, во время крещенія, «зміевъ главы гнѣздящихся сокрушаетъ»; у Іоанна Дамаскина: «Опали струею зміевы главы». Дидронъ въ сочиненіи о христіанской иконографіи говоритъ, что видѣлъ изображеніе этого апокрифическаго мотива до 20 разъ на греческихъ мозаикахъ и фрескахъ [1]).

Въ колядкахъ и щедривкахъ крещеніе Спасителя понято, какъ совершенное надъ младенцемъ Іисусомъ. Пр. Богородица купаетъ и креститъ Іисуса, пеленаетъ его въ шелковыя пеленки, моетъ ихъ на тихомъ Дунаѣ и даетъ новорожденному имя. Въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ (у Головацкаго, т. II, стр. 12, 27; Чуб., т. III, стр. 333—335) къ пр. Дѣвѣ Маріи приходятъ 40 ангеловъ и 12 священниковъ. Они отнесли Младенца на Іорданъ, окрестили его и стали:

Книги читати, имья глядати
Сына Божого, а найвысшого.
«Именуймо го та святымъ Петромъ»;
Божа Мати то не злюбила.
«Именуймо го та святымъ Павломъ»;
Божа Мати то не злюбила,
То не злюбила, не дозволила.
«Именуймо го Паномъ небеснымъ»;

---

[1]) *Порфирьевъ*, Апокр. сказ. по рукоп. Солов. библ., стр. 42.

Божа Мати то излюбила,
То излюбила и дозволила,
То дозволила и благословила.

17.

Сонъ пресв. Богородицы.

Апокрифъ этотъ, какъ извѣстно, вошелъ глубоко въ народную словесность. Издано много народныхъ сказаній и пѣсенъ о томъ, что пр. Богородица изъ пророческаго сна узнала о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя. Въ V выпускѣ «Калѣкъ перехожихъ» находимъ 27 прозаическихъ и стихотворныхъ пересказовъ сна. Сонъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) описаніе самаго сна и объясненіе къ нему Спасителя и 2) заговорное значеніе сна, или объясненіе того, какая польза носить его на шеѣ въ ладонкѣ или хранить дома. Вторая часть входитъ въ разрядъ ложныхъ молитвъ. Величина составныхъ частей сна въ разныхъ пѣсняхъ различна.

Въ лѣтописцѣ Ерлича подъ 1660 г. записано два любопытныхъ апокрифическихъ памятника: Сонъ Богородицы и Листъ Іисуса, съ разными нравственными наставленіями, посланный будто бы съ неба папѣ Льву и найденный въ британской землѣ, на Оливной горѣ [1]). Оба памятника встрѣчаются и въ настоящее время иногда вмѣстѣ, но большею частью отдѣльно, какъ два разныя апокрифа, сонъ Богородицы и эпистолія о недѣлѣ. У Ерлича говорится: «Zasnęła była przenajświętsza Panna Bogarodzica w Brytanii na górze Oliwnéj i przyszedł do nej Pan Crystus Jezus syn onéj najmiliszy i mówi: Matka moja najmilsza, spisz li albo li słyszysz? I mówi: spałam, alem się ocznęła i snił mi się dziwny sen o Tobie: widzjałam cię w ogrojcu pojmanego i związanego przed Annasza, Kaifasza, Piłata, Heroda przywedzionego, u słupa prziwązanego, z twej świętej głowy krew strumieniami płynęła, a twoje przenajświętsze ciało, jak skorupa się padało». Далѣе, Спаситель въ короткихъ словахъ объясняетъ, что кто будетъ носить этотъ листъ (подразумѣвается списокъ сна) съ собою, тотъ получитъ вѣчное спасеніе. Въ концѣ апокрифа находится помѣтка пе-

---

[1]) *Пыпинъ*, Памятн. стар. рус. лит., т. III, стр. 128.

реписчика апокрифа: **Pisano ten sen albo list pod rokiem 1546, miesiąca Augusta 25 dnia**. Весьма близкій, мѣстами тождественный пересказъ этого сна напечатанъ въ «Малор. народ. преданіяхъ» Драгоманова стр. 167—168. Обѣ части апокрифа одинаково кратки. Въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ И. И. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу, находится пространная пѣсня о снѣ пр. Богородицы. Мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ, какъ любопытную относительно содержанія и внѣшней формы.

Ой сонъ Богородыци явився!
Сила мати, Марія пресвятая.
Та вечерятй—мало припочивала.
Ой много мени во сни сновъ явилося:
Ой якъ я тебе, чадо мое, родила,
А во гради Вихліеми,
На святій гори, у вертепи,
Пеленами я тебе спеленала,
И въ поясъ твій ликъ завивала.
А во гради Іерусалыми—
На святій на ричци, на Ордани,
Выростало тамъ древо кипариснене,
На томъ древи на кипарыси
Пречуденъ той хрестъ самъ явився.
Прорикся Христосъ, царъ небесный.
Сьвитъ Мати, Марія пресвятая!
Я и самъ той сонъ знаю,
Шо буть мени на хрести роспьяту,
А вбитому, скровавленному,
Винець на главу возложенному,
Тростію по глави біенному,
А въ ребра копіемъ пробитому,
А мою святу кровъ пролитую.
И рече Марія ко Иісусу:
Сьвитъ мій, чадо возлюбленнее!
На кого ты мене, Диву, покидаешъ,
Кому пресвятую уручаешъ?
И рече Иісусъ Христосъ ко Маріи:

Сьвитъ Мати, Марія пресвятая!
Я одинъ въ тебе, Диво,
Споручаю на святого Ивана Богослова,
А на друга на Христова,
Нарикаю ёго, Мати, сыномъ.
Сожди-жъ, Мати, малое времья,
Якъ съ хреста мое тило здіймуть,
Я во плащаныцю облечуся,
И въ гробныцю положуся,
И погребенъ за всихъ буду,
Въ той часъ, моя Мати, животъ вічный
Дамъ я вирнымъ для спасения,
А безвирнымъ вичнюю муку.
А во третій день воскресну,
И на небеса вознесуся,
И на земли зновъ явлюся,
Живыхъ мертвыхъ судити.
А якъ прійде на Тебе смертна година
Погребу твои мощи со святыми,
Во славному гради въ Іерусалыми,
Въ святій Божій церкви за престоломъ.
А погребши къ мощамъ преклонюся,
Преклонившись роспрощуся.
Скоро зъ мертвыхъ тебе воскрешаю,
Самъ же твою душу пріймаю,
Посажу тебе для вичного покою
Въ небесному царстви съ собою,
Де анголивъ лики ликують,
Трепещуть небесныя силы,
Съ трепетомъ стоять предъ престоломъ.
Сьвитъ Мати, Марія пресвятая!
Напишу я ликъ твій на икони,
Поставлю ёго на Божому престоли,
Тебе Мати будуть величати,
Во Христи Бога прославляти.
Хто сей сонъ, Мати, перейме,
Избавленъ буде отъ вичнои муки.

Хто сей стихъ Божій перепомне,
Достоинъ небеснаго царствія.
На стихи поюще: Аллилуя,
Слава тоби Христе Боже нашъ! [1]).

18.

Общеніе Іисуса Христа съ народомъ.

Въ романѣ Ѳ. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ превосходной главѣ «Великій инквизиторъ», Спаситель является среди бѣдствующаго народа въ Испаніи, въ самое страшное время инквизиціи, и народъ стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Спаситель молча проходитъ среди народной толпы съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ; лучи свѣта, знанія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ людямъ руки, благословляетъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Эта прекрасная страница въ романѣ Достоевскаго не стоитъ одиноко въ исторіи литературы. Сходные разсказы встрѣчаются у разныхъ народовъ: великоруссовъ, малоруссовъ, поляковъ, въ деревенской глуши, среди крестьянъ. Поэтическіе разсказы о томъ, какъ Христосъ ходилъ по землѣ, входилъ въ общеніе съ простымъ народомъ, облегчалъ его физическія и духовныя боли, варьируются у разныхъ народовъ согласно съ степенью ихъ нравственнаго развитія, повсемѣстно удовлетворяя идеальнымъ стремленіямъ народа къ добру и правдѣ.

Разсказы о хожденіи Спасителя по землѣ и общеніи съ народомъ тѣсно связаны съ апокрифическими обходами апостольскими. Почти всегда спутникомъ Спасителя является ап. Петръ, иногда Богородица, иногда св. Николай. Въ настоящее время мы будемъ говорить лишь о хожденіи Іисуса Христа, отдѣльно отъ ап. Петра и св. Николая.

Христосъ большею частью принимаетъ на себя видъ нищаго старика, ходитъ по деревнямъ и испытываетъ людей. Онъ терпѣливо сноситъ ошибки и грубыя выходки людей и своими чудесами направляетъ ихъ на путь истинный. Въ одной великорусской легендѣ Христосъ обратилъ богатаго и немилостиваго мужика въ коня

---

[1]) Этотъ духовный стихъ записанъ въ Люботинѣ, валковскагоуѣзда.

и отдалъ доброму бѣдняку. «Огношенія бѣдныхъ и богатыхъ составляютъ очень обыкновенный мотивъ подобныхъ легендъ; это обстоятельство прежде всего бываетъ на виду у простолюдина и легенда утѣшаетъ его тѣмъ, что добрый бѣднякъ въ заключеніе всегда бываетъ вознагражденъ» [1]). Спаситель иногда будто ошибается въ раздачѣ земныхъ благъ, посылаетъ сокровища богачу, прибавляетъ новыя нужды неимущему, но въ концѣ концовъ открываетъ сомнѣвающимся въ Его правосудіи, насколько кратковременны и призрачны были земныя блага злаго сравнительно съ той наградой, которую добрый бѣднякъ получаетъ впослѣдствіи на землѣ, при жизни, и на небѣ, послѣ смерти. Г. Пыпинъ указалъ на преобладающую въ легендахъ мысль, что выступающія въ нихъ со стороны Бога или ангела несправедливости оказываются потомъ необходимыми по разсчетамъ высшей справедливости. Такой мотивъ встрѣчается въ легендахъ великорусскихъ (Сборн. Аѳанасьева 1860 г.), малорусскихъ (у Драг., стр. 110—119), польскихъ (особенно выдается легенда въ «Lud-ѣ» Кольберга, т. VIII, стр. 92), Римскихъ Дѣяніяхъ.

Насколько близко Спаситель стоитъ къ народу въ легендахъ, можно видѣть въ слѣдующемъ эпизодѣ одного малорусскаго разсказа объ адскихъ мукахъ и райскомъ блаженствѣ. Одинъ добрый мужикъ ежедневно давалъ бѣднымъ милостыню. Въ Свѣтлый праздникъ онъ вышелъ на большую дорогу, чтобы пригласить какого-нибудь прохожаго бѣдняка разговѣться. «Тилько що выйшовъ винъ на шляхъ, ажъ иде чоловикъ въ биленькій свытци, въ чоботяхъ, въ шапочци и зъ палычкою. А це бувъ самъ Спасытель, Христосъ воскресшій. «Куды ты йдешь, Божій чоловиче?»—«Та йду, чи не покличе хто мене розгивляться», каже Спасытель.—«А я того и шукаю», сказавъ Васыль... Отъ вони пришли до дому, да и сили за стилъ розгивляться... Розговившись, Спасытель и каже Василеви: «отъ я у тебе, брате, розговився, такъ пріиди жъ и ты до мене въ гости; я тоби оддякую за хлибъ, за силь» [2]).

Съ апокрифомъ о хожденіи Спасителя по землѣ связано много народныхъ разсказовъ разнообразнаго содержанія, напр., разсказъ о происхожденіи свиньи изъ жидовки (Чуб. т. I, стр. 49; Драг. 4)

---

[1]) *Пыпинъ,* Рус. народ. легенды, стр. 84.

[2]) *Филологич. Записки* 1870 г., т. IV, стр. 2.

разсказъ о происхожденіи медвѣдя изъ мельника, надѣвшаго кожухъ мѣхомъ наверхъ, съ цѣлью испугать проходившаго черезъ гать Спасителя (Чуб. I, 50; Драг. 5), разсказъ о хлѣбномъ колосѣ, который при Спасителѣ шелъ отъ самой земли (Драг. 14), разсказъ о томъ, какъ Богъ научилъ жену мужика прясть (Драг. 125), разсказъ о птицѣ кони (milvus), о происхожденіе скоекъ (рѣчныя молюски) (Драг. 386) и мн. др. Въ разсказѣ «Спасъ и оводы» (Др. 129) выступаетъ олицетвореніе праздника Преображенія Господня, по народной пословицѣ, «прійде Спасъ,—держи рукавички про запасъ».

Въ древнихъ рукописныхъ индексахъ апокрифическихъ книгъ встрѣчается уже указаніе на апокрифическое сказаніе о томъ, «что Христосъ плугомъ оралъ». Сказаніе это, повидимому, возникло въ древнее время въ Болгаріи и принадлежитъ къ числу «болгарскихъ басенъ». Оно извѣстно было не только русскимъ, но также сербамъ и хорватамъ. Ягичъ нашелъ этотъ апокрифъ въ сербо-хорватской письменности и напечаталъ его въ Archiv za pov. jugosl. 1868 г. по кирилловской рукописи 1520 г. Въ южную Русь сказаніе это, нужно думать, проникло въ глубокой древности; оно вошло въ народную поэзію, въ пѣсни наиболѣе древнія, именно, колядки и щедривки и выразилось здѣсь въ формѣ вполнѣ народной. Такъ, въ галицко-русской колядкѣ:

Эй въ полѣ, въ полѣ, въ чистейкомъ полѣ,
Тамъ же мій золотый плужокъ,
А за тымъ плужкомъ ходитъ самъ Господь,
Ему поганяетъ та святый Петро,
Матинка Божа насѣнѣчко носитъ,
Насѣнья носитъ, Пана Бога проситъ:
«Зароди, Божейку, яру пшеничейку,
Яру пшеничейку и ярейке житце!»

Этотъ мотивъ повторяется въ нѣкоторыхъ заклинаніяхъ (Чуб. т. I, стр. 85) и во многихъ колядкахъ (Голов. т. II, стр. 8, 14, 15, 16, 17) съ незначительными измѣненіями. Нѣтъ надобности предполагать въ основаніи этого пѣсеннаго мотива первоначальный образъ языческаго божества, покровителя земледѣлія. Колядки такого содержанія могли возникнуть исключительно на почвѣ апокрифа о

хожденіи Спасителя по землѣ и Его участіи въ земледѣльческихъ работахъ.

Тотъ же самый мотивъ повторяется въ одной галицкой царинной пѣснѣ. Парубки и дѣвушки, поднимаясь во время праздничной игры на гору, поютъ:

Эй, горе, горе, самъ тя Богъ оре;
Божа Матинка насиння носыть (Гол. т. II, стр. 245).

Божія Матерь при этомъ проситъ Іисуса Христа, чтобы уродились пшеница, виноградъ и ладанъ; пшеница на просфоры, вино для причащенія, ладонъ для кажденія.

Спаситель освящаетъ поле своимъ трудомъ, а жилище крестьянина своимъ личнымъ посѣщеніемъ, причемъ домохозяинъ угощаетъ Іисуса и святыхъ его спутниковъ, чѣмъ Богъ послалъ. Такъ, въ одной колядкѣ домохозяинъ

Посадивъ Бога посередъ стола,
Святу Пречисту при другимъ столи,
Усихъ святыхъ навколо неи;
Прыймае Бога зеленымъ виномъ,
Святу Пречисту солодкимъ медомъ,
Усихъ святыхъ шумновъ горѣлковъ.
(Голов. т. II, стр. 31).

19.

Объ іерействѣ Іисуса Христа.

Въ древней болгарской, сербо-хорватской и русской письменности были распространены апокрифы объ іерействѣ Іисуса Христа, или, какъ выражаются индексы отреченныхъ книгъ, о томъ, какъ Христа въ попы ставили. Во II т. «Памятниковъ отреченной литературы» Тихонравова приведено двѣ редакціи этого апокрифа, одна полная изъ сербской рукописи XV в., другая краткая изъ «Іерусалимскаго Путника», написаннаго въ 1590 г. Даніиломъ, архимандритомъ Корсунскаго монастыря въ Бѣлой Россіи, по списку 1747 г., принадлежащему Троицко-Сергіевской лаврѣ. Содержаніе апокрифовъ объ іерействѣ Іисуса Христа въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ. У евреевъ въ большіе праздники должны были служить въ храмѣ сорокъ священниковъ, и священная служба

не могла состояться, если не хватало одного священника. Случилось такъ, что одинъ священникъ умеръ, и остальные 39 были въ большомъ затрудненіи, кого выбрать на его мѣсто. Нѣкоторые священники предложили Іисуса. Старшій изъ нихъ призвалъ пр. Дѣву Марію и сталъ Ее расправшивать, откуда Іисусъ родомъ и кто его отецъ. Божія Матерь сказала о благой вѣсти арх. Гавріила и послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ евангельской исторіи. Іисусъ былъ поставленъ священникомъ. Когда Онъ шелъ во Святыя Святыхъ, на пути Его растилали ковры и дорогія ткани. Іисусъ отслужилъ 40 службъ въ Святая Святыхъ. Священники возненавидѣли Спасителя за Его добродѣтель и святость и отпустили Его.

Въ малорусской народной словесности находятся ясныя свидѣтельства, что апокрифы объ іерействѣ Іисуса Христа въ старину были извѣстны въ Малороссіи; но свидѣтельства эти такого рода, что не уясняютъ южнорусской литературной исторіи апокрифовъ объ іерействѣ Спасителя, другими словами, не уясняютъ, когда и какимъ образомъ, черезъ какія литературныя ступени апокрифъ перешелъ въ народные разсказы и стихи. Сравненіе народныхъ пѣсенъ объ іерействѣ Христа съ славянскимъ апокрифомъ представляетъ тотъ интересъ, что выясняетъ пріемы народнаго пѣсеннаго творчества, и опредѣляется при этомъ матеріалъ, изъ котораго составлены пѣсни данной категоріи. Точное опредѣленіе мотивовъ народныхъ и иноземныхъ, оригинальныхъ и заимствованныхъ представляется однако весьма затруднительнымъ, по причинѣ тѣснаго соединенія разнородныхъ поэтическихъ элементовъ, и то, что намъ представляется пріемомъ народно-поэтической переработки, можетъ быть результатомъ внѣшняго перенесенія сходнаго эпизода изъ одной пѣсни въ другую, и, наоборотъ, кажущееся намъ чуждымъ, инороднымъ, можетъ представлять своеобразную народную переработку мотива, хотя и литературнаго, но вполнѣ отрѣшившагося и далекаго отъ своего первоисточника. Какъ бы то ни было, не подлежитъ спору, что апокрифы объ іерействѣ Христа усвоены народной мыслью и переработаны самостоятельно въ пѣсняхъ.

Прозаическимъ осколкомъ древняго апокрифа объ іерействѣ Христа представляется одинъ эпизодъ въ разсказѣ о хожденіи Христа и св. Петра по землѣ. Одинъ добрый и честный парубокъ шелъ на вечерницы и увидѣлъ въ недостроенной хатѣ свѣтъ отъ

свѣчки. «Дай, каже, заляжу. Полизъ та и лигъ на пичъ. Ажъ приходе два священники въ золотыхъ ризахъ, запалили свичечку, доэтали проскурку, закусують... А то були Господь та святый Петро.» (Драг. 123).

Болѣе крупные остатки апокрифа объ іерействѣ Іисуса сохранились въ пѣсняхъ, преимущественно галицкихъ колядкахъ. Такъ, въ одной колядкѣ Богоматерь спрашиваетъ колядовщиковъ, не видали ли они Христа; колядовщики отвѣчаютъ:

Ой мы жь бачили та въ манастыри,
Та въ манастыри, коло престола;
Служитъ службоньку все соборную,
Все соборную, заздоровную,
Та за здоровье усего міру.
На немъ ризочки все гатласовіи;
На немъ патрафиль срибный, шовковый,
А нарукавники гаптованіи;
На немъ поясокъ жовтая свѣча,
На немъ шапочка соболевая;
На немъ корона щирозлатая.

(Голов., т. II. стр. 24).

Въ другой галицкой колядкѣ:

Ой Римъ—Собота, гора высока,
А на той горѣ церковця стоитъ,
А въ той церковци золотый престолъ,
За тымъ престоломъ самъ милый Господь,
Самъ милый Господь книжейку читавъ,
Книжейку читавъ, постойку глядавъ.
Эй а якого?.. та Петрового;
Кто жъ ми го спостыть та й по щирости,
А буде тому рай отвореный,
Рай отвореный, пекло замкнено.

(Гол., т. III, стр. 242).

Трудно было ожидать, чтобы въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ объ іерействѣ Спасителя удержались мелкія подробности апокрифа, когда Спаситель поступилъ въ число священниковъ,

сколько службъ отслужилъ и т. п. Для народа достаточно было одного апокрифическаго факта, что Спаситель былъ одно время іереемъ, и на основаніи этого факта возникаютъ подробности о священнической одеждѣ Спасителя, о золотомъ престолѣ, о соборномъ служеніи «за здоровье усёго міру».

20—21.

О страданіяхъ Господнихъ и крестномъ древѣ.

Евангельское повѣствованіе о страданіи и крестной смерти Спасителя всегда производило глубокое впечатлѣніе какъ на отдѣльныхъ лицъ, такъ и на массы народныя; по силѣ вліянія на мысль и воображеніе христіанскихъ народовъ съ этимъ повѣствованіемъ можно сравнить только евангельское сказаніе о страшномъ судѣ. Извѣстно, напримѣръ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на франкскаго короля Хлодвика разсказъ проповѣдника о страстяхъ Господнихъ. Малороссіяне выразили въ духовныхъ стихахъ сожалѣніе, что Христосъ «съедналъ себѣ слугу невѣрнаго, Юду проклятаго» (Гол., т. II, стр. 735). Галицко-русскій духовный стихъ вѣрно передаетъ главныя событія послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа. Выраженіе горя Божіей Матери въ стихѣ отличается поэтической силой, выразительностью, задушевностью (Гол., т. II, стр. 736). Заслуживаетъ вниманія та черта въ галицко-русскихъ духовныхъ стихахъ о страданіяхъ Господнихъ, что Спаситель поручаетъ свою Мать заботливости св. ап. Петра и говоритъ ему: «Будешь пребывати въ небѣ вразъ со мною!» Къ всеобщему въ христіанскомъ мірѣ почитанію ап. Петра здѣсь, повидимому, присоединилось римско католическое ученіе о главенствѣ св. ап. Петра надъ другими апостолами. Въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ:

Жидове Христа мучили,
На распятію гей роспинали,
Клюковъ за ребра гей розбивали.
Терновый вѣнецъ на голову клали.
Глагови шпильки за ногти били.

(Гол., т. II, стр. 23).

Эти подробности пытки Спасителя встрѣчаются не только въ пѣсняхъ, но и заговорахъ; напр., въ шептаніи отъ сглазу: «стали жиды Христа роспинати, въ руки и ноги гвозди забивати. Изъ Нёго текла кровь, якъ быстра рѣка» («Кіев. Стар.», 1885 г., т. XII, стр. 736). Въ другомъ заговорѣ находимъ очень любопытную мѣстную черту: «Христа до ратуши приведено; стали Его вязати и въ стовпа мордовати» (Ефим., Малорос. заклин., т. II).

Нѣкоторыя подробности въ описаніи мученій Спасителя, напримѣръ, забиваніе деревянныхъ спицъ подъ ногти и захватываніе ребра крюкомъ, могли возникнутъ въ древнее время подъ вліяніемъ часто наблюдавшихся пытокъ въ мѣстныхъ судахъ, а также разсказовъ о пыткахъ и казняхъ въ сосѣднихъ съ Малоросіей странахъ, Турціи и Московскомъ государствѣ. Извѣстно, что въ Константинополѣ сбрасывали преступниковъ съ башни на крюки, вдѣланные въ стѣны, у морскаго залива. Такимъ образомъ былъ казненъ Димитрій Вишневецкій во второй половинѣ XVI ст., и этотъ случай выразился въ народныхъ пѣсняхъ о Байдѣ («за ливе ребро гакомъ возьмите»; «на гакъ ребромъ зачепите»). Что касается до забиванія деревянныхъ гвоздей подъ ногти, то эта форма пытки была въ ходу въ Московскомъ государствѣ, отъ чего произошло названіе «подногогная» истина, т. е. выбитая посредствомъ такой пытки.

Апокрифы о крестномъ древѣ примыкаютъ къ апокрифамъ объ Адамѣ, какъ въ рукописяхъ, такъ и въ народныхъ разсказахъ. Апокрифы эти изданы г. Тихонравовымъ въ 1 т. «Памятниковъ отреч. литер». по двумъ спискамъ XV—XVI в. в., г. Порфирьевымъ въ Апокр. сказ. по Солов. рукописямъ и г. Пыпинымъ въ 3 т. «Памят. стар. рус. литер. Академикъ А. Н. Веселовскій въ 32 т. «Сборника отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ» помѣстилъ обширное спеціальное изслѣдованіе апокрифовъ о крестномъ древѣ, въ связи съ западными легендами о древѣ креста. Славянскія крестныя сказанія распадаются на двѣ группы; исторія трехъ крестныхъ древъ, являющаяся въ рукописяхъ съ именемъ Григорія Богослова или Григорія Двоеслова, и разсказъ объ одномъ крестномъ деревѣ, отмѣченный именемъ Северіана Габальскаго, причемъ имена Григорія Богослова и Северіана Габальскаго подставныя, такъ какъ между сочиненіями указанныхъ отцовъ церкви не находится ничего соотвѣтственнаго (Весел. XXXII, 369; 48—49). Сказанія эти передаютъ

исторію деревъ, на которыхъ распяты были Спаситель и разбойники. Нѣкоторыя редакціи Сказанія о крестномъ древѣ подверглись вліянію богумильства и приписываются пресвитеру Іереміи (Порф. 48). Въ ряду другихъ «болгарскихъ басенъ», и сказаніе о крестныхъ деревьяхъ проникло въ южную Россію и вошло въ народную словесность. Въ народномъ разсказѣ о смерти Адама и треблаженномъ древѣ говорится, что Адамъ во время болѣзни послалъ своего сына въ рай за золотымъ яблокомъ; но сынъ принесъ вмѣсто яблока тотъ прутъ, которымъ гнали Адама изъ рая. Адамъ сдѣлалъ изъ этого прута три вѣнка на голову; онъ былъ похороненъ съ этими вѣнками, и изъ нихъ выросло три дерева, кипарисъ, кедръ и треблаженное древо. Божія Матерь однажды споткнулась о треблаженное дерево и сказала: «О, треблаженное дерево, на тебѣ будетъ распятъ мой Сынъ», а Спаситель сказалъ при этомъ: «правда». «И справди, добавляетъ разсказъ, скилько посли хрестивъ не пидбирали, на жаднимъ не могли Его розипьяти, а тилько на еднимъ треблаженнимъ древи, котре ще тогди, якъ росло, мало выглядъ хреста» (Драг. 94). Тутъ все апокрифично; апокрифично даже выраженіе «треблаженное древо». Въ апокрифическомъ сказаніи о крестномъ древѣ, напечатанномъ г. Порфирьевымъ по соловецкой рукописи XVII в. и повидимому возникшемъ первоначально среди балгарскихъ богомиловъ, говорится, что треблаженное дерево было сначала взято Соломономъ на построеніе іерусалимскаго храма. «Слышавъ же царица Сивилла о древѣ, пріиде видѣти его, сѣде на древѣ, попали же ея огнь; тогда Сивилла рече: о, древо проклятое! и вси людие воспѣста: о треблаженное древо, на немъ же распятця Господь» (Порф. 98).

Апокрифическое сказаніе о трехъ крестныхъ древахъ какъ нельзя болѣе пришлось по вкусу народа, такъ какъ отвѣчало исконному народному пріему троенія мысли и предметовъ въ поэзіи. Въ силу этой наклонности народа въ пѣсняхъ появляется не только три креста, но и три гроба. Исходнымъ пунктомъ для послѣдняго мотива, повидимому, послужило сближеніе крестныхъ деревьевъ съ надмогильными крестами и основанное на бытовой жизни соображеніе, что надъ каждой могилой или гробомъ долженъ быть крестъ. Народная мысль работала самостоятельно и сильно на скудной почвѣ немногихъ апокрифическихъ фактовъ, и потому нѣтъ ничего

удивительнаго въ своеобразной народно-поэтической обрисовкѣ трехъ крестовъ и трехъ гробовъ. Такъ, въ одной галицко-русской пѣснѣ, въ сборникѣ г. Головацкаго какими-то судьбами очутившейся въ отдѣлѣ «думъ господарскихъ и скотарскихъ» (т. I, стр. 233), вдова встрѣчаетъ трехъ жиденковъ и упрекаетъ ихъ въ томъ, что они Христа мучили. Потомъ она находитъ дерево (т. е. крестное), подъ которымъ три креста, а подъ тѣми крестами три гроба. Таковъ основной мотивъ колядки. Далѣе слѣдуетъ народное поэтическое толкованіе и расширеніе его, въ силу этого толкованія. Въ одномъ гробѣ лежитъ Сынъ Божій, въ другомъ Богоматерь, въ третьемъ св. Іоаннъ. Передъ св. Іоанномъ играютъ органы, передъ Богоматерью цвѣтетъ рожа, а передъ Христомъ пылаютъ свѣчи. Въ малорусскихъ колядкахъ органовъ нѣтъ, а въ галицкія они попали какъ обычный предметъ въ католическомъ богослуженіи, рожа вошла въ духовные стихи, какъ такой цвѣтокъ, съ которымъ обыкновенно сравнивается Богоматерь, а свѣчи—какъ обычная жертва Богу. Въ другой галицко-русской колядкѣ (Голов., т. II, стр. 6), вмѣсто трехъ жиденковъ является одно «дѣвча жидовчя» и говорится объ одномъ «золотомъ» крестѣ, подъ которымъ стоитъ Христосъ въ кровавой сорочкѣ. Это развитіе пѣсни на тему, какъ жиды Христа мучили, безъ эпическаго троенія лицъ и предметовъ. Мотивъ о трехъ гробахъ встрѣчается въ западно-славянской поэзіи. Такъ, въ одной моравской пѣснѣ на бѣломъ камнѣ стоитъ монастырь, а въ монастырѣ находится три гроба; въ одномъ гробу лежитъ Богъ (Sam pan Buh leži), въ другомъ Богородица, въ третьемъ св. Іоаннъ. Надъ Богомъ поютъ ангелы, надъ Богородицей горятъ свѣчи, а надъ св. Іоанномъ цвѣтутъ розы. Изъ этихъ розъ вылетѣла птичка; то не птичка — то Сынъ Божій, Творецъ міра и людей [1]). Здѣсь можно подозрѣвать заимствованіе, и скорѣе заимствовали моравяне отъ галичанъ, чѣмъ галичане отъ западныхъ славянъ, такъ какъ въ галицко-русскихъ и малорусскихъ [2]) колядкахъ мотивъ этотъ сохранился въ лучшемъ видѣ. Здѣсь нѣтъ затемняющаго смыслъ пѣсни бѣлаго камня, и розы цвѣтутъ надъ Богоматерью, какъ и должно быть въ малорусской поэзіи при народно-поэтическомъ представленіи пр. Дѣвы Маріи

---

[1]) *Веселовскій*, Разыск., т. III, стр. 41.

[2]) Напримѣръ, у Чубинскаго, т. III, стр. 343—353.

вышемірнымъ и первозданнымъ существомъ изъ цвѣтовъ. Мотивъ о птицѣ-Спасителѣ также встрѣчается въ малорусскихъ колядкахъ. Лучшимъ, образцовымъ варіантомъ представляется варіантъ, записанный въ козелецк. у., у Чубинскаго т. III, стр. 353.

Ишла Марія на крутую гору;
Стрила Марія да три жидовины:
«Вы, жидове, Христа замучили?»
«Не мы, Маріе, то наши предки».

Эти строки встрѣчаются въ приложеніи къ другимъ духовнымъ колядкамъ; первыя двѣ — преимущественно въ началѣ колядокъ о томъ, какъ жиды Христа искали.

Ишла Марія на крутую *гору* [1]),
А на тій гори *церковка* стоить [2]),
А въ тій церковци три гроба стоить;
Въ первому гроби Сынъ Божій лежить,
Въ другомъ гроби Иванъ Хреститель,
Въ третьему гроби Дива Марія.
Надъ Исусомъ Христомъ ангели поють,
Надъ Иваномъ Хрестителемъ свичи палають,
Надъ Дивою Маріею рожа зацвила.
Изъ тыеи рожи та вылетивъ птахъ,
Да полетивъ птахъ да по пидъ небесами;
Вси небеса ростворилися;
Вси святыи уклонилися.
Не есть то птахъ, а есть то Сынъ Божій,
Есть то Сынъ Божій—Исусъ Христосъ.

Весьма сходныя по содержанію щедривки (у Чуб., т. III, стр. 447) записаны въ литинскомъ, острожскомъ и заславскомъ уѣздахъ.

Къ апокрифамъ о крестныхъ деревьяхъ тѣсно примыкають малорусскіе народные разсказы о покаяніи разбойника (Драг., стр. 131—132 и у Кулиша въ Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 309—311). А. Н. Веселовскій уже обратилъ вниманіе на этотъ отдѣлъ народныхъ сказаній (въ X ч. Розыск. въ области русск. духовнаго стиха) и

---

1) Въ моравской пѣсни *бѣлый камень*.

2) *Монастырь* по моравской пѣсни.

указалъ многочисленные сходные западно-европейскіе разсказы (32 т. Сборн. Акад. Наукъ, 379, примѣч.). Въ малорусскомъ разсказѣ разбойникъ убилъ 12 поповъ и сталъ раскаеваться въ своихъ грѣхахъ. Священникъ велѣлъ ему положить на огонь руки до локтей и ноги до колѣнъ, притомъ огонь былъ разведенъ изъ мелко порубленной яблони, росшей въ саду священника. Потомъ священникъ принесъ мѣдное ведро и приказалъ разбойнику 12 лѣтъ носить воду и поливать спаленную яблоню до тѣхъ поръ, пока она снова выростетъ и дастъ плоды. Разбойникъ 12 лѣтъ исполнялъ это приказаніе, и черезъ 12 лѣтъ у него снова выросли руки и ноги: тогда же выросла и дала плоды яблоня. Далѣе слѣдуютъ подробности, не идущія къ дѣлу, о томъ, какъ разбойникъ покаяніемъ покрылъ грѣхи отца и матери. Въ апокрифѣ о крестныхъ древахъ (въ 1 т. Памят. Тихонравова стр. 305) находится слѣдующее мѣсто, послужившее источникомъ для малорусскихъ сказаній о покаяніи разбойника и сходныхъ съ ними сказаній русскихъ и западно-европейскихъ: «Древо разбойниче, на немже распятся разбойникъ вѣрный. Тоже древо израсте изъ главень пречюдно и красно зѣло, еже принесе три главнѣ. Лотъ, егда согрѣши, пріиде ко Аврааму на покаяніе. Авраамъ же посла его взяти огонь въ Нилой рѣцѣ, того же огонь звѣріе стрѣгоуть; егда же пріиде Лотъ, обрѣте звѣріе спящи и взя три главнѣ и принесе ко Аврааму. Авраамъ же повелѣ ему посадити главнѣ, да процвѣтуть и плодъ створятъ, рече ему: тогда будеши прощенъ. Лотъ же посади ихъ на горницѣ мѣстѣ, поливаше ихъ трижды на день и проростоша главня и взыде древо пречюдно и прекрасно зѣло».

22.

Плачъ пресвятой Богородицы.

Въ евангеліи отъ Іоанна (гл. XIX, ст. 25—27) говорится о стояніи пр. Богородицы при крестѣ Спасителя. Эта трогательная сцена вызвала апокрифическіе плачи пр. Богородицы, причемъ наибольшей извѣстностью пользовался канонъ Симеона Логоѳета, изображающій плачъ пр. Богородицы. Извѣстно, какъ широко и разносторонне разработанъ этотъ апокрифическій мотивъ въ западно-европейской религіозной живописи. Въ южнорусской иконописи подъ западными вліяніями возникли изображенія скорбящей Богоматери,

Mater dolorosa. Апокрифическіе мотивы плача пр. Богородицы проникли и въ малорусскіе духовные стихи, напримѣръ, въ пѣсню Остапа Вересая о мукахъ Христа [1]). Пѣсня эта довольно сухая, искусственная, схоластическая, и тѣмъ отчетливѣе выдѣляется по задушевности вставленный въ нее плачъ пр. Богородицы.

Матка Его жалослива
Стоитъ пидъ крестомъ смутлива,
И на Сына узирае,
Слезами лице умывае:
«Ой, сыну мій, прелюбезный,
Моему серцю есть болесный,
Терпишъ муки невынніи
Отъ жидовы невирнои;
Терпишъ муки, терпишъ раны
За вси вирни христіяне...

Этотъ мотивъ повторяется во многихъ пѣсняхъ, напримѣръ, у Чубинскаго т. III, стр. 16. Здѣсь горе пр. Богородицы выражено сильнѣе: «видъ жалю великого умливала».... Въ Плачѣ пр. Богородицы встрѣчаются отвлеченныя сравненія, проникшія въ народъ изъ богословскихъ трактатовъ и церковныхъ проповѣдей [2]), каковы напр. сравненіе Спасителя съ хлѣбнымъ зерномъ и названіе Его всемірнымъ храмомъ.

23.

Происхожденіе храма.

Встрѣчающіяся въ малорусскихъ духовныхъ стихахъ объясненія происхожденія перваго храма или церкви настолько различны, что трудно свести ихъ къ одному источнику. Они могли возникнуть изъ мотивовъ апокрифическихъ, религіозно-пѣсенныхъ и древнехристіанскихъ преданій объ апостольской Сіонской церкви. Опираясь исключительно на южнорусскіе духовные стихи, можно намѣтить три своеобразныхъ разряда пѣсенъ о происхожденіи перваго храма.

Первый разрядъ пѣсенъ о происхожденіи храма стоитъ въ связи съ апокрифами о крестномъ древѣ. Такъ въ колядкахъ поется, что Богородица

---

[1]) *Записки* юго-зап. отд. геогр. общ., т. I, стр. 28.

[2]) Для примѣра см. у Чуб., т. III, стр. 18.

Знайшла деревце,
Зъ того деревця стала церковця.

Въ другихъ пѣсняхъ:

На крутий гори
Кедрове древо,
А съ того древа
Хресты рубають,
Церкву будують (Весел., Розыск. т. IV, стр. 69).

Этотъ основной мотивъ осложнился разными бытовыми подробностями, напримѣръ указаніями, какіе плотники строятъ церковь, изъ какого матеріала:

Волоси церковь мурують,
Ой коло споду каминейчикомъ,
А въ рединѣ деревейчикомъ,
А къ виршечкови срибромъ, золотомъ.
(Гол. т. II, стр. 12).

Далѣе осложненіе пѣсни происходитъ вслѣдствіе приложенія къ ней формальнаго пріема троенія:

Костелъ муровавъ на восимь угольцивъ,
На восимь угольцивъ, на четверо дверци,
На четверо дверци, на три оконци,
На три оконци, на три вершечки:
Въ едно оконце зъ истока сонце,
Въ друге оконце зъ полудне сонце,
Въ трете оконце зъ захода сонце.
Въ едномъ вершечку органы граютъ;
Въ другимъ вершечку ладанъ ся куритъ;
Въ третьемъ вершечку службы ся служатъ.
(Гол. т. II, стр. 67).

Въ галицко-русской колядкѣ:

Топоры дзвенятъ, каминья тешутъ,
Каминья тешутъ, церковь мурують,
Церковь мурують во три двери,
Во три двери, во три облаки;
У едныхъ дверехъ иде самъ Господь,

У другихъ дверехъ Матинка Божа,
У третихъ дверехъ ей святый Петро...
(Гол. т. II, стр. 7).

Въ варіантѣ этой колядки церковь имѣетъ три верха, два окна и райскія двери (Гол. т. II, стр. 22).

На обрисовку церкви повліяли древнѣйшія религіозно-миѳическія представленія народа о небѣ. Въ церкви два окна:

Еднымъ оконцемъ сонечко сходыть,
Другимъ виконцемъ мѣсяцъ заходить.
(Гол. т. II, стр. 34).

Второй разрядъ пѣсенъ о происхожденіи храма имѣетъ теологическое основаніе. Церковь Христова, какъ общество вѣрующихъ, построена на крови и тѣлѣ Спасителя, на живомъ общеніи съ Нимъ въ таинствѣ Евхаристіи. Народная фантазія поняла церковь Христову какъ вещественный храмъ и примѣнила къ нему религіозно-пѣсенныя и отеческія замѣчанія о церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ. Отсюда произошла встрѣчающаяся въ галицко-русскихъ и малорусскихъ колядкахъ идея происхожденія храма отъ крови и разныхъ частей тѣла Спасителя. Такъ въ одной галицко-русской колядкѣ говорится, что послѣ крестной смерти Спасителя

Де кровця цяне—церковця стане,
Де плечи впали—престолы стали,
Де руки впали—тамъ свѣчи стали,
Де очи впали—тамъ книги стали,
Де личка впали—образы стали,
Де зубы впали—дзвононька стали,
Сами ся престолы позастилали;
Сами ся свѣчи позажигали,
Сами ся книги перечитали,
Сами ся образы помалевали,
Сами ся дзвоны передзвонили,
Сами ся службы переслужили (Гол. т. II, стр. 23).

Въ малорусскомъ варіантѣ, сравнительно съ галицкимъ короткимъ и слабымъ, «де слизки пали—престолы стали» (Чуб. т. III, стр. 358).

Третій разрядъ духовныхъ колядокъ о храмѣ могъ возникнуть подъ вліяніемъ апокрифовъ объ іерействѣ Христа, какъ дополнительная къ нимъ подробность. Храмъ, въ которомъ Христосъ былъ іереемъ, понятно, рисовался передъ воображеніемъ народа въ необыкновенныхъ формахъ, свѣтлымъ и просторнымъ. Въ этомъ храмѣ

Сами двери одчиняются,
Сами дзвоны радзвонилися,
Сами свичи запалилися,
Царскіи врата отворилися.
(Чуб. т. III, стр. 442).

Всѣ эти три разряда пѣсенъ о храмѣ смѣшиваются и раздѣлить ихъ довольно трудно. Иныя пѣсни начинаются съ описанія чудеснаго дерева, затѣмъ говорятъ о томъ, что на немъ распяли Христа и наконецъ повѣствуютъ о чудесной церкви, возникшей изъ пролившейся на землю крови Спасителя.

А. Н. Веселовскій, принимая во вниманіе великорусскіе духовные стихи о чудесномъ храмѣ на Сіонской горѣ [1]), высказываетъ

---

[1]) Наприм.: На горѣ, горѣ, на Сіонской горѣ
Стояла церковь апостольская:
Въ той во церкви три гроба стоятъ,
Три гроба стоятъ кипарисные:
Въ первомъ гробѣ Святая Дѣва.
Въ другомъ гробѣ Іоаннъ Богословъ,
Въ третьемъ гробѣ самъ Іисусъ Христосъ.
Надъ Святою Дѣвою цвѣты разцвѣли,
На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія,
Поютъ пѣсни архангельскія:
Надъ Іоанномъ Богословомъ ангелы,
Надъ Іисусомъ Христомъ свѣчи теплятся.

Во святомъ во градѣ Іерусалимѣ
Стоитъ церковь соборная,
Соборная, богомольная;
Во святой церкви во соборныя
А стоитъ гробница бѣлокаменная,
Почиваютъ ризы самаго Христа.

Церковь эта—всѣмъ церквамъ. Въ другомъ стихѣ:

Отъ той церкви отъ соборныя,
Отъ соборныя, богомольныя,
Отъ ее службы всѣ служатся,
По усей землѣ, по всей вселенныя.

мнѣніе, что здѣсь обнаружилось вліяніе мѣстныхъ сіонскихъ преданій объ апостольской церкви на Сіонѣ, съ пріуроченными къ ней воспоминаніями о Тайной вечери, Успеніи Богородицы и объ ап. Іоаннѣ, причемъ подробность о трехъ гробахъ вошла въ духовные стихи подъ вліяніемъ фантастическихъ разсказовъ о церкви Гроба Господня въ Іерусалимѣ (Розыск. т. III, стр. 36). Великорусскіе духовные стихи объ апостольской церкви подходятъ въ подробностяхъ подъ это объясненіе, но малорусскіе не совсѣмъ. Нѣтъ въ нихъ намековъ на Сіонъ и апостоловъ. Мы уже говорили о возможной связи мотива о трехъ гробахъ съ апокрифическими сказаніями о трехъ крестныхъ древахъ. Имя Іоанна въ эти пѣсни, можетъ быть, попало изъ тѣхъ колядокъ, гдѣ говорится о главныхъ зимнихъ праздникахъ: Рождествѣ Христовѣ, св. Василія Великаго и Іоанна Крестителя.

24.

О нерукотворенномъ образѣ.

Къ числу изслѣдованій, которыми гордится нѣмецкая наука, принадлежитъ «Die Sage vom Ursprung der Christusbilder» (1842 г.) Вильгельма Гримма. Здѣсь подробно разсмотрѣно апокрифическое посланіе Авгаря ко Христу, заключающее въ себѣ сказаніе о нерукотворенномъ образѣ. Уже у Евсевія († 340) находится письмо Авгаря ко Іисусу Христу и отвѣтъ на него Спасителя въ переводѣ съ сирскаго языка. Царь Эдессы Авгарь, заболѣвъ, послалъ письмо къ Іисусу съ просьбой прійти въ Эдессу и исцѣлить его. Спаситель послалъ ап. Ѳаддея, который возложилъ руку на больнаго и исцѣлилъ его. У Евагрія († 593) находится посланіе Авгаря съ присоединеніемъ сказанія, что Іисусъ Христосъ послалъ Авгарю не рукотворенный, но богосозданный образъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происхожденіи образа находятся у Іоанна Дамаскина († около 760). Ни о болѣзни Авгаря, ни о письмѣ его ко Христу здѣсь не говорится. Авгарь, пылая любовью къ Господу, отправляетъ живописца, который долженъ былъ срисовать Его лице. Но живописецъ не могъ этого сдѣлать, по причинѣ сіянія, исходившаго отъ лица Христова. Тогда Господь приложилъ свой плащъ къ божественному, животворящему лицу и отображаетъ на немъ Свой образъ, который посылаетъ потомъ Авгарю. Константинъ Порфиро-

генетъ († 959) написалъ специальное сочиненіе объ образѣ въ Эдессѣ и торжественномъ перенесеніи его и письма Іисуса Христа въ Константинополь въ 944 г.

Оставляя въ сторонѣ многочисленная западно-европейскія сказанія о нерукотворенномъ образѣ, разсмотрѣнныя В. Гриммомъ, мы можемъ ограничиться сказаніемъ Іоанна Дамаскина, такъ какъ славянскіе апокрифы о посланіи Авгаря, повидимому, связаны съ сказаніемъ Іоанна Дамаскина о нерукотворенномъ образѣ. Посланіе Авгаря издано Н. С. Тихонравовымъ во II т. «Памятн. отреч. литер.» по рукописи XVI в. Здѣсь говорится, что эдесскій царь Авгарь послалъ живописца Луку въ Іерусалимъ снять портретъ съ Іисуса; но Лука не могъ этого сдѣлать. Тогда Спаситель возложилъ полотно Себѣ на лицо, и Его лицо напечатлѣлось на полотнѣ. Спаситель отправилъ въ Эдессу ап. Ѳаддея. Достигнувъ города Іерополиса, Ѳаддей и Лука побоялись войти въ него и остановились внѣ города. Огненный столбъ надъ нерукотворнымъ образомъ открылъ горожанамъ ихъ мѣстопребываніе. Горожане не застали на мѣстѣ Ѳаддея и Луку, которые передъ ихъ приходомъ отправились дальше въ дорогу, но нашли камень, на которомъ отъ лежавшаго убруса напечатлѣлся образъ Спасителя. Они внесли камень въ городъ. Въ Іерополисѣ отъ этого камня, а въ Эдессѣ отъ убруса съ нерукотвореннымъ образомъ Іисуса Христа произошло много чудесъ.

Въ Галиціи записана любопытная пѣсня о нерукотворномъ образѣ, принявшая въ себя между прочимъ пѣсню о чудесномъ (нерукотворномъ) храмѣ:

А тамъ доловъ при Выравѣ
Святый образъ малевали.
Лукачъ почалъ малевати;
Пришла къ нему Божа Мати:
Ляжъ, Лукачу, лягни спати,
Буду образъ малевати!»
Лемъ тваричку притулила
Доразъ образъ утворила.
«Встань, Лукачу, встань заспанный,
Ужъ ти образъ смалеваный!»
Четыре волы запрягали,
Святый образъ на визъ клали.

Якъ съ образомъ въ лѣсѣ были,
Тамъ ихъ сбойницы встрѣтили.
«Стій, фурмане, не ходь дали!
Мы твой образъ порубаме».
Фурманъ кричитъ: «не рубайте,
Стовпами ту поставайте!
Внетъ стовпами поставали,
Святый образъ не рубали,
А такъ они дали шли.
Ажъ и къ святой церкви пришли.
Дзвоны сами зазвонили,
Свѣчки сами ся зажжали.
Якъ до церкви образъ клали,
То ангели заспивали.
Богъ кличе: «Фурманъ, гори,
Понагляйся, подъ гевъ скори».
«Якъ я маю гори ити,
Маю жену, маю диты».
Ци ли хочешь корецъ грошей,
Ци хочешь райски роскоши?»
«Не хочу я корецъ грошей;
Волю я райски роскоши!»

(Гол., т. II, стр. 714, 95).

Характерная особенность галицкихъ пѣсенъ—мѣстное пріуроченіе. Въ данномъ случаѣ находится въ началѣ пѣсни прямое указаніе, гдѣ рисовали святый образъ. Выравой въ Галиціи называется одна горная вершина. Самое слово Вырава—румынское, отъ латинскаго verum, veruina—копье.

Сравнивая галицко-русскую пѣсню о нерукотворномъ образѣ съ Посланіемъ Авгаря, мы находимъ, что народная пѣсня воспользовалась только двумя мотивами апокрифа: сказаніемъ о живописцѣ Лукѣ и сказаніемъ о томъ, что Лука побоялся войти въ Іерополисъ; но затѣмъ сильно измѣнила эти сказанія, въ особенности второе. Вмѣсто жителей Іерополиса, которые не обнаружили враждебнаго отношенія къ ап. Ѳаддею, но которыхъ ап. Ѳаддей лишь остерегся, являются лѣсные разбойники —Въ апокрифѣ огненный столбъ стоитъ

надъ камнемъ съ ликомъ Спасителя; въ пѣснѣ фурманъ грозитъ разбойникамъ, что они обратятся въ столбы, и они дѣйствительно обращаются въ столбы.

Пѣсня остановилась на Богоматери и поставила Ее въ положеніе главнаго дѣйствующаго лица. Богородица «лемъ тваричку (т. е. лице) притулила, доразъ образъ утворила»; но не поясняется при этомъ, свое ли лице или лице своего Сына. Народная фантазія самостоятельно обработала апокрифическіе мотивы посланія Авгаря. Воспользовавшись немногими чуждыми апокрифами элементами, она снабдила ихъ чертами народнаго добродушія и юмора (Лукачъ заспаный) и чертами домашнаго быта (фурманъ, четыре вола, запряженные въ одинъ возъ).

25—27.

Обходы апостольскіе. Повѣсть о панагіи пресв. Богородицы. Сказанія объ Іудѣ предателѣ.

Въ одномъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ русской письменности, «Святославовомъ сборникѣ», уже упоминаются «Обиходи и ученія апостольская», апокрифъ, встрѣчающійся и въ греческомъ индексѣ отреченныхъ книгъ, приписываемомъ Анастасію Синаиту. Въ большей части русскихъ индексовъ находится объяснительная глосса къ заглавію «Обходи апостольскіе», служащая, между прочимъ, отдѣльнымъ заглавіемъ для одной редакціи апокрифа, по которой «пришедше (апостолы) ко граду, обрѣтоша человѣка, орюща волы и просиша хлѣба; онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взораша ниву и насѣяша, и пріиде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу.» Въ этихъ немногихъ словахъ выражается содержаніе апокрифическаго «Хожденія апостоловъ Петра, Андрея, Матѳея, Руѳа и Александра», напечатаннаго Н. С. Тихонравовымъ во II т. «Памятн. отреч. литературы по рукописи XVII вѣка».

Въ этомъ апокрифѣ есть провосходное сказаніе о томъ, какъ апостолы засѣяли крестьянскую ниву. Апостолы шли полемъ и почувствовали голодъ. Они увидѣли старика крестьянина, выѣхавшаго пахать ниву. «Приближишася ко старцу и рече Петръ къ нему: радуйся, дѣлателю добрый! И рече имъ старецъ: радуйтеся и вы, добріи странницы! И рече ему Петръ: имаши ли хлѣбъ, да даси намъ, яко алчни есмы? И глагола имъ старецъ: поблюдите вола моего и

нивы; азъ шедъ принесу вамъ хлѣбы изъ града. И рече Петръ: поиди, а мы поблюдемъ, да ходи скоро. И рече Петръ: а волы твои ли есть? И рече старецъ: наялъ есмь. Пошедъ же старецъ во градъ, и рече Андрѣй: нѣсть намъ лѣпо сѣдѣти; но потрудимся за старца. Петръ же воставъ и взятъ за рало, Андрѣй же за волы, и рече къ Петру: брате, что трудъ возлагаеши (на себя)? ты бо еси пастырь и отецъ всѣмъ намъ; то ли ты трудитися хощеши? И пріимъ Петръ пшеницу и благослови ю и сѣяше на селѣ старче. Руѳъ же и Александръ и Матѳѣй бѣша одесную воловъ хожаху, и благословиша и рѣша: приди роса небесная благая и вѣй вѣтръ добрый, и облакъ да обросить, и да придутъ и почіютъ на нивѣ сей. И абіе по словесѣхъ сихъ скоро сѣянная нива прозябе, и бысть исполнена классъ. И пришедъ старецъ съ хлѣбы, и видѣ ниву возрастшу, и положи хлѣбы скоро, паде къ ногамъ ихъ, и рече: владыки, бози вы есте! И рече ему Петръ: востани, человѣче, мы нѣсмь бози, но посланники есмы Божіи».

Это величественное и поэтическое сказаніе произвело сильное впечатлѣніе на мысль и воображеніе землевладѣльческаго народа русскаго и отразилось во многихъ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ, Въ малорусской щедривкѣ:

Въ чистимъ поли плужокъ оре,
А въ тимъ плужку чотыри волы половіи,
А въ нихъ роги золотіи.
Святый Петро за плугомъ ходить;
Святый Павло волы гонить.
Пресвятая Дива йсти носить,
Исти носить, Бога просить:
«Уроди, Боже, жито, пшеныцю,
Усяку пашницю».

(Чуб., т. III, стр. 450).

Въ галицко-русской колядкѣ:

По загуменью плуженько оре,
За плужкомъ ходить самъ Богъ небесный,
А святый Павло волоньки гонитъ,
А святый Петро волоньки водитъ.
А вышла и къ нимъ Божая Мати:

«Орить, сыночки, зъ дрибна нивочки.
Будемъ сіяти жито, пшеницю,
Жито, пшеницю, всяку сѣвбицю». (Гол. т. II, стр. 16).

Въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ о хожденіяхъ апостоловъ говорится большею частью, что апостолы сопутствуютъ Іисусу Христу. Господь ходитъ съ апостолами по землѣ, испытываетъ людей. награждаетъ людей добродѣтельныхъ и наказываетъ порочныхъ, иногда вступаетъ въ споръ съ ап. Петромъ о величинѣ неба и земли или о законахъ высшей справедливости, причемъ апостолы подвергаются на пути разнымъ житейскимъ непріятностямъ, голоду и жаждѣ.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ и пѣсняхъ выступаютъ только два верховныхъ апостола Петръ и Павелъ (напр. у Чубин. т. I, стр. 167). Изрѣдка встрѣчается выраженіе Петро-павло. Нельзя однако обосновать на немъ мнѣнія, что простой народъ отождествляетъ Петра и Павла и принимаетъ ихъ иногда за одно лице. Это формальное появленіе сокращенія или даже соединенія словъ, часто встрѣчающихся рядомъ, напримѣръ грунтъ-худоба (Ант. и Драг., Истор. пѣс. т. I, стр. 119), хлибъ-силь (118), звирь-птиця (117), часъ-година (139), степъ-долина (139).

На первыхъ страницахъ древней лѣтописи находится сказаніе о хожденіи ап. Андрея по русской землѣ, съ остановками на мѣстахъ, гдѣ возникли впослѣдствіи Кіевъ и Новгородъ. Сказаніе это настолько хорошо всѣмъ извѣстно, что здѣсь нѣтъ надобности его повторять. Достаточно сдѣлать ссылку на 1 т. «Исторіи русской церкви» проф. Е. Голубинскаго, гдѣ это сказаніе разсмотрѣно подробно, по кіевской редакціи въ древнѣйшей лѣтописи и по новгородской— въ Степенной книгѣ и въ житіи Михаила Саллоса, въ связи съ греческими сказаніями объ ап. Андреѣ. «Какъ въ вопросѣ о народныхъ преданіяхъ вообще, говоритъ г. Голубинскій, такъ и въ вопросѣ о нашей повѣсти нельзя рѣшить, есть ли она произведеніе творчества общенароднаго или частнаго, въ послѣднемъ случаѣ принадлежащее какому-нибуть досужему грамотнику. Вѣроятнѣе и желательнѣе думать, конечно, первое; но нисколько не невозможно и второе»[1]). Колебаніе въ сужденіи о народности легенды о св.

[1]) *Голубинскій*, Ист. рус. церкви, т. I, стр. 1.

Андреѣ излишне. Проф. Дашкевичъ категорически и, мы думаемъ, вполнѣ основательно замѣчаетъ, что легенда о путешествіи св. Андрея по Россіи «христіанская, книжнаго происхожденія» [1]). Существуетъ цѣлый циклъ славянскихъ народныхъ сказаній о хожденіи апостоловъ, сказаній великорусскихъ, малорусскихъ, польскихъ, сербскихъ; основной характеръ всѣхъ этихъ сказаній, главные ихъ мотивы и даже подробности повѣствовательныхъ мотивовъ сходны. Обходы апостольскіе большею частью относятся ко времени земной жизни Спасителя и совершаются подъ Его высшимъ руководствомъ. Правда, встрѣчаются сказанія о хожденіяхъ апостоловъ безъ участія Іисуса Христа; но при этомъ почти всегда апостолы ходятъ группой. Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ встрѣчаются обходы двухъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла; но эти разсказы очень малочисленны и анекдотическаго свойства. Затѣмъ апостолы входятъ въ самое тѣсное общеніе съ крестьянами, посѣщаютъ села, а не города, причемъ названія селъ не встрѣчаются, такъ какъ вся сила народнаго разсказа о хожденіяхъ апостоловъ коренится въ фактѣ ихъ гуманнаго сближенія съ міромъ— народомъ Божіимъ, въ ихъ заботливости о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи сѣрой крестьянской массы. Въ народныхъ сказаніяхъ о хожденіяхъ апостоловъ постоянно встрѣчаются противоположенія гордаго человѣка смиренному, богатаго бѣдному, скупаго и хищнаго доброму и благожелательному, тѣ же противоположенія дидактическаго свойства, которыя находятся въ сказкахъ о богатомъ и бѣдномъ и въ сказкахъ о трехъ братьяхъ; но нѣтъ въ нихъ противоположенія народа по мѣстнымъ этнографическимъ различіямъ, противоположенія, вышедшаго не изъ дидактизма или морализаціи, свойственной народной поэзіи, а изъ ироніи и насмѣшки, которыя, правда, встрѣчаются и въ народной поэзіи, но какъ нѣчто низменное, второстепенное, съ ограниченнымъ кругомъ дѣйствія и вліянія.

Въ житіяхъ ап. Андрея Епифанія (VIII в.) и Симеона Метафраста говорится о путешествіи ап. Андрея на сѣверномъ берегу Чернаго моря, о его пребываніи въ Херсонесѣ таврическомъ и проповѣдываніи евангелія среди скиѳовъ. Помимо всякаго тщесла-

---

[1]) *Дашкевичъ*, въ „Кіевск. Универс. Извѣстіяхъ" 1886 г., т. XI, стр. 222.

вія, на которое неоднократно указываетъ проф. Голубинскій, древній русскій книжникъ, скромный и благочестивый монахъ, составляя по греческимъ источникамъ повѣсть о св. Андреѣ, простодушно принялъ сѣверный берегъ Чернаго моря и Скиѳію за русскія земли искони, тѣмъ болѣе, что имѣлъ достаточный новодъ думать такимъ образомъ въ существованіи въ его время на черноморскому берегу въ Тмугоракани русскихъ поселеній. Достаточно было, что въ русскую письменность проникло извѣстіе о личномъ пребываніи ап. Андрея въ Россіи. Къ легендѣ объ ап. Андреѣ, первоначально, можетъ быть, очень простой и краткой, приросли разныя этнографическія и географическія подробности, вполнѣ или отчасти вошедшія въ древнѣйшую лѣтопись. Подробности эти могли выработаться среди дружинниковъ, людей бывалыхъ, много видѣвшихъ и много слышавшихъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными этнографическими различіями русскихъ славянъ. Можетъ быть, легенда о путешествіи ап. Андрея по Днѣпру и Волхову была совсѣмъ неизвѣстна простому народу за предѣлами Кіева, гдѣ популярности этой легенды содѣйствовала церковь крестовоздвиженская, нынѣ не существующая, а позднѣе столь живописно красующаяся на холмѣ церковь ап. Андрея Первозваннаго.

Особнякомъ стоитъ весьма мало извѣстный апокрифъ о панагіи святыя Богородицы, найденный Калужняцкимъ въ одномъ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря во Львовѣ. Въ этой повѣсти говорится о враждѣ апостоловъ къ Ѳомѣ и о благодати, оказанной ему пресв. Богородицей и состоявшей въ томъ, что пресв. Богородица подарила ему свою зѣнницу въ знакъ своего съ нимъ на небѣ срѣтѣнія [1]).

Въ различныхъ памятникахъ малорусской народной словесности находятся краткія замѣтки объ Іудѣ предателѣ, замѣтки апокрифическаго свойства, дающія поводъ предполагать, что въ старинной южнорусской письменности было что-либо цѣльное въ этомъ отношеніи. Въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» текущаго года находится указаніе, что въ одной находящейся въ Смоленскѣ рукописной книгѣ конца прошлаго столѣтія есть апокрифъ о жизни Іуды предателя, начиная съ его дѣтства (стр. 537). Желательно

Калужняцкій, Обзоръ слав.-рус. памят., стр. 2

было бы этотъ апокрифъ въ печати, тѣмъ болѣе, что въ этомъ указаніи находится заманчивая подробность: «съ дѣтства». Въ малорусскихъ заговорахъ отъ закрутки: «якъ берестъ отъ огню корчится, такъ беззаконного Юду (або Юдиху), мѣсячного видьмача, щобъ корчило и ломало» (Ефим. 42, 43). Благодаря любезности П. В. Иванова, я получилъ изъ купянскаго уѣзда харьк. губ. слѣдующій любопытный народный разсказъ объ Іудѣ, связанный въ апокрифическимъ, подробно развитымъ въ евангеліи Никодима, сказаніемъ о сошествіи Христа во адъ.

«Сусь Христосъ всихъ вывивъ изъ пекла, тилько Юда-ябеда остався; винъ и тому ажъ трычи казавъ, щобъ выйшовъ изъ пекла, а Юда побоявся, щобъ святи отци его не вкоряли. Якъ за третимъ разомъ Юда не послухавъ Христа, такъ Господь сказавъ: «проклятый же ты, Юда-ябеда, отъ ныни и до вику! Тутъ же ты оставайся и перелогами питайся». Ото-жъ якъ личать одъ перелогивъ, то кажуть: Сусъ Христосъ за столомъ сыдыть, проскурку їда и виномъ запива, а лукавый Юда-ябеда пидъ столомъ лежить та перелоги зажира». (Слобода Преображенная).

П. В. Ивановъ записалъ также другой народный разсказъ о томъ, что Іуда отъ угрызенія совѣсти повѣсился на осинѣ. Указаніе на этотъ разсказъ находится въ одной фразѣ заговора «на вырване завытте», записаннаго Шишацкимъ Иличемъ въ черниг. губ.: «якъ на осицѣ Юда вѣшався» (Ефим., 42).

Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ объ Іудѣ обнаруживается стремленіе сблизить Іуду съ діаволомъ. Это стремленіе обнаруживается въ румынской народной поэзіи. Такъ въ румынской повѣсти о табакѣ главный демонъ Искаріотъ посылаетъ изъ ада на землю трехъ демоновъ, чтобы они всюду сѣяли тютюнъ (Веселовскій, въ XXXII т. Сборн. Ак. Н., стр. 88); въ румынской колядкѣ Іудой называется водяной царь (ib., 263); въ другой румынской колядкѣ Іуда пробирается въ рай и, пользуясь сномъ ап. Петра, крадетъ райскіе ключи, престолъ Господа, солнце, мѣсяцъ, утреннюю зарю, купель Сына, траву босилька и райскіе цвѣты, крестъ, муро, и все это приноситъ въ адъ. Илія взялъ молнію, разгромилъ Іуду, отнялъ у него добычу и привязалъ его цѣпями къ столбу (ib., 264). Названіе Іуды въ малорусскомъ заговорѣ «мисячнымъ видьмачомъ» показываетъ, что малоруссамъ извѣстно сказаніе о томъ, что Іуда

похитилъ было съ неба солнце и мѣсяцъ; нельзя однако опредѣлить, въ какомъ отношеніи находились румынское и малорусское сказанія, и если было заимствованіе, то кто у кого заимствовалъ.

28.

Притча о богатомъ и Лазарѣ.

Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ (отъ Луки, 16), вошла въ народныя пѣсни. Въ римско-католической церкви Лазарь получилъ значеніе покровителя нищихъ, въ особенности больныхъ нищихъ. Отсюда произошло названіе больницы лазаретомъ. У славянъ православнаго вѣроисповѣданія есть много духовныхъ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ, причемъ самое слово Лазарь иногда теряетъ значеніе собственнаго имени и обращается въ нарицательное названіе бѣднаго человѣка. Великорусскія пѣсни о богатомъ и Лазарѣ представляются болѣе уклонившимися отъ евангельскаго текста, болѣе своеобразными, чѣмъ малорусскія пѣсни этого рода. Во многихъ великорусскихъ духовныхъ стихахъ о богатомъ и Лазарѣ говорится, какъ о родныхъ братьяхъ, причемъ оба они называются Лазарями (напр. въ «Калѣкахъ перехожихъ» т. I, стр. 43, 44, 48, 49).

Было два братца, два Лазаря:
Одинъ братецъ—богатый Лазарь,
Другой братецъ—убогій Лазарь.

Малорусскіе духовные стихи о богатомъ и Лазарѣ очень близко стоятъ къ евангельскому тексту, настолько близко, что ихъ нельзя назвать стихами апокрифическими. Они представляютъ лишь осложненіе евангельскаго сказанія разными, не столько бытовыми, сколько моральными мотивами, и весьма сходны. Въ сочиненіи Н. И. Костомарова «Объ историческомъ значеніи русск. народ. поэзіи», изданномъ въ 1843 г. въ Харьковѣ, находится стихъ о богатомъ и Лазарѣ. Въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу, находится духовный стихъ о богатомъ и Лазарѣ, записанный И. И. Манжурой въ семидесятыхъ годахъ въ с. Люботинѣ валковскаго уѣзда. Сравнивая эти стихи, мы усматриваемъ большое сходство между

ними, доходящее мѣстами до тождества выраженій. Сравнивая далѣе эти малорусскіе стихи съ галицко-русскими духовными пѣснями о богатомъ и Лазарѣ, находящимися въ сборникахъ г. Головацкаго и г. Кольберга, мы видимъ столь же большое сходство мотивовъ и выраженій. Въ варіантѣ, записанномъ г. Кольбергомъ въ Покутьѣ (т. II, стр. 280), находятся лишь незначительныя дополненія при описаніи грѣховъ богатаго. Къ общимъ во всѣхъ варіантахъ чертамъ (богатый не ходилъ въ церковь, одѣвался въ дорогія одежды, не соблюдалъ постовъ) добавляются такія мелочи:

Пре мисця та Божимъ главы не склонявъ,
Молитвы божественны нигды не змавлявъ.

Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ получила большую популярность въ народѣ, между прочимъ потому, что вполнѣ удовлетворяла народнымъ понятіямъ о неправедномъ значеніи богатства, понятіямъ выразившимся въ сказкахъ о богатомъ и бѣдномъ и въ многихъ пословицахъ, въ родѣ: изъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ; срибло-золото тягне чоловика въ болото; богатый дрибно крае; богатый о биднимъ не гадае.

29.

Сказаніе царя Анфилога о святой литургіи.

Г. Калужняцній въ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря въ Львовѣ нашелъ любопытное апокрифическое «Сказаніе Анфилога, царя сарацинскаго, о святой литургіи и обращеніе его къ христіанской вѣрѣ, вмѣстѣ съ братомъ его, царемъ Кликанцомъ». Г. Калужняцкій напечаталъ этотъ апокрифъ въ «Обзорѣ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ» (стр. 26—28). Приводимъ въ подлинникѣ его начало.

«Бысть Анфилогъ отъ царскаго рода, дръжаще въ тѣ лѣта поганымъ срациномъ. И поихавшу же Анфилогу къ брату своему въ Іерусалимъ градъ и видѣ церковь. И вниде же Анфилогъ въ святилище Божіе не тъкмо самъ, но и велблуды веляше увести, велблуды же падше изъмроша въси. Анфилогъ же рече: хощу видѣти поганскую вѣру и службу ихъ. И въшедъ на полату, нача

смотрити опасно, идеже съвръшается святая служба. И видѣ попа приступающа къ святѣй трапезѣ. И просвѣтися лице его (т. е. попа), яко слънце, а ризы его яко огнь, когда приступи къ святому жрътовнику. И не показа Богъ поганому просфуры, но показа ему дѣтишь образъ свой. И множество ангелъ стояще окрестъ съ оружіемъ. И нача попъ заклати дѣтище, и абіе истече кровь и вода. По исконченіи же того, егда рече попъ: *благослови, владыко!* въ той часъ ста церковь ледяна, а алтарь огненъ. А егда рече попъ: *пресвятую, чистую*, въ той часъ приступиша множество ангелъ, подемше руцѣ за весь міръ христіанскій, моляшеся Богу. Егда же іерей начнеть глаголяти: Богъ святый на святыхъ почивая, тогда множество ангелъ поднимутъ апостолъ, и речеть Михаилъ: вонмѣмъ! а Гавріилъ речеть: миръ вамъ! И начнетъ чести попъ евангеліе и въ то время триста ангелъ взимають съ похвалою слова та, несутъ на небо. Когда глаголетъ попъ: яко милостивъ человѣколюбецъ Богъ еси, тогда вышедъ изъ олтаря ангелъ, нося стекляницу полну мvра, знаменаетъ предстоящая люди. Егда попъ начнетъ глаголати: оглашенніи изыидете, тогда ангелы, собравше грѣшники, ведутъ вонъ изъ церкве, а праведники оставляютъ...». Участіе ангеловъ продолжается далѣе въ теченіи всей литургіи, и наконецъ въ богослуженіи принимаютъ участіе Іисусъ Христосъ и Св. Духъ въ видѣ голубя. Въ храмъ врываются демоны и облекаютъ іерея сѣтями, чтобы его прельстить; но ангелы прогоняютъ ихъ огненнымъ оружіемъ. Св. Духъ въ видѣ голубя спускается на св. Дары; далѣе приходитъ Христосъ съ 12 апостолами и цѣлуетъ Дары и священнослужителя. Св. Духъ спускается на іерея и покрываетъ его. По произнесеніи словъ: *пріимите, ядите*, хлѣбъ претворяется до половины, а послѣ словъ священника: *піите отъ нея* совершается полное пресуществленіе св. Даровъ. Тогда ангелы снимаютъ съ людей грѣхи и сожигаютъ ихъ. Послѣ словъ діакона: главы ваша преклоните и слѣдующихъ затѣмъ словъ священника: Боже святый, живый въ вышнихъ, ангелъ выходитъ изъ алтаря и кладетъ вѣнецъ на людей, стоящихъ со страхомъ на молитвѣ. По окончаніи литургіи священникъ поднесъ Анфилогу просфору; но Анфилогъ отказался ее взять и съ негодованіемъ сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ священникъ убилъ ребенка. Священникъ сказалъ, что такого чуда еще никто не видѣлъ. Пораженный этимъ чуднымъ видѣніемъ, царь

Анфилогъ крестился и принялъ даже схиму. По совѣту патріарха Анфилогъ отправился въ сарацинскую землю и обратилъ въ христіанство брата своего Кликанца. Анфилогъ и Кликанцъ стали проповѣдывать христіанскую вѣру и были казнены сарацинями. Люди стали чтить ихъ память и поклоняться ихъ мощамъ [1]).

Происхожденіе этого апокрифа мнѣ неизвѣстно. Можетъ быть, апокрифическое сказаніе о царѣ Анфилогѣ возникло подъ вліяніемъ сборника патріарха Фотія «Амфилохіи», заключающаго въ себѣ разсужденія о разныхъ предметахъ вѣры и получившаго названіе отъ имени лица, къ которому разсужденія были адресованы [2]).

Въ южнорусскихъ литературныхъ памятникахъ семнадцатаго вѣка находятся отрывки изъ сказанія Анфилога, напримѣръ въ «Небѣ Новомъ» Галятовскаго 1662 г. Въ Чети-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго говорится объ участіи ангеловъ при совершеніи литургіи.

Г. Калужняцкій усматриваетъ слѣды сказанія Анфилога въ посланіи ростовскаго архіепископа Вассіана II († 1515) къ Николаю Шембергу. «Поэтическіе образы Анфилогической легенды могли понравиться преосвященному Вассіану именно какъ средство риторическаго искусства, и онъ не усомнился въ числѣ приведенныхъ имъ историко-богословскихъ выводовъ высказать мнѣніе, что въ извѣстныя мгновенія православной литургіи слетаютъ ангелы съ небесъ въ церковь, являются цѣлыя толпы святыхъ ликовъ, чтобы участвовать въ безкровномъ жертвоприношеніи и такимъ образомъ увеличивать его божественную святость и значеніе. Прекрасные образы Анфилоговой легенды выходили затѣмъ постепенно за границы своей собственной сферы и получили въ устахъ Вассіана (а мы добавимъ отъ себя: и въ устахъ южнорусскихъ проповѣдниковъ), по предварительномъ устраненіи апокрифическихъ прибавленій, значеніе поэтическихъ мотивовъ, при содѣйствіи которыхъ должно было укрѣпляться въ глазахъ народа убѣжденіе, что православная литургія лучше другихъ литургій, что она есть соединенное служеніе ангеловъ и людей вмѣстѣ (28).

---

[1]) *Калужняцкій*, стр. 26—28.

[2]) Объ Амфилохіяхъ см. *Филарета*, Историч. ученіе объ отцахъ церкви, т. III, стр. 336.

Кромѣ «Сказанія Анфилога» въ южной Руси, повидимому, было въ старину извѣстно еще другое апокрифическое сказаніе о литургіи, упоминаемое въ индексѣ отреченныхъ книгъ въ рукописномъ сборникѣ львовскаго свято-онуфріевскаго монастыря, именно въ «Статьѣ о службѣ тайнъ Христовыхъ», гдѣ говорится, что «если опоздають священници съ жертвоприношеніемъ, то ангели попа клянуть, рекше: врата небесныя затворяются» (Калужн., 24).

30.

Св. Николай.

Имя св. Николая весьма популярно въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ; въ честь этого святаго сложено нѣсколько духовныхъ стиховъ, весьма распространенныхъ въ народѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имя св. Николая по видимому пріурочивается къ Кіеву. Такъ въ духовномъ стихѣ, записанномъ въ мѣстечкѣ Млѣевѣ, черкасскаго уѣзда, говорится:

Будь похвальны, святителю,
Мирнокіевскій учителю, св. Николай!
(Чуб., т. I, стр. 170).

Въ великорусской переработкѣ найболѣе распространеннаго стиха «О хто, хто Миколая любить», записанной въ орловской губерніи, встрѣчаемъ тѣ же слова, но измѣненныя до потемненія смысла:

Будь похваленъ, святителю,
Между кіевскихъ въ пещеры,
Мирно во вѣки. (Безсон., Калѣки перехожіе, т. III, стр. 761).

Не трудно однако догадаться, что въ первомъ стихѣ слово: *мирнокіевскій* есть прямое искаженіе слова: *мирликійскій*, котораго не могъ осилить народный пѣвецъ, не знакомый съ географіею, а во второмъ искаженное слово разбито на два и поставлено въ двухъ отдѣльныхъ стихахъ.

Пріуроченіе св. Николая къ Кіеву могло находить основаніе въ его житіи, гдѣ, въ числѣ совершенныхъ имъ чудесъ, описываются два чуда, бывшія въ Кіевѣ.

Чудо первое. Двое кіевлянъ, мужъ и жена съ маленькимъ ребенкомъ, отправились однажды изъ Кіева въ Вышгородъ поклониться мощамъ свв. Бориса и Глѣба, въ день ихъ памяти. Возвращаясь домой по Днѣпру, жена уронила ребенка въ рѣку. Отецъ и мать обратились съ молитвой къ св. Николаю. Св. Николай взялъ дитя изъ воды и принесъ его въ палату, находившуюся при кіевскомъ софійскомъ соборѣ. Церковный сторожъ нашелъ ребенка передъ образомъ св. Николая и передалъ его родителямъ [1]). Старинное изображеніе этого чуда, писанное масляными красками на холстѣ, находится и нынѣ въ колокольнѣ кіево-софійскаго собора и съ любопытствомъ разсматривается богомольцами.

Другое чудо. Одинъ кіевлянинъ отпустилъ на волю плѣннаго половчанина, послѣ того какъ послѣдній поклялся именемъ св. Николая, что привезетъ выкупъ. Половчанинъ думалъ, что икона св. Николая, передъ которой онъ далъ обѣщаніе кіевлянину, ничего ему не сдѣлаетъ, если онъ и не выполнитъ обѣщанія. Св. Николай три раза напоминалъ половчанину о его обязательствѣ, а въ третій разъ сбросилъ половчанина съ коня, металъ, корчилъ и билъ его о землю. Половчанинъ отвезъ выкупъ кіевлянину.

Эти сказанія о чудесахъ св. Николая въ Кіевѣ возникли въ древности, до монгольскаго нашествія, и, можетъ быть, существованіе этихъ и другихъ подобныхъ мѣстныхъ кіевскихъ сказаній о святителѣ Николаѣ побудило кіевскаго митрополита Ефрема (1096—1098 г.) установить празднованіе перенесенія мощей св. Николая изъ Мѵра въ Баръ 9-го мая, празднованіе, существовавшее въ западной церкви и неизвѣстное на греческомъ востокѣ.

Народные разсказы и пѣсни упоминаютъ о св. Николаѣ, какъ сотрудникѣ апостоловъ и спутникѣ Іисуса Христа во время Его земныхъ странствованій по землѣ. Св. Николай участвуетъ въ обходахъ апостольскихъ (Драг., стр. 112). Существующее въ ушицкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, повѣрье, что волки находятся подъ покровительствомъ св. Николая (Чуб., т. I, стр. 167), вышло, повидимому, изъ превратно понятаго другаго, также народнаго разсказа. Св. Николай, сопутствуя Іисусу Христу и апостоламъ въ

[1]) Сказаніе объ этомъ чудѣ издано Калужняцкимъ въ „Обзорѣ слав.-рус. памятн.“, стр. 16—18, по рукописи львовскаго университета.

хожденіи по землѣ, старался, чтобы волкъ не съѣлъ коровы одной бѣдной вдовы. Богъ отдалъ волку рябую корову этой вдовы; но св. Николай, жалѣя вдову, опередилъ волка и вымазалъ вдовину корову болотомъ, чтобы она казалась чорной и волкъ не могъ бы съѣсть ее (Драг., стр. 112). На основаніи этого разсказа могъ возникнуть другой, противоположный. Св. Николай отдаетъ корову вдовы волкамъ за то, что вдова дѣлала убытки людямъ (Чуб., т. I, стр. 167). Въ большинствѣ случаевъ покровителемъ и повелителемъ волковъ считается св. Георгій, и св. Николай случайно замѣнилъ его въ немногихъ народныхъ разсказахъ, тѣмъ болѣе случайно, что въ самомъ житіи святителя нѣтъ рѣчи о волкахъ.

На основаніи житейнаго сказанія о св. Николаѣ и отпущенномъ на откупъ половчанинѣ сложился одинъ народный разсказъ, записанный И. И. Манжурой въ селѣ Благовѣщенкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Одинъ бѣдный мужикъ не могъ заплатить подушнаго. Призвали его въ «сборню», стали наказывать, бить, наконецъ привязали къ столбу. Еврей далъ ему денегъ, взявши съ него въ церкви передъ иконой св. Николая обѣщаніе, что онъ заплатитъ. Но мужикъ, разбогатѣвъ, не выполнилъ своего обѣщанія. Однажды въ полѣ, на дорогѣ, его настигъ фургонъ. Мужикъ свернулъ съ дороги, фургонъ за нимъ, такъ въ другой, въ третій разъ и дальше, наконецъ фургонъ наѣхалъ на мужика и переломалъ ему ту руку, которою онъ бралъ у еврея деньги. Мужикъ отдалъ деньги еврею, и еврей принялъ христіанство (изъ рукоп. Сборника малоруск. пѣсенъ).

Житейное сказаніе о св. Николаѣ и Аріѣ получило среди малоруссовъ своеобразную переработку, съ пріуроченіемъ св. Николая и Арія къ Кіеву, въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ И. И. Манжурой въ селѣ Алексѣевкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи: «Вызывала печерська Божа Мати Миколая угодника та Арія свого собору у Кыиви святити. Хто, каже, швидче прибуде, той и посвятить. Отъ Миколай угодникъ зибравсь та й поихавъ; въ дорози ставъ кони годувать, ажъ ось и Арій бижить и соби ставъ на тому постояльному. Миколай вже своихъ выгодувавъ и каже запрягать, а Арій баче, що Миколай рушати збирается, та веливъ своимъ слугамъ позрубувати у Миколаевыхъ коней головы. Ти пошли, та такъ и зробили. Отъ Миколаеви слуги верта-

ются, та й кажуть, що щось поодрубовало голевы конямъ. Пидить, каже, поприставляйте. Коли приставили, ажъ такъ и е, тильки билому коневи зъ вороного приставили, а вороному зъ билого, запрягли та и поихали. Арій и байдуже, все кормивъ, а дали й соби подавсь. Прибига, ажъ Миколай уже и святе церкву. Арій до слугъ: та мы, кажуть, позрубували. Подививсь той на кони. бачить, у вороного коня била голова, а у билого ворона. Тоди Арій и ставъ вже Миколая за старшого почитать» (изъ рукоп. Сборника г. Манжуры).

Кромѣ Кіева, есть на югѣ Россіи еще одно мѣсто, съ которымъ связываются народные разсказы о св. Николаѣ,—это святогорскій монастырь (изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи), съ чудотворнымъ образомъ святителя, найденнымъ въ древности на столбѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ храмъ во имя св. Іоанна Предтечи, называвшійся раньше по имени св. Николая. Объ этомъ-то храмѣ ходитъ въ народѣ любопытный разсказъ, что онъ вышелъ изъ воды, что три раза показывался подъ селомъ Богородичнымъ (въ 3-хъ верстахъ отъ Святыхъ Горъ) и все переходилъ съ мѣста на мѣсто, пока не сталъ въ Святыхъ Горахъ, что передъ страшнымъ судомъ онъ снова войдетъ въ воду вмѣстѣ съ людьми, которые на ту пору будутъ въ немъ и что тогда, какъ земля и все на ней сгоритъ, не сгоритъ одинъ этотъ храмъ съ оставшимися въ немъ людьми (изъ рукописн. Сборника И. И. Манжуры). По другому разсказу (Основа, 1862 г., т. VI, стр. 44) чудотворецъ Николай, что въ Святыхъ Горахъ, нерѣдко беретъ дитя у женщины, пришедщей на богомолье и носитъ его по-надъ Донцемъ и по-надъ лугомъ, а потомъ снова положитъ на руки той женщины.

Малорусскіе духовные стихи о св. Николаѣ большею частію сухи, съ явнымъ отпечаткомъ школы и схоластики. Въ нихъ въ общихъ чертахъ передаются главныя событія жизни св. Николая, преимущественно его чудеса. Попадаются слова книжныя, церковнославянскія и польскія, плохо понятыя народными пѣвцами. Наибольшей популярностію пользуется стихъ «Хто, хто Миколая любить», сравнительно съ другими стихами о св. Николаѣ простой и легкій. Стихъ этотъ встрѣчается въ старинныхъ сборникахъ стихотвореній духовно-нравственнаго содержанія, напр. въ Кантичкѣ

XVIII—XIX ст. [1]). Изъ южной Руси этотъ стихъ проникъ въ Великороссію и даже въ Сербію [2]).

Въ колядкахъ встрѣчается любопытный поэтическій мотивъ, какъ сѣлъ, придя къ крестьянину,

Святый Микола
На конець стола,
Пидперся мечемъ
Пидъ правымъ плечемъ,
Склонивъ головку,
Вронивъ слизоньку.
Де слеза кане,
Тамъ Дунай стане (Чуб., т. III, стр. 344).

По другой колядкѣ

Конецъ престола сидить Микола,
Ризами вкрывся, слизами умывся.
(Чуб., т. III, стр. 307).

Въ галицкой пѣснѣ поется: «зъ той слизоньки ясна керничка» (Гол., т. II, стр. 40). Въ рѣкѣ Дунаѣ, возникшемъ изъ слезы св. Николая, купается Іисусъ; въ криницѣ пресв. Богородица бѣлитъ ризы.

Къ св. Николаю часто обращаются въ заговорахъ, напримѣръ: «святителю Миколаю, угодниче Божій, помошнику скорый! допоможи мени ласкою своею небесною вымовити и выговорити и соячныци, и веретильныци, и заспани, и наслани, и ранніи, и пизніи (Чуб., т. I, стр. 114).

31.

Св. Георгій.

Литературная исторія христіанской легенды о св. Георгіи изслѣдована проф. А. И. Кирпичниковымъ въ диссертаціи: «Св.

---

[1]) *Петровъ*, Опис. рукоп. церк.-арх. музея, т. II, стр, 420.
[2]) *Безсоновъ*, Калѣки перехожіе, т. III, стр. 762.

Георгій и Егорій храбрый» 1879 г. и акад. А. Н. Веселовскимъ въ обширной статьѣ «Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ», напечатанной въ 1 кн. 37 тома Записокъ Академіи Наукъ 1880 г. Можно сказать, что эти два изслѣдованія исчерпали содержаніе сказаній и пѣсенъ о св. Георгіи, какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ, и другимъ ученымъ остается только ограничиваться отдѣльными замѣчаніями при нахожденіи вновь открываемыхъ рукописныхъ списковъ житія св. Георгія. Такъ И. В. Ягичъ, напечатавшій въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Архива слав. филологіи сербскій изводъ житія св. Георгія, ограничивается краткими комментаріями и отсылаетъ при этомъ читателя къ изслѣдованіямъ А. И. Кирпичникова и А. Н. Веселовскаго.

Сказанія, пѣсни и повѣрья о св. Георгіи распространены во всѣхъ христіанскихъ странахъ, въ особенности на Кавказѣ и въ Великороссіи. Въ Малороссіи св. Георгій входитъ изрѣдка въ народные разсказы и пѣсни, и только въ народныхъ повѣрьяхъ, преимущественно въ дневникѣ, св. Георгій занимаетъ видное мѣсто.

Образъ св. Георгія воина, поражающаго змѣя, отразился въ народной поэзіи въ представленіи св. Юрка въ видѣ козака, съ копьемъ и саблей, расправляющагося съ пьянымъ бѣсомъ (Весел., стр. 150). Въ галицко-русской колядкѣ:

Самъ святый Юрій коникомъ игравъ,
Коникомъ игравъ, шабельковъ звивавъ.
(Голов., т. III, стр. 20).

Другое обычное представленіе св. Георгія въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ въ видѣ старика. Въ винницкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, разсказываютъ, что одинъ путникъ, ѣхавшій наканунѣ Юрьева дня ночью подъ лѣсомъ, замѣтилъ въ лѣсу огонекъ. Онъ поѣхалъ на огонь и вскорѣ увидѣлъ человѣка, убѣленнаго сѣдинами; передъ нимъ горитъ свѣча, а вокругъ него волковъ видимо невидимо» (Чуб., т. I, стр. 171).

Во всей Россіи, въ частности въ Малороссіи, Юрій—покровитель животныхъ, въ особенности рогатаго скота (Чуб., т. I, стр. 51—52). Въ харьковской губ. народъ поститъ 23 апрѣля, «щобъ Егорій скотину спасъ отъ звиря» (Харьковск. Сборникъ, вып. I, 1887 г., стр. 76). Въ особенную близость къ Юрію поставляются

волки: «Святый Юрій звиря пасе»; волкъ—«Юрова собака» (Номисъ, стр. 10). Юрій назначаетъ, какую крестьянскую корову съѣсть волку (Чуб., т. II, стр. 7). На Юрьевъ день впервые выгоняютъ въ поле скотъ, совершивъ моленія, иногда гонятъ его освященной вербой (Терещ., бытъ рус. нар., т. VI, стр. 29). Подобнаго рода обычаи и повѣрья встрѣчаются у болгаръ, грековъ и кавказскихъ горцевъ (Веселов., Зап. Акад. н., т. 37. стр. 6 и др.).

Юрьевъ день не только пастушескій, но и земледѣльческій праздникъ, что объясняется сельско-хозяйственными условіями: около Юрьева дня, во второй половинѣ апрѣля, крестьяне сѣютъ овесъ и гречку, и вообще это время есть начало, а осенній Юрій конецъ всѣмъ полевымъ работамъ. Праздникъ св. Георгія бываетъ весною, въ которой языческое міросозерцаніе издавна установило цѣлый рядъ обрядовъ и повѣрій; кое-что изъ языческой обрядности сохранилось до настоящаго времени, впрочемъ весьма немного, большая же часть связанныхъ съ весеннимъ Юріемъ повѣрій и обрядовъ имѣетъ чисто бытовой сельско-хозяйственный характеръ. Св. Георгій вошелъ въ разнообразные религіозно-миѳическіе обряды. Такъ у галицкихъ гуцуловъ и подгорянъ весной «палятъ Юрка», что соотвѣтствуетъ малорусскому обычаю сожигать весной символизирующее зиму чучело Марену или Мару (Весел., стр. 99); у малороссіянъ Юрій, какъ весенное божество—громовникъ, отмыкаетъ небо и посылаетъ росу, а у чеховъ отмыкаетъ землю, чтобы трава росла (ib. стр. 97); въ великорусскихъ и малорусскихъ суевѣріяхъ св. Георгій поставляется иногда въ связь съ явленіемъ грозы и сближается съ св. Ильей (ib. стр. 86). Въ малорусскомъ народномъ повѣрьѣ, записанномъ въ ушицкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, фазы луны происходятъ отъ того, что тамъ заслонка, которую Юрій постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ (Чуб., т. I, стр. 9). А. Н. Веселовскій указалъ на сходныя болгарское и польское повѣрья (стр. 931—133). Св. Георгій часто встрѣчается въ заклинаніяхъ, напримѣръ въ заговорѣ отъ волковъ: «Молюся Богу, Матери Божій, св. Георгію, хортивъ припынающему» (Ефим., стр. 48). Въ другомъ заговорѣ отъ волковъ: «засикаю отъ юрьевыхъ собакъ» (Ефим., стр. 50). Въ заговорѣ отъ бѣльма. «Ѣхавъ св. Юрій на вороныхъ коняхъ, на четырехъ колесахъ; кони разбѣглись; колесы роскотились по синёму морю, по чистому полю» (Ефим., стр.

9). Въ заговорѣ отъ червей: «Ѣхавъ св. Юрій на бѣлому конѣ через лѣсъ, а за нимъ бѣгло три псы» (Ефим., стр. 20).

32.

Св. Меланія.

Канунъ новаго года у малороссовъ называется «Меланкой», по имени преп. Меланіи римлянки. Тоже и въ Галиціи; но у галицкихъ поляковъ день этотъ носитъ названіе Сильвестръ, по имени чествуемаго въ этотъ день латинской церковью папы Сильвестра (Kolberg, Porucie, т. I, стр. 121). У русиновъ «Меланка» день обрядный и пѣсенный. Въ этотъ день одинъ какой либо парень, молодой, безъ растительности на лицѣ, одѣвается въ женскій костюмъ и называется Меланкой, другой называется Василькомъ, а третій Дѣдомъ. Послѣдній подвѣшиваетъ искусственную бороду, усы, горбъ, опоясывается соломеннымъ поясомъ и къ боку привѣшиваетъ деревянную саблю. Эта веселая компанія въ сопровожденіи скрипача ходитъ по селу и щедруетъ подъ окнами. Домохозяева даютъ хлѣбъ мѣхоношѣ и бросаютъ мѣдныя деньги (крейцеры) въ передникъ Меланки. Если колядовщики ничего не получаютъ, то Дѣдъ вскакиваетъ въ хату, разливаетъ воду, опрокидываетъ горшки, корпаетъ печь и затѣмъ быстро убѣгаетъ подъ защиту товарищей. Любопытны мѣстныя галицкія особенности празднованія Меланки. Подъ Коломыей парубокъ дѣлаетъ изъ дерева фигурки разныхъ животныхъ, преимущественно бычковъ, иногда солнце и мѣсяцъ, носитъ ихъ по домамъ, показываетъ дѣтямъ и получаетъ за то подарки отъ ихъ родителей; затѣмъ уже слѣдуетъ хожденіе Меланки, причемъ являются добавочныя маски, цыганъ, коза, жандармъ и жолнѣръ. Меланка входитъ иногда въ хату, выметаетъ ее, моетъ полы и шутки ради исполняетъ другія женскія домашнія обязанности. Обычай «Меланки» огрубѣлъ и сталъ падать. Меланка и ея спутники, въ особенности Дѣдъ, стали красть, и потому полиція стала преслѣдовать этотъ выродившійся обычай (Kolberg, т. I, стр. 121—129). Съ хожденіемъ Меланки иногда связывается глубоко древній обычай таскать плугъ по хатамъ, образное паханіе и разбрасываніе хлѣбныхъ зеренъ (Голов., т. III, стр. 145). Обрядъ Меланки живетъ еще на Поднѣстровьѣ; въ остальной Малороссіи обрядъ этотъ

повидимому, не встрѣчается, но пекутся блины, поются щедривки, сходныя съ тѣми, которыя поются въ Галиціи. Великорусскія повѣрья и пѣсни не знаютъ Меланки. А. Н. Веселовскій, высказывая предположеніе, что галицкія пѣсни о Меланкѣ и самый обрядъ захожія, сближаетъ Меланку съ западно-европейской Бертой. «Берта, олицетвореніе рождественскаго цикла, обходитъ людей въ дни, посвященные ея чествованію и требуетъ ихъ соблюденія; не то она наказываетъ непослушныхъ, оскверняя пряжу работницъ, грозя работнику, у котораго пахатный снарядъ не въ порядкѣ, какъ въ галицкомъ обрядѣ Меланка производитъ безпорядокъ въ хозяйствѣ, мотивированный ея неумѣлостью. Что хозяйки (въ Галиціи) прячутъ отъ нея посуду, вѣники и т. д., это отвѣчаетъ требованію Берты въ нѣмецкихъ преданіяхъ о ней, чтобы все было прибрано. Плугъ также является въ окруженіи Берты, какъ въ обрядѣ на Меланку. Первая представляется то милующей, то карающей, то свѣтлой, то черной; иногда ее замѣняетъ въ разсказахъ Богородица, и нѣмецкіе изслѣдователи указывали на параллелизмъ между представленіями Schwarze Bertha и черными византійскими изображеніями св. Дѣвы. Меланія является новымъ и болѣе вѣскимъ мотивомъ такого сближенія: Меланія означаетъ черная; она—Schwarze Bertha; обѣ привязаны къ одному и тому же праздничному циклу» (Зап. Акад. Наукъ, т. 37, кн. 2, стр. 196). Всѣ эти сопоставленія мало убѣдительны, и я не нахожу достаточнаго повода для сближенія Меланки съ Бертой ни въ обрядности, ни въ названіи Меланки. Я думаю, что Меланка явилась, какъ дополненіе къ св. Василію, чествуемому перваго января, подобно тому, какъ въ Великороссіи Аграфена Купальница является при Иванѣ Купалѣ, причемъ ближайшимъ поводомъ было самое имя Меланіи, но только не въ греческомъ его значеніи, котораго простой малорусскій народъ не знаетъ, а въ народномъ украинскомъ, отъ слова милая, въ значеніи хорошая, красивая. Въ галицкихъ пѣсняхъ мы постоянно встрѣчаемъ Меланку, при томъ въ такихъ характерныхъ сочетаніяхъ съ именемъ Василія и съ такими характерными эпитетами:

Красная Меланка,
Еще кращшій Васильчикъ

—

Красная Меланка
Качури пасла,
Докъ не стало вечерѣти,
Зоря не згасла;
Качурича загубила,
Шукаючи зблудыла,
Выблудыла въ чисте поле,
Тамъ іи Васильчикъ оре.

—

Чесна, красна Меланка,
А ще кращшій Василько.
Ой, Васильку, Васильку,
Чи любишъ ты Маланку?
(Голов., т. III, стр. 144—140).

—

Ой, черчику Васильчику,
Чи любишъ ты нашу Маланочку?
Люде идуть на жниву,
А Маланка зъ Васылемъ до корчмы на пиво;
Люде нажали по сто кипъ,
А Маланка зъ Васылемъ лишъ одинъ снипъ
(Kolberg, т. I, стр. 123).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь олицетвореніе двухъ дней, по сопредѣльности ихъ, съ именами святого и святой, и перенесеніе этихъ олицетвореній въ разрядъ любовныхъ пѣсенъ праздничнаго рождественскаго цикла.

33.

Листъ небесный, или Эпистолія о недѣлѣ.

Въ Журналѣ министер. народ. просвѣщенія 1876 г. А. Н. Веселовскій подробно изложилъ внѣшнюю исторію воскреснаго культа, привелъ цѣлый рядъ легендъ, вызванныхъ этимъ культомъ и подробно разсмотрѣлъ редакціи апокрифическаго «Письма съ неба» или «Эпистоліи о недѣлѣ», преимущественно западно-европейскія. Отсылая читателя къ этому цѣнному изслѣдованію, я остановлюсь только на южнорусскихъ сказаніяхъ о недѣлѣ сравни-

тельно съ извѣстными въ печати сѣвернорусскими и польскимъ текстомъ въ «Лѣтописцѣ» Ерлича.

Древнѣйшее положительное свидѣтельство объ эпистоліи относится къ концу VI вѣка. Около 584 г. карѳагенскій епископъ Лициніанъ упрекалъ въ письмѣ другаго епископа въ излишней довѣрчивости къ отреченному письму. Затѣмъ упоминанія объ эпистоліи встрѣчаются VIII вѣкѣ, въ XII, XIII уже часто.

«Листъ небесный» одинъ изъ самыхъ популярныхъ апокрифовъ въ Россіи, встрѣчается во многихъ народныхъ разсказахъ и въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ. Апокрифъ этотъ изданъ во 2 т. «Памятн. рус. литер.» А. Н. Пыпина по новымъ спискамъ и во 2 т. «Памят. рус. отреч. литер.» Тихонравова по рукописи XVI ст. Г. Франко въ № 9 «Зари» 1886 г. издалъ въ значительной степени отличную южнорусскую редакцію апокрифа, взявъ ее изъ Дрогобицкаго рукописнаго сборника половины XVIII ст. Апокрифъ о недѣлѣ множество разъ переписывался, и между отдѣльными списками обнаруживается различіе по величинѣ и по содержанію. Южнорусская редакція отличается краткостью и сжатостью, сравнительно съ напечатанными у Пыпина и Тихонравова. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ. Листъ небесный—посланіе Іисуса Христа съ неба, которое іерусалимскій патріархъ нашелъ въ церкви на престолѣ. Патріархъ отправилъ это посланіе въ Римъ къ папѣ, а папа къ польскому королю Сигизмунду, чтобы послѣдній сдѣлалъ это посланіе извѣстнымъ въ разныхъ странахъ. Посланіе, написанное золотыми литерами, гласитъ: «Я правдивый Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, той листъ написалъ, а тотъ листъ такую моцъ маетъ, где его кто читаетъ албо съ пильностью слухаетъ, тому человѣку сто дній отпущеніе грѣховъ будетъ, и которая невѣста беременная, а тотъ листъ при собѣ носити будетъ, то легко отроча породитъ, а въ которомъ дому той листъ будетъ, въ томъ дому нѣчо злого шкодити не будетъ, а ни огнь, ани чары, ани иншіи речи шкодити не можутъ»; затѣмъ слѣдуетъ еще нѣсколько обѣщаній благъ за храненіе и чтеніе листа небеснаго, обѣщаній, повторяющихся и въ другихъ апокрифахъ заклинательнаго свойства, напр. во «Снѣ пресв. Богородицы». Суть разсматриваемаго апокрифа заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Глаголетъ Іисусъ Христосъ: приказую вамъ и объявляю, моцію Боства своего, абысте

день недѣльный святили и жадныхъ работъ не робили, ани корѣня въ городахъ своихъ не копали и на пожитокъ свой не обертали; тое вамъ приказую, же бысте съ жидами добровольне не ѣли и не пили, ижъ я правдивый Сынъ Божій той листъ написалъ, а бысте ся добре справовали на томъ свѣтѣ и тому листу вѣрили... Приказую вамъ во вечеръ суботній поперестати отъ всякихъ роботъ, для поцтивости Матки моеи; бо гды бы Матка моя до Бога Отца моего не молила ся, давно бысте погинули. Про то въ недѣлю каждый человѣкъ маетъ ити до церкви на молитву, старіи и молодіи, зъ офѣрами, розмышляючи о грѣсехъ своихъ, а если то для поцтивости Матки моей чинити не будете, буду васъ карати толодомъ и войною строгою, напущу на васъ прузи поганые, которые працю вашу поядятъ... А не хотѣли бысте ся покаяти, то большимъ караніемъ буду васъ карати: побужу короля на короля, мѣсто на мѣсто, пана на пана, одинъ на другого, отца на сына, брата на брата, дщерь на матерь свою, невѣстку на свекруху свою и кровопролитіе будетъ и ненависть межи вами будетъ, а если и по томъ караню не покаетеся..., то перепущу на васъ птахи черные, сромливые, которые прилетаючи будутъ васъ кусати, же и единъ отъ васъ скрыется, и отъ тихъ птаховъ злое повѣтріе начнется, а гды не покаетесь, еще буду васъ карати голодомъ, и нестерпливымъ моромъ. и блискавицею, и градомъ огненнымъ и иншими карностями»...

Сравнивая дрогобицкую редакцію апокрифа съ редакціями, изданными Пыпинымъ и Тихонравовымъ, мы находимъ, что въ южнорусскомъ изводѣ угрозы значительно сокращены и упрощены и совсѣмъ выпущено перечисленіе событій ветхозавѣтной исторіи, совершившихся будто бы въ воскресный день. Затѣмъ южнорусская редакція «Сказанія о недѣли» заключаетъ въ себѣ требованіе почитанія только воскреснаго дня, а великорусскія, кромѣ воскресенья, еще среды и пятницы, что съ особеннной отчетливостью сказывается у г. Тихонравова въ слѣдующемъ мѣстѣ апокрифа: «Чтите святую недѣлю, среду и пятокъ; тѣми бо треми дньми земля стоитъ» (т. II, стр. 316). Кромѣ того, въ галицко-русской редакціи нѣтъ проклятія по адресу тѣхъ, кто усумнится въ небесномъ происхождени епистоліи о недѣлѣ.

Дрогобицкая редакція апокрифа проникла въ южную Русь, должно быть, изъ Польши. Она обнаруживаетъ большое сходство съ польскимъ текстомъ «Листа небеснаго», находящимся въ хроникѣ Іоахима Ерлича половины XVII ст. (перепечат. въ 184 т. Журн. мин. народ. просв. 1876 г., стр. 102—103). Сходство настолько значительно, почти буквально, что дрогобицкій «Листъ небесный» можно считать повтореніемъ листа Ерлича, съ небольшими измѣненіями въ отдѣльныхъ фразахъ и словахъ. По замѣчанію же А. Н. Веселовскаго, «подробности польскаго пересказа не только указываютъ на его западный оригиналъ, но и открываютъ въ этомъ оригиналѣ особую разновидность древней эпистоліи, въ которой дѣйствующими лицами являлись папа Левъ III и Карлъ Великій» (т. 184, стр. 103). Западно-европейское, а не византійское происхожденіе дрогобицкаго текста видно далѣе изъ того, что здѣсь не упоминается среда, почитаніе которой отмѣнено было для западной церкви около 300 года на Элиберійскомъ соборѣ и замѣнено почитаніемъ субботы. Въ западныхъ редакціяхъ эпистоліи соблюденіе среды не внушается вѣрующимъ, въ русскихъ это постоянная черта, отличающая вѣроятно и византійскіе пересказы» (Журн. мин. нар. просв. 1877 г., т. 191, стр. 122).

Эпистолія о недѣлѣ оказала вліяніе на народную словесность. Въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ «Богъ Недили подарувавъ цей день и сказавъ: «гляди, щобъ люде не робили«. Съ почátку, кажуть, люде робили и въ недилю, але дуже давно, а теперъ вже не роблять и въ суботу въ вечери, якъ сонце зайде; бо свята недиленька накаже такъ, що Господи»! (Чуб., т. II, стр. 432). Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи встрѣчается народный разсказъ, что одна молодица пряла въ воскресенье. Въ хату вошла неизвѣстная женщина, «така хороша, якъ сонечко святее, червона, та ясна», пообрѣзывала на рукахъ пряхи кожу и повѣсила ее на прялку (Чуб., т. II, стр. 433). Нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» въ фельетонѣ «Изъ Волыни» напечатанъ волынскій разсказъ о Недѣлѣ, въ вольной литературной передачѣ корреспондента. Суть его въ томъ, что одному крестьянину, ѣхавшему въ воскресный день изъ города въ село, встрѣтилась какая-то женщина, предлагавшая ему покормить лошадей сѣномъ, которое она указала подъ кустомъ, называя это сѣно Божіимъ, а себя посредницею

между Богомъ и людьми, дающею послѣднимъ все необходимое. Подъ конецъ разговора женщина на вопросъ крестьянина объ ней назвала себя святою «Недилею» и, показавъ скрытое подъ вуалью лице, изрытое глубокими язвами, пояснила, что это раны, нанесенныя ей людьми, не почитающими ее, работающими, пьянствующими и безчинствующими въ день, ей посвященный, и т. д.

Воскресный культъ выразился также въ народныхъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ исторической пѣснѣ о плѣнѣ и ослѣпленіи Коваленка татарами:

Ой въ недилю рано—пораненько
Тай избиравъ женцивъ Коваленко...
Ой повивъ женцивъ доломъ долиною
А на тую пшеныченьку на озимую.

Пошелъ Коваленко обѣдать; въ это время ворвались татары, схватили Коваленка, связали и ослѣпили его. Коваленко говоритъ:

Десь же мене та Господь покаравъ,
Що я въ недилю женци позбиравъ,
У недилю до схидъ сонця поснидати давъ.
Ой десь мене Господь Богъ не простивъ,
Що я у недилю серпы позубивъ..

Въ варіантахъ Коваленко проситъ Бога:

Дай же ми, Боже, недили диждати,—
Буду я знати, якъ святковати.

(Ант. и Драг., Ист. пѣс. т. I, стр. 79—93).

Воскресный культъ выразился также въ приведенной уже нами однажды галицко-русской царинной пѣснѣ «Війте, дѣвойки». Здѣсь свѣтлое солнце жалуется Богу, что люди въ воскресный день работаютъ: мужики дрова рубятъ, дѣвушки косу чешутъ (Голов., т. II, стр. 243).

Такъ какъ малорусскія сказанія записаны большею частью въ Галиціи и на Волыни, въ областяхъ, гдѣ нѣмецкая колонизація издавна свила себѣ гнѣздо и въ послѣднее время сильно развилась, и такъ какъ въ малорусскихъ сказаніяхъ Недѣля обнаруживаетъ сходство съ западно-европейской сказочной Бертой, то можно было бы

предположить вліяніе западныхъ сказаній о Бертѣ, которая, подобно малорусской Недѣлѣ, обходитъ дома въ дни, посвященные ея чествованію, и наказываетъ тѣхъ, кто работаетъ, особенно пряхъ. Предположеніе это однако представляется ненужнымъ, такъ какъ малорусскія народныя сказанія о Недѣлѣ находятъ достаточное объясненіе въ Эпистоліи о недѣлѣ или Листѣ небесномъ и затѣмъ въ значительной степени опираются на этимологическое значеніе самого слова Недѣля отъ слова не дѣлать, какъ олицетвореніе праздничнаго досуга.

34—35.

Сказанія о пятницѣ и сказанія о двѣнадцати пятницахъ.

Почитаніе пятницы идетъ изстари. Въ «Жизни Константина», сочиненіи епископа кесаріискаго Евсевія Памфила († 340), уже внушается соблюденіе пятницы (Журн. министъ. нар. просв. 1876 г., т. 185, стр. 326). Христіанское уваженіе къ пятницѣ, какъ дню, освященному воспоминаніемъ о смерти Спасителя, осложнилось и развилось подъ вліяніемъ неугасшихъ языческихъ представленій о пятницѣ, какъ о днѣ, посвященномъ богинѣ весны и плодородія. Въ Россіи почитаніе пятницы отразилось въ обрядахъ, сказаніяхъ, пѣсняхъ и повѣрьяхъ. Во многихъ мѣстностяхъ русскаго царства, говоритъ Аѳанасьевъ, по пятницамъ бабы не прядутъ, не варятъ щелока, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи золы, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ». (Поэт. воззр. слав., т. I, стр. 231). Почитаніе пятницы не ограничилось общимъ характеромъ воздержанія отъ работы въ этотъ день, но развилось подъ вліяніемъ зашедшихъ изъ чужихъ странъ литературныхъ сказаній о 12 пятницахъ въ почитаніе временныхъ или именныхъ пятницъ, приходящихся передъ большими годовыми праздниками, а въ Великороссіи, по бытовому развитію обычая, выразилось въ формѣ обѣтныхъ пятницъ, когда по случаю какихъ-либо несчастій даютъ обѣтъ постить и праздновать пятницы. Важнымъ значеніемъ народныхъ сказаній и повѣрій о пятницѣ обусловлено появленіе цѣлаго ряда научныхъ изслѣдованій по этому предмету, изъ коихъ мы здѣсь сошлемся на статью гг. Порфирьева въ «Правосл. Собесѣд.» 1859 г., Некрасова въ «Филол. Зап.» 1870 г. и А. Веселовскаго въ Журн. министъ. народ.

просв. 1876 г., причемъ особенно цѣннымъ является обширное изслѣдованіе г. Веселовскаго. Не имѣя желанія отклоняться въ сторону отъ предмета изслѣдованія—южно-русскихъ сказаній и пѣсенъ, я остановлюсь только на украинскихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ о пятницѣ.

Въ XI ст. преп. Ѳеодосій печерскій писалъ къ великому князю Изяславу: «аще кто отречеся въ среду или въ пятницу мясъ не ясти, добро, вельми полезно не ясти. Не я сего завѣщаю; но святіи апостоли; тако бо законъ положиша, да всякъ крестьянинъ постится въ середу и въ пятницу... въ середу бо жидове совѣтъ сотвориша на Іисуса и въ пятокъ распяша Господа». Это древнѣйшее въ южной Руси внушеніе о соблюденіи пятницы пало на добрую почву. Уваженіе къ пятницѣ въ народѣ съ теченіемъ времени росло; въ частности укрѣплялась идея о необходимости поста въ пятницу, особенно развившаяся въ сѣверной Руси. Въ Духовномъ Регламентѣ, составленномъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, родившимся и проведшимъ молодость въ Малороссіи, говорится: «Слышится, что въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и съ упованіемъ нѣкоей пользы». Обыкновеніе водить торжественно женщину или дѣвушку подъ тѣмъ или другимъ названіемъ несомнѣнно языческое. Оно въ разныхъ видоизмѣненіяхъ встрѣчалось и теперь еще встрѣчается у славянскихъ народовъ, великоруссовъ, болгаръ, сербовъ. Подобнаго рода обыкновеніе, по свидѣтельству Стоглава, встрѣчалось въ Великороссіи въ XVI ст. У сербовъ и болгаръ водятъ Додолу или Дюдюлъ. Появленіе въ роли странствующей женщины Пятницы доказываетъ ея важную роль въ народномъ міровоззрѣніи.

Свидѣтельство Ѳеофана Прокоповича о культѣ пятницы въ Малороссіи находитъ фактическое подтвержденіе въ одномъ оффиціальномъ дѣлѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, извлеченномъ изъ архива полтавскаго губернскаго правленія г. Бакаемъ и напечатанномъ имъ въ «Кіевской Старинѣ» 1885 г., т. XII, стр. 845—747, подъ заглавіемъ «Городничій и св. Пятница». Такъ какъ въ этомъ «дѣлѣ» обнаруживаются весьма характерныя вѣрованія о пятницѣ, то мы здѣсь повторимъ въ короткихъ словахъ любо-

пытную замѣтку г. Бакая». Во время первой холеры въ 1831 г. среди жителей Золотоноши распространился слухъ, что на полѣ во ржи въ образѣ женщины явилась св. Пятница въ бѣлой намиткѣ, съ распущенными волосами (у Ѳеофана Прокоповича пятница—простоволасая). Повалилъ народъ смотрѣть св. Пятницу; пошелъ по своей охотѣ и человѣкъ городничаго. Пятница велѣла ему передать городничему, чтобы тотъ немедленно явился къ ней. Разростаясь, молва добавляла, что городничій поѣхалъ, и Пятница сказала ему: «смотри городничій, вотъ жито прекрасное, да некому будетъ его жатъ! Не чтутъ меня, св. Пятницы, и за то Богъ послалъ на людей моръ. Не допускай и ты работать, а то и тебѣ не избѣжать смерти». Городничій увѣщевалъ жителей не вѣрить этому нелѣпому слуху: но слухъ разростался, и въ ближайшую пятницу явилось опасное къ нему дополненіе, что десятскіе по приказу городничаго бьютъ и гонятъ всѣхъ вышедшихъ на работу. Опасаясь народнаго волненія, городничій доноситъ полтавскому губернатору о всемъ случившемся и проситъ у него надлежащихъ распоряженій. Губернаторъ рекомендовалъ городничему, во первыхъ, просить помѣщиковъ дать при полиціи по 20 розокъ крестьянамъ, выновнымъ въ распусканіи слуховъ о появленіи Пятницы и, во вторыхъ, просить золотоношскаго протоіерея распорядиться, чтобы священники выяснили народу, «сколь грѣшно передъ Богомъ предаваться подобному суевѣрію и вредно для себя». Крестьянъ не сѣкли, частью по случаю горячей рабочей поры, частью, должно быть, потому, что сами помѣщики вѣрили этому слуху. Священники сказали надлежащія проповѣди; но слухъ о явленіи св. Пятницы прекратился лишь постепенно, съ прекращеніемъ холеры. Такъ пр-о глянуло, говоритъ г. Бакай, въ этомъ случаѣ древнее народное представленіе о пятницѣ, какъ о богинѣ плодородія; она помѣщается въ растущемъ хлѣбѣ и оттуда заявляетъ, что хлѣба некому будетъ жать, такъ какъ за непочтеніе ея, св. Пятницы, Богъ послалъ на людей моръ».

Народныя сказанія о Пятницѣ сходны, а иногда тождественны съ сказаніями о Недѣлѣ. Св. Пятница, какъ и Недѣля, ходитъ по хатамъ и наказываетъ работниковъ и особенно пряхъ. Она бросила однажды въ окно цѣлый пучекъ веретенъ и приказала прядущей дѣвушкѣ запрясть ихъ въ одну ночь. Дѣвушка схитрила; она на-

мотала на одно веретено нитку, на другое нитку, намотала такъ на всѣ, выбросила ихъ за окно и затворила двери и окно плотно («Кіев. Стар.» 1885 г., т. IX, стр. 187). Въ другомъ мѣстѣ Пятница обрѣзала кожу на пальцахъ пряхи и повѣсила эту кожу на прялку. Иногда она корчитъ пальцы пряхамъ (Чуб., т. I, стр. 217). Подобнаго рода отношеніе къ пряхамъ обнаруживаетъ въ западноевропейскихъ сказаніяхъ Берта. Запретъ пряжи вездѣ является существенной чертой сказанія или повѣрья, запретъ, обусловленный тѣмъ, что пряжа въ народной словесности служитъ символомъ домашняго женскаго труда. Пятницѣ народное суевѣріе приписываетъ вліяніе на смерть. Такъ, въ одной малорусской сказкѣ говорится о томъ, какъ пятница предоставила одному крестьянину возможность жить въ теченіи 200 лѣтъ, а затѣмъ отобрала жизнь и отослала душу умершаго въ адъ (Чуб., т. II, стр. 428). Здѣсь мы должны указать на одинъ духовный стихъ въ рукописномъ сборникѣ И. И. Манжуры, «Стихъ Пятныци», повторяющій духовный стихъ Остапа Вересая про «Пустельника и Пятныцю» (стр. 32) и представляющій простой пересказъ на малорусскомъ языкѣ великорусскаго духовнаго стиха, напечатаннаго въ 13 варіантахъ въ «Калѣкахъ перехожихъ» Безсонова, т. XI, стр. 160—174. Очень сходные варіанты этого стиха записаны въ новгородской, пермской, тверской, олонецкой, симбирской, псковской, орловской и рязанской губерніяхъ. Малорусское переложеніе гласитъ:

А въ пустыни трудовникъ трудився,
Не влада ни руками, ни ногами,
А ёму во сни Пьятинка явилась.
Хрестомъ ёго оградила,
Свичею освѣтила,
Словесами ёго огласила,
И во сни ёго испросила:
А вставай, рабе божій, чоловиче,
Пиды, рабе божій, по всимъ свиту,
Закажи, рабе, всимъ женамъ,
Щобъ у пятницю пыломъ не пылили,
А въ суботу платя не золили,
Въ воскресный день въ церковь ходили,
Богу свичу становили,

И на святи церкви покладали,
Нищую братію награждали.
Молитеся Богу со слезами,
Низкіи поклоны склоняйте,
Божіи молитвы сотворяйте,
А братъ брата почитайте,
Сестра сестры не понижайте,
Отець-мати дитей не кляните,
А жидами врагами не зовите.
Бо жиды не вирныи...

Далѣе слѣдуетъ еще нѣсколько стиховъ, вырванныхъ изъ духовнаго стиха, какъ жиды Христа мучили. Начало стиха, гдѣ говорится о безногомъ «трудовникѣ», возникло подъ вліяніемъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ въ Великороссіи, и уже отсюда проникло въ малорусское населеніе. Гораздо полнѣе и точнѣе былевой эпизодъ о дѣтствѣ Ильи и полученіи имъ силы отъ калѣкъ перехожихъ переданъ въ малорусскомъ народномъ разсказѣ объ Ильѣ пророкѣ, записанномъ И. И. Манжурой въ селѣ Алексѣевкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Разсказъ этотъ состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей сказанія объ Ильѣ и сказанія о разбойникѣ-кровосмѣсителѣ. Послѣднее сказаніе имѣетъ довольно обширную научную литературу (см. Драгом., Малор. народ. преданія, стр. 131). Мы приводимъ здѣсь этотъ любопытный разсказъ объ Ильѣ пророкѣ, во первыхъ, по новизнѣ его первой части, и во вторыхъ по историко-литературному интересу второй его части, какъ варіантъ широко распространеннаго сказанія о кровосмѣсителѣ:

«Илья пророкъ триддать симъ годъ живъ у батька и въ матери; та такъ ёму було, шо руки та ноги позростались и не можна ёму було встати, або питы куды. Отъ якъ выйшло ёму триддать симъ годъ, приходять до ёго Богъ та св. Петро, а батько та мати десь на ныви жали, та й кажуть ёму: устань! Та я бъ и уставъ, такъ не можу.—Пидводься.—Ставъ винъ пидводыться—ноги окриплы. Пидійми руки.—Пиднявъ винъ руки у гору, вони и розигнулись. Ну, теперъ принеси намъ напиться.—Винъ пишовъ принисъ.—Пый, кажуть.—Винъ напився.—А шо, теперъ чуешь силу?—Чую, каже.—Яку?—Та увесь свитъ бы повернувъ.—Ну, буде съ тебе и третины, иди, батькови помагай.—Отъ Богъ та св. Петро пишли соби дали.

а Илья пророкъ пишовъ до батька на ниву. Та йде писками, а дубы таки страшенни стоятъ, то винъ ихъ и валя, а батько та мати якъ побачили—то, кажуть, нашъ Илья пророка иде, та зъ ляку и повмирали, а Илья пишовъ у розбойники и стильки винъ народу перебивъ, що и счету нема; а разъ убивъ чоловика за пьять копiёкъ, та такъ ёму стало, що пишовъ каятись.—Приходе до попа.—Наложи покуту.—Бий, каже, поклоны, а шо людей ризавъ, то ничого, бо и на вiйни рижуть ще бильшъ.—Винъ взявъ та того попа й убивъ. Пишовъ до другого, и другий такiй-жъ; винъ и того вбивъ. Пишовъ до третёго, такъ той взявъ его та у лёхъ и заперъ. Пидешъ ты, каже, тутъ водою ажъ у Русалимъ. Якъ заперъ тай ключики у море закинувъ. Отъ разъ невидныки ловили рыбу, та й пiймали щуку, роспустили кишки, ажъ тамъ ключи, понесли до попа—той изгадавъ, шо у ёго десь сидить на покути Илiя пророкъ. Отбили ляду, а винъ вже вмеръ та сидить, якъ живый и письмо въ рукахъ держе. Теперъ ёго мощи у Кыеви—кажутъ и порода друга, не така, якъ теперъ, лежить—тильки не забалака».

Духовный стихъ «А въ пустыни трудовникъ трудився» заимствованъ недавно, что обнаруживается въ слабости стиха. Вполнѣ мѣстной и своеобразной является галицко-русская пѣсня:

Эй скаржилось свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати,
Бо зли газдыни понаставали,
Въ пятонку рано хусты зваряли,
А ми на лице золу выливали...

(Голов., т. II, стр. 243).

Здѣсь Пятница, согласно съ общимъ складомъ народныхъ суевѣрiй, жалуется на женщинъ, на домохозяекъ; какъ извѣстно, женщины въ особенности внимательно соблюдаютъ пятницкiе праздники и посты, и потому всякое уклоненiе ихъ въ сторону отъ освященнаго вѣками обычая уже вызываетъ неудовольствiе, жалобы и мщенiе со стороны Пятницы.

Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ принадлежитъ къ числу тѣхъ апокрифическихъ сказаній, которыя составились на Востокѣ еще въ первые вѣка христіанства и получили широкое распространеніе на католическомъ западѣ и среди православныхъ славянъ, причемъ древнѣйшіе списки сказанія о 12 пятницахъ, французскій и сербскій, относятся къ XIV ст. А. Н. Веселовскій въ IV ч. Опытовъ по исторіи развитія христіанской легенды, въ 185 т. Журн. мин. народ. просв. 1876 г., раздѣляетъ сказанія о 12 пятницахъ на двѣ редакціи: Элевѳерьевскую, извѣстную только по славянскимъ рукописямъ, и Климентовскую, извѣстную по европейскимъ и русскимъ рукописямъ и по русскимъ духовнымъ стихамъ. Разница между этими редакціями обусловливается различнымъ распредѣленіемъ чтимыхъ пятницъ по большимъ праздникамъ, причемъ въ элевѳерьевской группѣ сказаній преобладаютъ воспоминанія ветхозавѣтныя, а въ климентовской группѣ новозавѣтныя. «Русскія редакціи Климентовскаго сказанія, говоритъ А. Н. Веселовскій, представляютъ ту особенность, что соблюденіе пятницъ, распредѣленныхъ по главнымъ годовымъ праздникамъ, связано для каждой изъ нихъ съ обѣщаніемъ вѣрующему особыхъ преимуществъ. Эти преимущества либо обобщены изъ содержанія праздника, которому предшествуетъ та или другая пятница, либо заимствованы изъ области народныхъ примѣтъ и суевѣрій, привязавшихся къ тому или другому дню или времени года». Такъ, первая мартовская пятница соединялась съ памятью объ убійствѣ Авеля, и вотъ соблюдающимъ ее обѣщано сохраненіе отъ напраснаго убійства; ильинская пятница (6, иногда 7, либо 8) сопровождается обѣщаніемъ охранить человѣка, соблюдающаго ее, отъ огня, пламени и грома, и пр. Частнѣе эти особенности означаются въ сказаніяхъ о каждой изъ 12 пятницъ, а такихъ сказаній извѣстно въ печати три: одно напечатано въ «Общерусскомъ Дневникѣ» Петрушевича (Львовъ, 1865 года), другое, записанное въ подольской губерніи Степ. Руданскимъ, напечатано въ «Малороссійскихъ народ. преданіяхъ» Драгоманова, стр. 144—145, третье записанное въ черниговской губерніи отъ кобзаря Павла Братыци, издано во 2 т. Записокъ Юго-Зап. отд. геогр. общ., стр. 116—118. Распредѣленіе и значеніе пятницъ въ этихъ редакціяхъ сказанія различно, а именно:

Первая пятница на первой недѣлѣ великаго поста (Петруш., Руд. и Брат.). Награда: человѣкъ не будетъ убогимъ (Руд.); будетъ сохраненъ отъ «скверности и болизности» (Бр.). Тоже въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ въ «Калѣкахъ, т. VI, стр. 132 и др.

Вторая пятница передъ Благовѣщеніемъ (Брат. и Петруш.); Свѣтлымъ Воскресеніемъ (Руд.). Награда—огражденіе отъ скоропостижной смерти. Тоже въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ, въ «Калѣкахъ», т. VI, стр. 134 и др.

Третья страстная (Петруш. и Брат.); вознесенская (Руд.). Награда: «не буде смутку мати» (Руд.); избѣгнетъ неправаго суда (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: сохраненъ будетъ отъ непріятеля и кровопролитія.

Четвертая георгіевская, святодуховская или вознесенская (Петруш.), вознесенская (Брат.), троицкая (Руд.). Награда: не утонетъ (Руд.), сохраненъ будетъ отъ «сумертвленія» (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ потопленія.

Пятая святодуховская (Петруш. и Брат.), петро-павловская (Руд.). Награда: избавленіе отъ напасти (Руд.), потопа (Брат.) Въ великорусскихъ стихахъ—отъ меча, лѣснаго заблужденія, скорпійнаго змія, зубной боли, лихорадки, смерти непокаянной, потопа, плѣна (Безсон., т. VI, стр. 129—160)

Шестая передъ Петровымъ днемъ или передъ Рождествомъ Іоанна Предтечи (Петруш.), ильинская (Брат.), спасовская (Руд.). Награда: сохраненіе отъ грома (Брат.); «въ грихахъ смертельныхъ не умре» (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ огня, пожара и грома.

Седьмая успенская или ильинская (Петруш.); успенская (Брат. и Руд.). Награда: охраненіе отъ лихорадки (Брат.); увидитъ передъ смертью пресв. Богородицу (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ бѣдности, разбойниковъ, потопа, лихорадки, всѣхъ грѣховъ.

Восьмая передъ Усѣкновеніемъ Главы Іоанна Крестителя (Петруш. и Брат.), успенская (Петруш.), или передъ Рождествомъ пресв. Богородицы (Руд.). Награда: охрана отъ враговъ и меча. Въ великорусскихъ стихахъ: лихорадки, нужды, печали, бѣдности.

Девятая воздвиженская или козьмо-демьянская (Петруш. Руд. и Брат.). Награда: не будетъ муки (Руд.), охрана въ дорогѣ (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: отъ боли головной и зубной.

Десятая по Воздвиженіи или предъ архангеломъ Михаиломъ (Петруш., Руд. и Брат.). Награда: охрана отъ звѣря (Брат.), избавленіе отъ грѣховъ (Руд.). Въ великорусскихъ стихахъ: передъ смертью узритъ Богородицу, избѣгнетъ отъ скоропостижной смерти звѣря.

Одиннадцатая передъ Андреевымъ днемъ или передъ Рождествомъ Христовымъ (Петруш. и Брат.), покровская (Руд.). Награда: въ книгу небесную запишутъ (Руд.), избавленіе отъ напасти (Брат.). Въ великорусскихъ стихахъ: охраненъ будетъ отъ зноблёнои смерти отъ морозу, узритъ Богородицу.

Двѣнадцатая по Рождествѣ Христовѣ или передъ Богоявленіемъ Господнимъ (Петруш., Брат. и Руд.). Награда: охрана отъ вѣтра и лютыхъ морозовъ (Брат.); Господь возьметъ душу на небо (Руд.). Тоже и въ великорусскихъ стихахъ.

Сравнительный обзоръ великорусскихъ и малорусскихъ духовныхъ стиховъ о 12 пятницахъ обнаруживаетъ большое между ними сходство, почти тождественность, и съ значительной долей вѣроятности можно сказать, что въ Малороссіи повторяются великорусскіе духовные стихи о 12 пятницакъ, при отсутствіи мѣстныхъ и своеобразныхъ. По крайней мѣрѣ, можно положительно утверждать, что псальма про 12 пятницъ Павла Братыци зашла на югъ изъ сѣверной Россіи, такъ какъ самый языкъ псальмы мѣстами, особенно въ концѣ, сохраняетъ вполнѣ великорусскій складъ, напримѣръ:

Встаньте вы, братья, да и послушайте,
Приходить вы, братья, ко святой церкви,
Создавайте вы милостыню неосужденную, незговоренную;
Зговорена милостыня не польза души.

Въ великорусскомъ варіантѣ стиха, записанномъ въ орловской губерніи, читаемъ:

Друзья-братія, подавайте милостыню незаговоренную,
Незаговорную и незаклеветенную

(«Калѣки перехожіе» т. VI, стр. 143).

Псальма Братыци оканчивается словами, что изъ ребенка, зачатаго въ одну изъ перечисленныхъ пятницъ, выйдетъ воръ и разбойникъ. Слова эти повторяются въ десяти варіантахъ великорус-

скаго духовнаго стиха о 12 пятницахъ, изъ общаго числа 12 варіантовъ, напечатанныхъ въ VI вып. «Калѣкъ перехожихъ».

36—38.

Стихи о грѣшной душѣ. Адъ. Рай.

Въ числѣ древнихъ апокрифовъ встрѣчается «Хожденіе ап. Павла по мукамъ», иначе называемое «Откровеніе апост. Павла», «Слово о видѣніи апост. Павла» или просто «Видѣніе апост. Павла». Апокрифъ этотъ былъ уже сильно распространенъ въ IV вѣкѣ. Въ средніе вѣка онъ пользовался большой популярностью. Ближайшее сходство съ «Павловымъ видѣніемъ» имѣетъ «Видѣніе Филиберта» X в. Данте говоритъ о сошествіи апост. Павла въ адъ во второй пѣснѣ «Божественной Комедіи». Въ Россію «Видѣніе апост. Павла» проникло изъ Византіи черезъ южно-славянскія земли, привилось на русской почвѣ и пустило глубокіе корни въ народную словесность. «Видѣніе апост. Павла» распадается на три части, и каждая изъ нихъ имѣетъ важное и самостоятельное значеніе въ исторіи русской, въ частности въ исторіи южно-русской народной словесности.

Въ первой части, превосходной по мысли и изложенію, солнце, мѣсяцъ и земля жалуются Богу на беззаконія человѣка. Богъ говоритъ, что за дѣлами людей слѣдятъ ангелы. Богъ не караетъ людей, потому что они могутъ еще покаяться. Этотъ апокрифическій мотивъ нашелъ мѣсто въ народной поэзіи, въ великорусскихъ, преимущественно раскольничьихъ духовныхъ стихахъ о плачѣ земли и въ разсмотрѣнной уже нами галицко-русской царинной пѣснѣ «Війте дѣвойки». Кромѣ того, я ранѣе уже указалъ, что этотъ мотивъ выразился въ одномъ изъ посланій Іоанна Вишенскаго.

Во второй части «Видѣнія апостола Павла» ангелъ показываетъ апостолу Павлу души праведныхъ и грѣшныхъ послѣ смерти. Ангелъ осторожно беретъ душу праведнаго и говоритъ ей: «душе, познай свое тѣло, отнюду же изыде, достоить ти паки обратитися», затѣмъ онъ оберегаетъ ее въ небесныхъ мытарствахъ. Грѣшная душа, вышедши изъ тѣла, встрѣчаетъ демоновъ; добрые ангелы сторонятся отъ нея, проклинаютъ ее, потому что душа эта заботилась на землѣ только о ѣдѣ и питьѣ и грѣшила (Тихонравов., т. II,

стр. 42—45). Выдающійся мотивъ второй части апокрифа—разставаніе души съ тѣломъ—развитъ въ византійскомъ житіи Василія Новаго. Этотъ мотивъ повторяется во многихъ письменныхъ устныхъ памятникахъ русской словесности, чаще всего въ синодикахъ, или поминальныхъ книжкахъ, и въ духовныхъ стихахъ о Лазарѣ и о грѣшной душѣ. Небольшой духовный малорусскій стихъ о разставаніи души съ тѣломъ находится въ сборникѣ пѣсенъ Вересая (стр. 22), стихъ безцвѣтный.

Въ одномъ варіантѣ стиха о Лазарѣ душу праведнаго ангелы берутъ изъ тѣла осторожно, «изъ тиха тихенько», а душу грѣшнаго демоны берутъ «лівымъ бокомъ зализнымъ крюкомъ» (рукоп. сборн. Манжуры). Эти подробности представляютъ общее мѣсто въ духовной письменности и въ миніатюрахъ, напримѣръ, въ миніатюрахъ праведныхъ во 2 т. «Историч. очерковъ» Ѳ. И. Буслаева (Рис. къ л. л. 121, 151, 153). Въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ праведную душу вынимаютъ ангелы «честно и хвально въ сахарны уста», а грѣшную берутъ демоны «нечестно и нехвально скрозь реберъ его». Малорусскій стихъ о Лазарѣ повидимому подвергся вліянію великорусскихъ пѣсенъ этого рода, а варіантъ г. Манжуры представляетъ близкое по содержанію переложеніе великорусскихъ духовныхъ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ. Лучшія малорусскія пѣсни о грѣшной душѣ записаны въ Галиціи. Такъ въ одной галицкой щедровкѣ Господь съ ключами въ рукахъ:

Рай видмыкае,
Души впускае.
Ено едной нё допускае,
Що отця, матерь
Не за що мае,
Старшого брата
Позневажала,
Старшу сестройку
Споличкивала... (Гол., т. II, стр. 158).

Въ другой галицко-русской пѣснѣ, попавшей въ сборникъ г. Головацкаго въ отдѣлъ думъ господарскихъ и скотарскихъ, поется: «попидъ небомъ е стежейка». По этой дорожкѣ пришли къ раю двѣ праведныхъ души и одна грѣшная. Св. апостолъ Петръ отперъ

райскія двери и пропустилъ праведныя души, а грѣшную завернулъ назадъ. Божія Матерь проситъ Спасителя пустить грѣшную душу въ рай: «най тамъ буде хочъ изъ краю». Но Спаситель отказалъ Богоматери въ просьбѣ, потому что душа очень грѣшная:

Вона до церкви не ходила,
Поклонъ нигды не вдарила,
А ни посту не постила,
А на брата чары брала,
А на сестру мечь зрывала (стр. 235).

...въ пятницу танцёвала,
Въ субботу ся не вмывала,
А въ недѣлю поснѣдала,
Тай до церкви не ходила (стр. 236).

Въ галицко-русской колядкѣ:

Ой въ раю, въ раю Ангели грають,
Лемъ святый Петро тако й не грае,
Бо его мати ажъ на днѣ въ пеклѣ.
«Позвѣдуй же ся та й святый Петре,
Та й святый Петре своей маточки!
Ци сила дала во имья Боже»?
«Эй я не дала, лемъ пивъ-повисма,
Лемъ пивъ-повисма, пивъ-плосконного».
Складуй же ты ихъ до волокенця,
Подай же ты ихъ на дно до пекла,
Ой стане она ся того хапати».
Подавъ же Петро на дно до пекла,
Стала она ся того хапати,
Стали ся на ню душки вѣшати,
Стала ся она отриповати:
«Эй гетьте, гетьте: бо вы не дали,
Бо вы не дали во имья Боже»!
Святый Петро ставъ, тяжко заплакавъ:
Эй, мати жъ моя та й проклятая!
Не творила-сь добре, то южь и не будешь;
Не вышла-сь съ пекла, та южъ не выйдешь».
Голов., т. II, стр. 45).

Очень сходные прозаическіе разсказы находятся въ первомъ томѣ Записокъ о южн. Руси П. А. Кулиша, стр. 307—308 и въ Филол. зап. 1878 г. т. IV, стр. 101. Здѣсь старый титарь Онисимъ хочетъ вытащить изъ ада свою мать, взявши за луковицу, которую она однажды дала нищему. Мать держалась за «стрѣлочку» луку; но грѣшныя души прицѣпились къ ея плахтѣ и намиткѣ, «стрѣлка» перервалась, и мать снова упала въ горячую смолу. По другому разсказу, души на томъ свѣтѣ сидятъ за столами. «Хто старцямъ подававъ милостыню, то все попередъ имъ и лежить: чи кильце ковбаски, чи шматокъ хлиба».

Эти и подобныя имъ сказанія о грѣшной душѣ вводятъ насъ уже въ отдѣлъ многочисленныхъ сказаній объ адѣ и адскихъ мученіяхъ. Сказанія объ адскихъ мученіяхъ опираются преимущественно на третью часть «Видѣнія апостола Павла». Здѣсь апостолъ Павелъ осматриваетъ рай и адъ, причемъ подробно описываются мученія грѣшниковъ. Грѣшники мучатся въ огненной рѣкѣ, одни до колѣнъ, другіе до пояса, третіи до устъ, четвертые погружены еще глубже. Кромѣ того, грѣшники находятся въ зловонномъ колодцѣ, иные безъ рукъ и безъ ногъ; ихъ бьютъ демоны, ѣдятъ черви, причемъ степень и свойство муки опредѣляется характеромъ грѣха (см. Тихонравова, Памят. отреч. литер., т. II, стр. 48—58). Подъ вліяніемъ «Видѣнія апостола Павла» и нѣкоторыхъ другихъ апокрифовъ, напримѣръ, евангелія Никодима, гдѣ говорится о сошествіи Іисуса Христа въ адъ, возникла обширная, особенно въ западной Европѣ, литература сказаній о загробныхъ странствованіяхъ праведныхъ и грѣшныхъ. А. Н. Веселовскій въ статьѣ «Данте и символическая поэзія католичества» (IV т. Вѣстника Европы 1866 г., стр. 167—190) приводитъ много западныхъ легендъ о схожденіяхъ въ адъ. Кромѣ того, обширную литературу предмета мы находимъ въ «Dictionnaire des legendes du christianisme» Миня и въ «Croyances et legendes de l'antiquite» Альфреда Мори. Въ южной Руси христіанскія легенды о схожденіи Спасителя, апостола Павла, святыхъ угодниковъ Божіихъ и даже простыхъ смертныхъ въ адъ, о возвращеніи ихъ и разсказахъ объ адскихъ мученіяхъ получили большое распространеніе, быть можетъ, не только подъ византійскими и юго-славянскими вліяніями, но и подъ вліяніемъ католическаго запада. Въ Малороссіи сильно распростра-

нено повѣрье объ «обмираніи» людей, или временномъ прекращеніи жизни и посѣщеніи рая и ада. Иногда старики и старухи совершенно серьёзно передаютъ о томъ, что они «обмирали», были въ раю и въ аду и видѣли награды за добрыя дѣла и наказанія за дѣла злыя. П. А. Кулишъ, отмѣтившій это любопытное явленіе народной жизни въ «Зап. о южн. Руси» (т. I, стр. 303), замѣчаетъ при этомъ, что разсказчики и разказчицы не сознаютъ свой обманъ. «Образы мукъ и радостей загробныхъ, говоритъ г. Кулишъ, напечатлѣны у нихъ въ воображеніи съ дѣтства... Можно представить себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на простые умы свидѣтельство старика или старухи, только что возвратившейся съ того свѣта. Ужасъ и удивленіе не даютъ мѣста недовѣрчивости. Слушатели на всю жизнь сохраняютъ убѣжденіе въ справедливости фантастическаго разсказа и, если съ кѣмъ нибудь изъ нихъ случится обмиранье, онъ въ болѣзненномъ состояніи мозга легко можетъ выдавать то, что рисовало ему нѣкогда воображеніе, за видѣнное на томъ свѣтѣ». Повѣрья этого рода любопытны въ особенности потому, что доказываютъ, какъ сильно вліяетъ письменность, въ частности апокрифическая литература, на народную мысль. При этомъ встрѣчаются черты древняго славянскаго язычества, религіозно-миѳическаго міровоззрѣнія, черты, вплетенныя въ христіанско-апокрифическія рамки, напримѣръ, представленіе души умершаго птицей (Зап. о южн. Руси, т. I, стр. 905). Малорусскіе народные разсказы о мукахъ грѣшниковъ довольно своеобразны; напримѣръ:

«Браты побились, йдучи степомъ... То Богъ и сказавъ: «нехай же стануть вони собаками и грызутьця, поки не буде ïхати Мартиримянъ» (?) (Кулишъ, т. I, стр. 306).

Въ степи глубокая яма. Пролѣзть черезъ нее, и будетъ другой свѣтъ (т. I, стр. 306). Дантовская подробность, соотвѣтствующая глубокому колодцу Павлова Видѣнія.

Богатые, не помогавшіе бѣднымъ, обращены въ воловъ. Они стоятъ въ большой травѣ, но не могутъ ею питаться, и потому тощи, бѣдные обращены въ воловъ жирныхъ на безплодной нивѣ (т. I, стр. 306). Можетъ быть въ связи съ этимъ разсказомъ находится замѣчаніе Котляревскаго въ «Энеидѣ», что Цирцея обернула малороссовъ въ воловъ.

Человѣкъ, не принявшій зимой въ хату прохожаго, который замерзнулъ подъ плетнемъ, горитъ между двумя дубами и еще жалуется, что ему холодно, что онъ замерзаетъ (т. I, 307).

Человѣкъ, не давшій въ спасовскую жару прохожему напиться, лежитъ послѣ смерти въ аду около колодца; вода течетъ ему черезъ ротъ, и онъ испытываетъ страшную жажду (т. I, стр. 307).

Человѣкъ, не захотѣвшій жениться на той дѣвушкѣ, которая назначена была ему Богомъ («Богъ пары паруе», какъ языческій Родъ), стоитъ въ аду по поясъ въ горячихъ угольяхъ (т. I, 309).

Разбойникъ наказанъ такимъ образомъ, что онъ носитъ змѣй и его подгоняютъ демоны (т. I, стр. 309).

Дивчина, которая во время обѣдни наряжалась, а въ будни ходила не умывшись и не расчесавъ косы, обращена въ лихорадку (Филол. зап. 1870 г., т. IV, стр. 5).

Мужикъ, кравшій въ праздникъ во время обѣдни куръ и гусей, обращенъ въ змѣя съ курами и гусями на спинѣ, хвостомъ и крыльями (Филол. Зап. 1870 г., т. IV, стр. 3, 5). Этотъ разсказъ напоминаетъ общее средневѣковое представленіе сатаны въ видѣ громаднаго змѣя.

Не трудно замѣтить, что наказаніе опредѣляется грѣхомъ, причемъ человѣкъ, обидѣвшій своего ближняго, терпитъ ту же обиду въ аду, только въ гораздо большей степени: не пріютившій зимой прохожаго мерзнетъ въ аду, не напоившій лѣтомъ странника въ аду испытываетъ жажду и т. д.

Въ обрисовкѣ рая и райскихъ блаженствъ народная фантазія, равно какъ фантазія отдѣльныхъ поэтовъ, не обнаружила той силы и изобрѣтательности, что въ обрисовкѣ ада и адскихъ мученій. Извѣстно, что даже у Данте въ виду неизреченныхъ откровеній неба подломились крылья фантатіи, и Рай Данте вышелъ въ художественномъ отношеніи слабѣе Ада. Въ «Видѣніи Альберика» первой половины XII вѣка подробно описываются адъ и чистилище, но затѣмъ Альберикъ говоритъ, что не можетъ разсказать того, что видѣлъ въ раю (Веселов., Вѣстн. Евр. 1866 г. т. IV, стр. 188). Такая же оговорка находится въ посланіи новгородскаго архіеп Василія († 1352 г.) о земномъ раѣ. Въ «Видѣніи апостола Павла» объ адѣ и адскихъ мученіяхъ говорится втрое болѣе, чѣмъ о раѣ и райскихъ блажснствввхъ. При всемъ томъ, описаніе рая въ Павло-

вомъ Видѣніи представляется весьма важнымъ въ исторіи литературы и искусства, такъ какъ это древнее и содержательное описаніе оказало большое вліяніе на литературныя и художественныя изображенія рая на католическомъ западѣ и православномъ востокѣ. У воротъ рая стоятъ два золотыхъ столба; на нихъ скрижали, гдѣ записаны праведные. Градъ Христовъ стоитъ на островѣ посреди озера. Онъ окруженъ съ четырехъ сторонъ рѣками; одна рѣка медовая, другая молочная, третья масленная, четвертая изъ вина. На берегахъ рѣкъ растутъ финиковыя пальмы. Въ раю на высокомъ престолѣ Давидъ славитъ на гусляхъ Бога, и лицо Давида подобно солнцу (Тихонравовъ, т. II, стр. 47—48). Малорусскія простонародныя иредставленія о раѣ не представляютъ чего-либо своеобразнаго. Обычно представленіе рая въ видѣ прекраснаго сада (Чуб., т. I, стр. 195). Встрѣчается представленіе рая въ видѣ веселаго и свѣтлаго лѣса. Въ этомъ лѣсу стоитъ хорошая хата, гдѣ живетъ Спаситель. Потолокъ и стѣны хаты украшены иконами; по срединѣ столъ. Ангелы летаютъ около хаты и поютъ пѣсни. Вблизи большой столъ, за которымъ сидятъ праведники и вкушаютъ просфиры и паляницы, и райское дерево съ цвѣтами. Маленькія дѣти летаютъ вокругъ дерева, срываютъ цвѣты и кладутъ ихъ себѣ за пазуху. «Якихъ мати пидперезала, такъ у тихъ вони и держатьця, а якихъ ни, такъ у тихъ падають, а Мати Божа втишается ими, и отъ яке тамъ товкне друге, такъ вона и пригрозыть пальчикомъ (Филол. зап. 1860 г., т. IV, стр. 4). Эта любопытная черта народнаго сентиментализма, точнѣе сказать, черта искренняго семейнаго чувства, придающая Пресвятой Дѣвѣ Маріи нѣжный характеръ женственности, повторяется съ небольшимъ измѣненіемъ въ другомъ народномъ разсказѣ. Обмиравшая старуха говоритъ одной опечаленной женщинѣ, потерявшей двухъ дочерей, что она была въ раю и «бачила и Ганнусю, бачила й Катрусю». Пани ажъ зъ лижка скочила: «Що жъ вони тамъ роблять»?—«Мати Божа панчишку плете, а вони передъ нею золоти клубочки держать». Такъ таки и каже: «Мати, каже, Божа панчишку плете (т. е. чулки вяжетъ), а вони передъ нею золоти клубочки держять» (Кулишъ, Зап., т. I, стр. 305).

39.

Сказаніе о Рахманахъ.

Въ ряду малорусскихъ народныхъ сказаній о раѣ и блаженныхъ людяхъ видное мѣсто занимаетъ сказаніе о рахманахъ и о рахманскомъ Великоднѣ. Съ этимъ сказаніемъ мы встрѣчаемся уже на первыхъ страницахъ древней, приписываемой Нестору лѣтописи, причемъ указанъ и византійскій источникъ сказанія, или точнѣе, одинъ изъ его византійскихъ источниковъ, хроника Георгія Амартола: «Глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи... законъ же Вактріянъ, глаголеми Врахмане и островницы, еже отъ прадѣдъ наказаньемъ благочестіемъ, мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакоя же злобы творяще, страха ради многа Божія (Лѣтоп. по Лавр. сп , стр. 14). Фантастическое сказаніе о блаженной жизни брахмановъ, или индійскихъ браминовъ, обращенныхъ въ христіанскихъ легендахъ въ образцовыхъ христіанъ, подробно передается въ «Хожденіи Зосимы къ Рахманомъ», изданномъ г. Тихонравовымъ по двумъ спискамъ, по рукописи XIV в. и по рукописи XVII в., буквально сходныхъ (Памят. отреч. литер. т. II, стр. 78—92). Преп. Зосима 40 дней не вкушалъ пищи и просилъ Бога показать ему страну блаженныхъ. Желаніе его было исполнено. Сначала верблюдъ перенесъ его черезъ пустыню; затѣмъ вѣтеръ принесъ его къ рѣкѣ, за которой жили блаженные. Перебравшись черезъ рѣку съ помощью громадныхъ деревьевъ, наклонившихъ съ одного берега на другой свои верхушки, пр. Зосима вступилъ въ землю рахмановъ и пробылъ среди нихъ семь дней. Рахманы днемъ и ночью пребываютъ въ молитвѣ. Они питаются плодами земли и пьютъ сладкую воду, вытекающую изъ подъ корня одного дерева. Нѣтъ у нихъ ни винограда, ни желѣзныхъ сосудовъ, ни ножей желѣзныхъ, ни домовъ, ни огня, ни золота и серебра, нѣтъ и одежды. Приживъ съ женой двухъ дѣтей, рахманы разводятся и живутъ далѣе цѣломудренно. Они спятъ въ пещерахъ на землѣ, устланной древесными листьями. Ангелы сообщаютъ рахманамъ о праведныхъ и грѣшныхъ людяхъ на земли, сколько кому назначено лѣтъ жизни, и рахмане молятся за людей, потому что, какъ сказали они Зосимѣ, «мы отъ вашего рода есмы». Въ посту рахмане вмѣсто древесныхъ плодовъ питаются манной, спадающей съ неба, и толь-

ко поэтому судятъ о перемѣнѣ времени. «Егда жъ приближится день Воскресенія Господня, тогда пустятъ древа плоды добровонны и тако разумѣемъ, яко начало лѣта бываетъ; а въ службы мѣсто воскресенія Господня бдѣнія бываютъ у насъ: пребываемъ бдяща три дни и три нощи». Рахмане живутъ отъ 100 до 360 и даже до 1800 лѣтъ. Они знаютъ время своей кончины и умираютъ безъ болѣзни и безъ страха. Ангелы возносятъ души умершихъ рахмановъ къ Господу Богу. Душа кланяется Богу и затѣмъ идетъ «на мѣсто покойно». Рахмане составили описаніе своего блаженнаго житія, передали его Зосимѣ и дружелюбно проводили его до рѣки.

Сказанія о рахманахъ въ южной Россіи проникли въ глубь народа, причемъ особенно привилась къ южно-русской почвѣ частность о рахманскомъ свѣтломъ праздникѣ. Въ литинскомъ уѣздѣ говорятъ, что рахманы—христіане. Они не имѣютъ собственнаго счисленія времени и потому празднуютъ Пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ скорлупа яйца. Вслѣдствіе этого существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, которыя доплываютъ къ рахманамъ черезъ три съ половиною или четыре недѣли, и рахмане тогда празднуютъ Пасху (Чуб., т. I, стр. 220). Искаженіемъ повѣрья представляется дополнительная черта, что рахманы живутъ подъ землей (ib. т. I, стр. 220). Въ Галаціи существуетъ повѣрье, что скорлупы, доплывъ въ рахманскую страну, обращаются въ яйца, и каждое яйцо идетъ на 12 рахмановъ, питающихся отъ него въ теченіи года. Пуская скорлупу на воду, сохраняютъ молчаніе или приговариваютъ: «плыньте въ рахманьски краи». На рахманскій велыкдень, бывающій въ среду на четвертой недѣли послѣ Пасхи, не работаютъ. Говорятъ, что въ галицкомъ селеніи Гарасимовѣ однажды въ этотъ день мужикъ выѣхалъ поле орать. Онъ провалился подъ землю вмѣстѣ съ погоничемъ, плугомъ и волами, и если въ день рахманскаго свѣтлаго праздника приложить ухо къ землѣ, то можно слышать крики погонича о помощи. Въ селѣ Чортовцѣ говорятъ, что въ этотъ день слышенъ колокольный звонъ отъ провалившейся подъ землю церкви. Баба, мывшая бѣлье на рахманскій велыкдень, умерла на другой день (Kolberg, Pokicie т. I, стр. 199). На Украйнѣ на рахманскій велыкдень ломаютъ березовыя вѣтки, приписывая имъ цѣлебное

значеніе («правятъ кость») рахманскій велыкдень называется въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи «правой середой».

Разные домыслы ученыхъ о значеніи словъ «рахмане, рахманскій», доводы большею частью неосновательные, приведены въ «Pokucie» Кольберга, т. I, стр. 199, 351—353. Слово рахманы, очевидно, представляетъ небольшое искаженіе слова брахманы, браманы или брамины. Сказаніе о блаженныхъ и мудрыхъ рахманахъ есть дань уваженія европейцевъ, въ частности русскаго народа, къ мудрости индійскихъ жрецовъ, дань, вполнѣ заслуженная послѣдними, если принять во вниманіе, какъ много индійскихъ повѣстей и сказаній перешло въ Европу, въ частности въ Россію, и занимало мысль и фантазію народа въ теченіи многихъ вѣковъ, вплоть до настоящаго времени.

40.

Исторія о женѣ Майдонѣ

Издана Макушевымъ въ Журн. мин. нар. просв. 1881 г., т. IX, стр. 96—97 и Калитовскимъ въ «Рус. апокриф. литер.» 1884 г., стр. 35—38. Исторія эта занимаетъ среднее мѣсто между повѣстью и апокрифомъ. Въ цѣломъ она имѣетъ повѣствовательный характеръ, но отдѣльныя ея части напоминаютъ съ одной стороны апокрифическія сказанія объ Антихристѣ, съ другой—одно мѣсто въ «Хожденіи апостоловъ».

Содержаніе «Исторіи о женѣ Майдонѣ, царицѣ безбожной и бестіальной», состоитъ въ слѣдующемъ: злая и распутная Майдона будетъ царствовать при кончинѣ міра. Она будетъ преслѣдовать христіанскую вѣру и кощунствовать надъ крестомъ Христовымъ и св. иконами. Сама развратная, она будетъ насильственно распространять развратъ между людьми. Въ царствованіе ея умножатся убійства, наступитъ голодъ, моръ и иныя бѣдствія. Майдона будетъ царствовать четыре года. Она будетъ называться не только царицей, но и богиней и станетъ кощунствовать надъ самимъ Богомъ. Тогда Богъ пошлетъ архангела Михаила, который схватитъ ее за волосы, подниметъ высоко, подрѣжетъ серпомъ волосы, ударитъ скипетромъ по головѣ и съ большимъ шумомъ погрузитъ ее въ море, до самаго ада, куда она пойдетъ на вѣчныя муки. Видя это, люди начнутъ молиться и каяться въ своихъ грѣхахъ.

Макушевъ, судя по имени царицы и многимъ полонизмамъ, высказалъ мнѣніе, что «Исторія о Майдонѣ» западнаго (италіанскаго) происхожденія и перешла въ южную Русь, вѣроятно, черезъ Польшу въ концѣ XVI ст. или нѣсколько позже, когда между Короною и Литвою установилась тѣсная связь, усилилось на южной Руси польское вліяніе и порча нравовъ.

Сказаніе о Майдонѣ сохранилось только въ небольшомъ рукописномъ сборникѣ библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, откуда и было извлечено для печати Макушевымъ и потомъ Калитовскимъ, причемъ въ изданіи г. Калитовскаго есть пропуски словъ и фразъ. Повидимому, исторія о Майдонѣ не пользовалась большимъ распространеніемъ и не оказала вліянія на народную словесность. Нельзя сказать, чтобы самая «Исторія о Майдонѣ» была совсѣмъ свободна отъ вліянія народной поэзіи. Въ изложеніи беззаконій обнаруживаются слѣды стихотворнаго склада, происшедшіе, можетъ быть, отъ того, что русскій переписчикъ или читатель изложилъ это мѣсто рукописи въ духѣ и складомъ извѣстнаго ему духовнаго стиха. Въ «Исторіи о Майдонѣ», послѣ указанія на усиленіе ссоръ, ненависти, грабежей, говорится: «Увы мнѣ, міре мѣзерный! хто бы мѣлъ по достатку описати твои злости; прочее жъ помолчу и слезами затру, узявши отъ стараго пророка ажъ до самаго малого отрока, не знайдешь въ томъ злосливомъ мірѣ, абы хто билъ безъ порока. Днесь бо не токмо короли и цари, князи и пани и простіи люде у блотѣ ся валяютъ и въ лукавствѣ кохаютъ».

Относительно способа наказанія Майдоны сходную черту находимъ, какъ мы замѣтили выше, въ «Хожденіи апостоловъ». Жители одного города, не желая принять апостоловъ, поставили въ воротахъ нагую блудницу. Св. ап. Андрей обратился къ Богу съ молитвой: «Господи Іисусе Христе, пусти Михаила архистратига, да обиситъ (т. е. повѣситъ) жену сію за власы на аере» (Тихонравовъ, т. II, стр. 9).

Отъ личнаго имени развратицы Майдоны, повидимому, произошло одно бранное, неприличное въ печати, слово, прилагаемое въ Малороссіи къ распутнымъ женщинамъ.

41.

Сказанія объ антихристѣ.

Сказанія объ антихристѣ опираются на откровеніе св. Іоанна. Извѣстно, что содержаніе Апокаликсиса св. Іоанна не отличается ясностью и что нѣкоторые отцы и учители церкви, напримѣръ, св. Епифаній и св. Григорій Нисскій, относили эту книгу въ разрядъ апокрифовъ (Христ. чтеніе 1871 г., т. I, стр. 55). Толкованія на Апокаликсисъ содѣйствовали отчастію развитію образа антихриста. Еще болѣе этому развитію содѣйствовали историко-бытовыя обстоятельства, религіозныя гоненія и борьба сторонниковъ разныхъ вѣроисповѣданій. Въ XVI и въ особенности въ XVII ст. въ Руси, какъ литовской, такъ и московской, идея о наступившемъ или близкомъ пришествіи антихриста сильно развилась, въ Малороссіи подъ вліяніемъ уніи и религіозныхъ гоненій со стороны католиковъ, въ Великороссіи подъ вліяніемъ раскола и открытаго патр. Никономъ гоненія на защитниковъ старопечатныхъ книгъ и обряднаго старовѣрства. Южно-русскія, составленныя православными, сочиненія объ антихристѣ проникли въ Великороссію и углубили раскольническія представленія объ антихристѣ. Въ южной Руси подъ вліяніемъ борьбы съ папствомъ выработался мистико-апокалипсическій взглядъ на Римъ, какъ на царство антихриста. Съ особенной силой взглядъ этотъ выразился въ толкованіи XV слова св. Кирилла іерусалимскаго объ антихристѣ Стефана Зизанія 1596 г. и въ Словѣ объ антихристѣ въ концѣ «Книги о вѣрѣ». Въ доказательсво того, что римскій папа есть антихристъ, Стефанъ Зизаній указываетъ на стремленія папъ подчинить себѣ царей и царства, измѣнить календарь и искоренить православіе. Авторъ «Книги о вѣрѣ» повторяетъ эти доводы, причемъ называетъ папъ предтечами антихриста и говоритъ, что появленіе самого антихриста должно состояться въ 1666 году. Южно-русскіе писатели сошлись съ протестантскими писателями въ томъ отношеніи, что подъ именемъ антихриста разумѣли нѣкое боговраждебное царство или рядъ многихъ лицъ, преемственно занимающихъ одно и то же мѣсто и совершающихъ одно и то же богоборное дѣло. Эта точка зрѣнія усвоена отчасти и раскольниками. Православная церковь, какъ извѣстно, учитъ, что антихристъ будетъ одно опредѣленное лице, имѣющее явиться передъ

вторымъ пришествіемъ Христовымъ (Правосл. Собесѣд. 1858 г., т. II, стр. 268). Рядомъ съ протестантскимъ представленіемъ антихриста въ южной Руси уживалось вполнѣ православное, что видно изъ апокрифическаго сказанія «О царствѣ антихристовѣ и днѣхъ послѣднихъ» въ львовскомъ рукописномъ сборникѣ XVIII ст., сказанія, изданнаго г. Калитовскимъ въ «Рус. литер. апокр.», стр. 45—46. Здѣсь говорится о томъ, что антихристъ воцарится при кончинѣ міра и наречетъ себя Богомъ. Онъ начнетъ собирать себѣ слугъ, ложныхъ ангеловъ, апостоловъ, пророковъ, «крылатыхъ шатановъ во плоти», будетъ творить чудеса, низводить съ неба огонь, переставлять горы, воскрешать умершихъ; все это будетъ ложное, совершаться «мечтами и приведеньми дьявольскими». Кто поклонится ему, получитъ на челѣ или на рукѣ знакъ и будетъ пользоваться временными благами, а которые не поклонятся, претерпятъ мученія отъ антихриста и въ послѣдствіи удостоятся вѣчнаго блаженства. Антихристъ возсядетъ въ Іерусалимѣ въ церкви на престолѣ и побываетъ въ Капернаумѣ, Хоразинѣ и Виѳсаидѣ, гдѣ всѣ ему поклонятся, особенно «Жидове, которые чекаютъ его приходу отъ многихъ лѣтъ, тіи ся ему перше поклонятъ и дари богатые отъ него пріймутъ». Антихристъ воцарится на три года; но Богъ сократитъ это время на три дня. Наконецъ, антихристъ прійдетъ въ Римъ и «замордуетъ папежа римскаго, намѣстника святаго апост. Петра и самъ сядетъ на престолѣ». Ему поклонятся турки, татары, жиды, нѣмцы и прочіе народы. Кто не будетъ имѣть на лбу или рукѣ знака антихристова, не будетъ имѣть права ни купить, ни продать что-либо. Пустынниковъ и монаховъ будутъ отыскивать въ пещерахъ и приводить къ антихристу на поклоненіе. Внѣшній видъ антихриста измѣнится; сначала онъ будетъ очень красивый, на другой годъ «огрубѣетъ», а на третій волоса на головѣ и бородѣ уподобятся стрѣламъ, правый глазъ будетъ блестѣть, какъ «зорница», а лѣвый, какъ уголь: палецъ на правой ногѣ будетъ имѣть видъ сломанный, и сдѣлается антихристъ звѣрообразенъ, свирѣпъ и лютъ». Наименованіе папы намѣстникомъ св. ап. Петра даетъ поводъ подозрѣвать въ авторѣ или переписчикѣ сказанія уніата. Въ сказаніи замѣтно стремленіе автора поставить жидовъ въ ближайшія отношенія къ антихристу, стремленіе, достаточно понятное для южно-русса, приходившаго въ постоянныя столкновенія съ евреями, не только

въ экономическомъ отношеніи, какъ нынѣ, но и въ религіозномъ, какъ было, напримѣръ, въ XVII ст., особенно во второй его половинѣ, во время волненія еврейства по случаю появленія въ Смирнѣ лже-мессіи Сабефы.

Подробность о волосахъ антихриста заимствована изъ «Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской». Здѣсь такъ описывается наружность антихриста: «власи главы его остры, яко стрѣлы; око ему десное, аки звѣзда заутри восходящая («зорница» львовскаго сборника), а другое аки лвоу; уста ёму локти; зубы ёму пядь; персти ёму, аки серпи; стопа ногу его пядию двою» (Тихонравовъ, т. II, стр. 176). Другая подробность, о сокращеніи времени господства антихриста съ трехъ лѣтъ на три дня, также заимствована изъ «Вопросовъ Іоанна Богослова», гдѣ сокращеніе времени проведено далѣе: три дня сокращены на три часа, а три часа на три стопы (Тихонравовъ, т. II, стр. 184).

Мрачный образъ антихриста почти не коснулся малорусской народной словесности. Встрѣчаются кое-какія повѣрья объ антихристѣ, но нѣтъ ничего цѣльнаго, яснаго, опредѣленнаго, что отвѣчало бы ярко очерченному образу антихриста раскольнической словесности. Въ простомъ украинскомъ народѣ этнографами найдены общія повѣрья о томъ, что антихристъ воцарится при кончинѣ міра и будетъ мучить людей, заставляя ихъ прыгать черезъ копье и будетъ жарить ихъ на сковородѣ (Чубинскій, т. I, стр. 195).

42.

Сказанія о страшномъ судѣ и кончинѣ міра

наравнѣ съ сказаніемъ объ антихристѣ львовскаго сборника подтверждаютъ тотъ фактъ, что апокрифическіе «Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской» нѣкогда обращались въ южной Руси и пользовались большой извѣстностью. Апокрифъ этотъ изданъ Тихонравовымъ въ двухъ сходныхъ спискахъ, одинъ XV, другой XVI ст. Нужно при этомъ замѣтить, что это одинъ изъ самыхъ крупныхъ апокрифовъ по художественности, ясности и простотѣ, и потому неудивительно, что онъ былъ очень любимъ грамотными людьми, хотя въ Малороссіи и не сохранилось или точнѣе не найдено рукописныхъ его обработокъ и списковъ.

Въ народномъ разсказѣ о страшномъ судѣ говоротся: «якъ буде страшный судъ, то тоди уся земля горитиме и вода кипитиме, а небо скотыться у клубочекъ и впаде до долу, на землю» (Чубинскій, т. I, стр. 221).

Въ пѣснѣ о страшномъ судѣ поется:

Якъ зъийде Христосъ,
Огненніи рики будутъ клекотати
И скверную землю очищати,
Пиднесутся (что ?) подъ небеса...
Ой на штыри части анголи затрублять,
Въ той часъ всихъ умерлихъ въ гробахъ збудять...
На Сафатовой долыни зъийдутся люде.
(Чуб., т. I, стр. 220).

Въ «Вопросахъ Іоанна Богослова» Господь говоритъ: «и тогда пошлю ангела моя святыя и да зажгутъ землю и погоритъ земля лакоть н҃ тысяцъ и ф҃ сотъ въ глубину, и изгорятъ горы великія, и низпадутъ и сокрушатся, изгоритъ все древо, изгоритъ всякъ скотъ и всякъ гадъ ползаяй по земли, и всякая птица, парящая по аеру... И тогда отпечатлѣю четыре части восточныя, изыдутъ 4 вѣтры велиціи и возвѣютъ на лицо всея земли.... и убѣлится земля, яко снѣгъ и яко хартія изравнится, не имуще ни коея же скверны... И пошлеть Господь четырехъ сильныхъ ангелъ съ небеси и возопіютъ веліимъ гласомъ, трубою глаголюще». (Тихонравовъ, т. II, стр. 178—179).

Въ исторіи литературы пріятно останавливаться на такихъ явленіяхъ, въ которыхъ обнаружилась народная фантазія или въ которыхъ раскрылась самостоятельная мысль народа. Къ сожалѣнію, такихъ явленій не много и въ опредѣленіи ихъ требуется большая осторожность. Въ приложеніи къ народнымъ разсказамъ о страшномъ судѣ мы отмѣтимъ только одну, довольно мелкую, но вполнѣ мѣстную и своеобразную подробность. Въ народѣ существуетъ такое повѣрье: «вже мученикъ Иванъ у Кыеви въ печеряхъ по шію въ земли стоить, а якъ увійде зовсимъ у землю, тоди николи буде каятись» (Кулишъ, зап. т. I, стр. 311).

Нельзя, однако, отрицать и того, что опредѣленіе литературныхъ заимствованій представляетъ большой научный и даже бы-

товой интересъ, особенно, когда является возможность точно опредѣлить самый источникъ заимствованія и нѣтъ надобности нагромаживать сравненія и теряться въ гипотезахъ, откуда что пошло. При достаточно точномъ опредѣленіи источника обнаруживается степень устойчивости преданія и основные психологическіе мотивы его измѣненія и принаровленія къ даннымъ, исторически сложившимся условіямъ народнаго быта и міровоззрѣнія.

43

Евангелистая пѣсня.

Въ сборникѣ галицкихъ и угорскихъ народныхъ пѣсенъ г. Головацкаго (т. II, стр. 146—147) находится пѣсня «Дячку, дячку вывченый», съ вопросами, что значитъ одинъ, что два и т. д. до 9 включительно и съ отвѣтами религіознаго характера: одинъ Богъ, два «божихъ святца», три патріарха, четыре евангелиста, пять божихъ ранъ, шесть «грають лелію панянковъ Маріовъ», семь радостей у Бога, восемь свѣчей передъ Богомъ и девять коронъ ангельскихъ. Эта пѣсня встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи подъ названіемъ евангелистой пѣсни. Въ 2 ч. «Калѣкъ перехожихъ» помѣщено четыре великорусскихъ и одинъ балгарскій варіантъ этой пѣсни. Академикъ А. Н. Веселовскій и румынскій ученый Хиждеу указали на очень сходныя пѣсни—румынскую, провансальскія, португальскія, нѣмецкія, польскія, чешскія, кавказскую, латинскую и еврейскую [1]). Къ евангелистой пѣснѣ близко подходятъ сказки съ преніемъ-загадками на такіе же числовые вопросы, причемъ найболѣе типичной сказкой А. Н. Веселовскій считаетъ малорусскую сказку въ Сборникѣ Драгоманова, стр. 56—57, въ которой чортъ даетъ бѣдному человѣку шесть кабановъ на три года, съ условіемъ, что по истеченіи этого времени чортъ предложитъ рядъ вопросовъ, на которые бѣднякъ обязанъ отвѣтить. По мнѣнію г. Веселовскаго, сказка эта существовала изъ-стари и независимо отъ нея издавна былъ въ ходу родъ катехизическаго перечня, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на темы христіанскаго, еврейскаго и, можетъ быть, мусульманскаго вѣроученій: что одинъ?

---

[1]) *Веселовскій*, Сборникъ отд. рус. яз. акад. н., т. 32, стр. 78—82. 432—433 и 92—95.

одинъ Богъ и т. д. Такіе пѣсенные вопросы и отвѣты иногда включались въ сказку о преніи числовыми загадками, и получалась смѣшанная форма, въ родѣ одной кавказской и одной сицилійской сказокъ (94—95). Общій характеръ отвѣтовъ евангелистой пѣсни религіозно-догматическій, обличающій школьное происхожденіе и цѣли христіанской катехизаціи. Нормальное число вопросовъ и отвѣтовъ 12; меньшее ихъ число представляется позднѣйшимъ оступленіемъ. У евреевъ въ Германіи и въ славянскихъ земляхъ эта статья становится извѣстной съ конца XVI ст. и поется въ числѣ другихъ въ первые два дни Пасхи (стр. 79).

А. Н. Веселовскій предполагаетъ, что «русскіе тексты евангелистой пѣсни пришли изъ юго-западной школы» (стр. 79). Трудно сказать что-нибудь положительное и опредѣленное, судя по одному галицко-русскому варіанту пѣсни, темному и схоластическому. Великорусскіе варіанты «евангелистой пѣсни» сравнительно съ галицко-русскимъ просты и ясны. Такъ на вопросъ, что одинъ? слѣдуетъ отвѣтъ: «Единъ Сынъ Маріинъ королюетъ надъ нами», что два?—2 тавлеи Моисея, что три?—св. Тройца или три патріарха; что четыре?—4 евангелиста; что пять?—5 главъ соборныхъ или пять ранъ Спасителя; что шесть?—6 херувимскихъ крылъ или 6 сосудовъ въ Канѣ Галилейской; что семь? — 7 соборовъ или 7 чиновъ ангельскихъ; что восемь?—8 круговъ солнечныхъ или 8 гласовъ Божіихъ: что девять?—9 въ году радостей или 9 чиновъ ангельскихъ; что десять?—10 заповѣдей или 10 прокаженныхъ, исцѣленныхъ Богомъ или 10 «панскихъ сакраментовъ», т. е. таинствъ Господнихъ; что одинадцать?—11 апостоловъ или 11 малыхъ звѣздъ; что двѣнадцать?—12 апостоловъ или 12 мѣсяцевъ. Въ словахъ «королюетъ», «панскій», «сакраментъ» обнаружилось польское вліяніе, а, можетъ быть, южнорусское схоластическое.

Въ галицко-русскомъ варіантѣ любопытенъ только запѣвъ евангелистой пѣсни съ указаніемъ на дьяка, какъ наставника, на что мы уже указали въ началѣ настоящаго изслѣдованія, когда говорили о хранителяхъ и распространителяхъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ въ южной Руси.

Въ Малороссіи, повидимому, не знаютъ евангелистой пѣсни. Къ простому народу не привилось ея сухое догматическое содержаніе.

44.

Апокрифическія молитвы.

Въ индексѣ отреченныхъ книгъ упоминаются «лживыя молитвы». Проф. И. Я. Порьфирьевъ въ статьѣ объ апокрифическихъ молитвахъ, напечатанной въ Трудахъ IV археологическаго съѣзда, говоритъ: «Какъ апокрифы составились въ подражаніе сказаніямъ священной библейской исторіи, такъ и апокрифическія молитвы составлены по образцу церковныхъ молитвъ; въ нихъ тѣ же пріемы и тѣ же выраженія, съ воззваніемъ къ Богу и святымъ въ началѣ и славословіемъ въ концѣ, какіе издавна усвоены церковными молитвами. Но какъ въ апокрифахъ къ истиннымъ представленіямъ и сказаніямъ священной исторіи постоянно примѣшиваются вымыслы народной фантазіи и древнія миѳическія преданія еще языческой старины, такъ и въ апокрифическихъ молитвахъ посреди воззваній къ Спасителю, Богоматери, ангеламъ и святымъ постоянно встрѣчаются представленія изъ народныхъ повѣрій и суевѣрій. Начинаясь по образцу церковной молитвы, апокрифическая молитва скоро теряетъ церковный тонъ и переходитъ въ народный заговоръ или заклятія»...

Сохранившіяся въ старинныхъ рукописяхъ апокрифическія молитвы отличаются болѣе церковнымъ характеромъ, чѣмъ апокрифическія молитвы, записанныя изъ устъ народа въ послѣднія два-три десятилѣтія. Такъ, апокрифическія молитвы, изданныя г. Порфирьевымъ въ Трудахъ IV археологическаго съѣзда по рукописяхъ соловецкой библіотеки, заключаютъ въ себѣ мало языческихъ суевѣрій.

Въ южнорусскихъ и западнорусскихъ рукописяхъ встрѣчаются лживыя молитвы, напримѣръ, въ двухъ-трехъ рукописяхъ церковно-археологическаго музея кіевской духовной академіи (Петровъ, Опис. рукоп., т. II, стр. 350) находятся молитва женѣ родити, молитва егда боль не спитъ, молитвы отъ трясавицъ и нѣкоторыя другія; но молитвы эти не изданы. Малорусскія лживыя молитвы записаны почти исключительно изъ устъ простаго народа, и почти всѣ онѣ насквозь пропитаны языческимъ міровоззрѣніемъ, такъ что съ большей основательностью могутъ быть названы заговорами со вставкой изрѣдка церковно-молитвенныхъ выраженій. Малорусскія лживыя

молитвы изданы въ III т. «Памятн. стар. рус. литер,» А. Н. Пыпина, въ I т. «Трудовъ этн. ст. экспед.» Чубинскаго, въ «Кіевск. Старинѣ» 1885 г., кн. 12, въ Сборникѣ шептаній, составленномъ П. В. Ивановымъ и въ сборникѣ малорусскихъ заклинаній П. С. Ефименка. Найболѣе любопытныя малорусскія лживыя молитвы находятся въ сборникахъ Чубинскаго и П. В. Иванова.

Въ ряду апокрифическихъ молитвъ выдаются молитвы-заговоры противъ лихорадки: у г. Пыпина т. III, стр. 167, Чуб., т. I, стр. 119—120, г. Иванова стр. 739—741, Ефим., т. II. Одни варіанты, напр. у Пыпина, т. III, стр. 167, имѣютъ вполнѣ языческій характеръ, причемъ отсутствуютъ даже христіанскія имена, другія, напр. у г. Иванова, стр. 740, вертятся на имени Авраама, св. Исаакія, поминаютъ пресв. Богородицу. Основа молитвъ и заговоровъ противъ лихорадки лежитъ въ суевѣріяхъ древняго Востока. Г. Мансветовъ возводитъ источники заговоровъ отъ трясавицъ къ халдейскому ученію о 12 астральныхъ духахъ, вліяющихъ на человѣческую судьбу, ученію усвоенному гностическими и манихейскими сектами, воспринятому въ извѣстномъ примѣненіи и христіанствомъ. Сложившись гдѣ-то на Востокѣ, на границахъ Персіи и Сиріи, молитва о трясавицахъ вошла въ іудейско-каббалистическую литературу, напримѣръ въ Alphabetum Siracidis VIII в. и въ богомильскую литературу. Индексы приписываютъ одну такую молитву болгарскому попу Іеремія Богомилу и указываютъ на ея содержаніе: въ ней упоминался св. Сисиній на горѣ Синаѣ, архангелъ Михаилъ и семь трясавицъ, дочери Ирода. А. Н. Веселовскій высказалъ мнѣніе, что подъ Сисиніемъ богомильскаго заговора разумѣется послѣдователь Манеса, ставшій во главѣ секты по смерти ея основателя. У богомиловъ могла существовать легенда о немъ и молитва съ его именемъ, планъ которой указанъ церковнославянскимъ текстомъ (Сборн. ак. наукъ, т. 32, стр. 41). Къ замѣчаніямъ г. Веселовскаго о молитвахъ противъ трясавицъ, разбросаннымъ въ 32 т. Сборн. акад. наукъ на стр. 40—50, 220—223, 427—430, добавимъ, что въ глаголитскомъ памятникѣ X-го в., Синайскомъ Требникѣ, помѣщена «Молитва надъ трясомомъ заоутра», начинающаяся словами: «Изгонить тя трясовице ютрънѣѣ» (Кочубинскій, Итоги слав. филологіи, 38). Эта мелкая подробность представляется интересной при сравнительно-литературномъ изу-

ченіи малорусскихъ заговоровъ отъ поганки, гдѣ упоминаются трясовицы утреннія, полдневныя и вечернія (Пып., Чуб., Ив.).

Въ малорусскихъ заговорахъ отъ лихорадки вмѣсто Сисинія являются св. Авраамій, Пафнутій или Исаакій. Шелъ св. Авраамій дорогою и встрѣтилъ 77 иродовыхъ или змiиныхъ дочекъ (Иван.), трясовицъ (Еф., Чуб.), 12 дѣвицъ красавицъ (Еф.), 77 женъ (Ив.). Св. Авраамій спрашиваетъ трясовицъ, куда онѣ идутъ. Послѣднія отвѣчаютъ: «на Бѣлу Русь людей мордувати, тиломъ труждати и кости ломати» (Еф. и Чуб.), «въ Рассею ласо наидатися, сладко напиватися» (Ив.). Указаніе на Бѣлую Русь, Рассею, должно свидѣтельствовать, что нѣкоторые вращающіеся въ Малороссіи варіанты заговора отъ лихорадки сложились въ Бѣлоруссіи. Въ другихъ малорусскихъ варіантахъ нѣтъ этого указанія. Св. Авраамій приказываетъ своему сыну Самсону (Еф. и Чуб.) или Исакію (Ив.) сдѣлать и накалить желѣзную шину (Еф.) или трость (Ив.), чтобы побить или нанести раны трясовицамъ; послѣднія обѣщаютъ впредь не мучить людей, разбѣгаются. Въ одномъ варіантѣ св. Пафнутій собственноручно жезломъ наноситъ каждый иродовой дочкѣ трясовицѣ по 70 ранъ. Названіе лихорадокъ иродовыми дочками получило общее бранное значеніе, въ приложеніи къ женщинамъ. Названія лихорадокъ измѣняются по заговорамъ, причемъ обнаруживаются домыслы и вставки старинныхъ книжниковъ и грамотѣевъ, напримѣръ, во вставкахъ въ число трясавицъ Дида и Лады (Ив.). Глубоко-древняя черта—упоминаніе Сіонской горы сохранилась въ одномъ только варіантѣ, у г. Иванова, стр. 740: «на Осиянской гори, на святий земли ихавъ Михайло; у его сынъ Авраамій». Въ одномъ изъ заговоровъ противъ лихорадки (Еф., 11) начальная фраза вырвана изъ апокрифическаго сказанія о томъ, какъ жиды Христа мучили. Вообще, этотъ варіантъ любопытенъ, какъ образецъ заговора, въ которомъ свалено въ одну кучу много разнородныхъ элементовъ, апокрифическихъ и повѣствовательныхъ. «У недѣлю рано, якъ сонце сходило, Христа до ратуши приведено. Стали его вязати и въ стовпа мордовати. Стоить жидъ, трясеться». «Чого ты, жиде, боишься? Я не боюсь, тильки въ мене руки, ноги трясуться. Царь Давыдъ позаганявъ иродовы дочки въ каминни горы ставъ ихъ каменовати и печатати. Хто те можетъ знати, отъ ныни и до вику у него не можетъ вона бувати». Здѣсь почти каждое

слово нуждается въ историко-литературномъ объясненіи. «У недилю рано»—обычный пѣсенный запѣвъ, «якъ сонце зъиходило»—расширеніе его; слова о мученіи Христа основаны на извѣстныхъ уже намъ апокрифическихъ пѣсняхъ; Давидъ, заключающій трясавицъ въ каменныя горы, замѣна извѣстнаго повѣствовательнаго мотива объ Александрѣ Македонскомъ, Гогѣ и Магогѣ.

Въ народныхъ повѣрьяхъ обнаруживаются особые специальные цѣлители отъ лихорадки, независимо отъ заговорныхъ Авраамія и Исаакія, именно арх. Рафаилъ и преп. Зосима Соловецкій (Ив., стр. 739).

Отдѣльные мотивы, эпизоды, фразы и слова апокрифовъ вошли въ разныя малорусскія заговоры и шептанія. Такъ въ заговорѣ на собираніе травъ: «Святый Адамъ оравъ, Іисусъ Христосъ насиння дававъ, а Господь сіявъ, а Мати Божа поливала, та всимъ православнимъ на помичъ давала» (Пыпинъ, т. III, стр. 167).

Въ началѣ заговора отъ сглазу: «Мати Марія, бабушка Соломонія, на пути-дорози стояла»..; а въ серединѣ того же заговора: «Стали жиды Христа роспинати» и проч. согласно съ евангельскимъ текстомъ (Ивановъ, стр. 736).

Въ заговорахъ отъ зубной боли: «Первый княжичъ мѣсяцъ на небѣ Адамьевичъ», «Ты, мисяцю Адаме»! (Еф., стр. 4, 5; Чуб., т. I, стр. 125).

Въ заговорѣ отъ водобоязни:

Шло собѣ трехъ братывъ,
Балакали, встеклаго собаки пытали.
Иди правою дорогою
Черезъ Орданьску рѣку,
На высолянску гору.
Тамъ ходитъ баранъ
Зъ великими рогами
И выстрижи ему вовну
Межи рогами.
И вернись назадъ,
Орданьскои воды набери,
Билого камня зъ скалы влупи.

(Еф., стр. 16).

Подъ темными символами здѣсь скрываются священные христіанскіе предметы и лица, Іисусъ Христосъ, Сіонская гора, причемъ самая символика восходитъ къ первымъ христіанскимъ вѣкамъ, къ живописнымъ изображеніямъ въ катакомбахъ.

45.

Апокрифическія сказанія о растеніяхъ и животныхъ.

Народная поэтическая ботаника и зоологія заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія. При изученіи массы сказаній и повѣрій о растеніяхъ и животныхъ необходимо опредѣлить различные ихъ источники, художественное воззрѣніе на природу, воззрѣніе религіозно-миѳическое, этимологическое толкованіе, повѣсти и апокрифы. Мы остановимся только на тѣхъ сказаніяхъ о растеніяхъ и животныхъ, которыя основаны на апокрифической литературѣ. Въ названіи многихъ растеній скрывается уже намекъ на то, что съ ними связаны религіозныя или апокрифическія сказанія, но какія именно— нельзя сказать, такъ какъ этнографы не дали надлежащихъ свѣдѣній, какъ объясняютъ крестьяне причину возникновенія того или другаго названія. Такъ въ «Опытѣ словаря народныхъ названій растеній юго-западной Россіи» А. С. Роговича (Зап. ю. з. отд. геогр. общ., т. I, стр. 109—178), мы находимъ названія: Божье дерево, Божа ручка, Божа благодать, Богородычна коса, черевычки Божои Матери, ручка Божои Матери, Петрова закуска, Петровъ батигъ, Петривъ хрестъ, Миколайчики, Адамове ребро, чортивъ хлибъ, чортова веселка, чортове ребро, чортови орихи. Можно думать, что съ нѣкоторыми изъ этихъ растеній связаны народно-поэтическія сказанія, коментирующія ихъ названія.

Сосна—всегда зелена, по благословенію Божію, потому что древесина ея оказалась негодною на гвозди при крестномъ страданіи Христа Спасителя (Чуб., т. I, стр. 75).

Осина—проклята Богомъ за то, что не поклонилась пресв. Богородицѣ во время бѣгства св. Семейства въ Египетъ (Костомаровъ, въ «Бесѣдѣ» 1872 г., т. VIII, стр. 71), потому что шелестѣла листьями, когда воины искали Спасителя во время бѣгства св. Семейства въ Египетъ (Чуб., т. I, стр. 76), потому что она не соблюла тишину, когда Спаситель скрылся подъ нею отъ жидовъ передъ своей крестной смертью (Nowos. т. I, стр. 143), потому что

на ней повѣсился Іуда (Чуб., т. I, стр. 76; Еф., стр. 11, Рогов., стр. 132) [1]).

Ива проклята Богомъ за то, что изъ нея дѣлаемы были гвозди, которыми сколачивали крестъ Спасителя (Чуб., т. I, стр. 76) или за то, что ивовыя иголки забивали Спасителю подъ ногти. Господь сказалъ, что черви будутъ ее точить отъ молодости до старости, отъ корня до верхушки (Голов., т. III, стр. 719).

Береза побѣлѣла отъ испуга, потому что Іуда хотѣлъ на ней повѣситься (Чуб., т. I, стр. 76).

Бузина—проклятое дерево, потому что на ней повѣсился Іуда, по другому варіанту повѣсили св. Варвару, по третьему—потому что подъ нею постоянно сидитъ чортъ (Чуб., т. I, стр. 77).

Камышъ принадлежитъ чертямъ. Черти завладѣли имъ во время земной жизни Спасителя. Однажды чортъ, встрѣтивъ Спасителя, началъ просить Его отдать ему въ распоряженіе гречиху и овесъ на томъ основаніи, что онъ пособлялъ Богу творить міръ. Господь исполнилъ его просьбу. Чортъ, не поблагодаривши Бога, побѣжалъ. Онъ неожиданно встрѣтилъ волка, испугался, и на вопросъ волка, чего такъ скачетъ? позабылъ о полученномъ подаркѣ и сказалъ: «Богъ мени давъ очеретъ и осетъ», и потому черти владѣютъ только очеретомъ и осетомъ (Чуб., т. I, стр. 79).

Осетъ, *Осотъ*. Подъ этимъ названіемъ извѣстны Circaea lutitiana—Видьмино зилле, Cirsium arvense Scop.—наголоватки, жербій и Sonhus arvensis—молочакъ (Рогов., §§ 186, 187, 653). Въ народныхъ разсказахъ осотъ принадлежитъ чорту, по извѣстной уже намъ причинѣ (Чуб., т. I, стр. 79). Варіантъ: ап. Павелъ испугалъ чорта (Чуб., т. I, стр. 81).

Куколь (Ägrastema githago L.)—чортово зелье, полученное чертомъ вмѣсто овса. Разсказъ о куколѣ сходенъ съ разсказомъ объ осотѣ. Дьявола испугалъ человѣкъ (Драг., стр., 15).

Хлѣбный колосъ во время земной жизни Спасителя шелъ отъ земли (стоколосъ). Ап. Петръ «обшморгалъ» его въ гнѣвѣ за то, что одна женщина дала Спасителю въ дорогѣ грязный блинъ (Драг., стр. 14).

---

[1]) Тождественныя сказанія о проклятой осикѣ у нѣмцевъ и сербовъ.—См. у Веселовскаго въ Сборн. акад. наукъ, т. 32, стр. 245—246, примѣч., и потомъ стр. 455—456.

Табакъ заимствованъ отъ чертей. Разсказъ объ этомъ у Драг., стр. 13.

Волы и ослы сотворены Богомъ. Это благословенныя животныя, потому что укрывали Спасителя въ яслахъ соломой и согрѣвали его (Чуб., т. I, стр. 49; разн. духов. стихи).

Лошадь—превращенный дьяволъ, проклята Богомъ, потому что разбрасывала сѣно въ тѣхъ ясляхъ, гдѣ лежалъ Спаситель (Чуб., т. I, стр. 49).

Свинья—отъ жидовки. Спаситель, странствуя по землѣ, обернулъ въ свинью жидовку, спрятавшуюся подъ корытомъ (Чуб., т. I, стр. 49, Драг., стр. 4).

Собака служила Богу при сотвореніи перваго человѣка изъ глины, оберегала его отъ дьявола и такъ какъ однажды, не имѣя шерсти, почувствовала холодъ и заснула, чѣмъ воспользовался дьяволъ и оплевалъ человѣка, то Богъ далъ ей шерсть (Драг., стр. 1). Собака—изъ ребенка, который бѣгалъ за Спасителемъ и лаялъ, подобно собакѣ (Чуб., т. I, стр. 53).

Медвѣдь. Мужикъ хотѣлъ испугать Спасителя; надѣвши шубу мѣхомъ вверхъ, онъ крикнулъ на Іисуса, и былъ за то обращенъ въ медвѣдя (Чуб., т. I, стр. 50, Драг., стр. 5).

Волкъ. Спаситель во время странствованія по землѣ отдалъ однажды корову бѣдной вдовы волку (Драг., стр. 119). Такъ какъ люди въ старину не берегли своего скота, то Богъ приказалъ чорту слѣпить изъ глины волка. Чортъ быстро сдѣлалъ живаго волка и привелъ его къ Богу. Волкъ былъ величиной съ коня, и Богъ велѣлъ чорту уменьшить его. «Чортъ взявся стругати вовка и съ остружкивъ зробилися *шершни*, а зъ меньшихъ *оводы*, а ще зъ меньшихъ *мухи*, а зъ самыхъ меньшихъ *комари*». Волкъ такъ разозлился отъ боли, что сказалъ Богу, что будетъ нападать не только на скотину, но и на людей (Чуб., т. I, стр. 52). А. Н. Веселовскій указалъ на южно-славянское, греческое, албанское и эстонское преданія о созданіи волка дьяволомъ (Сборн. ак. н., т. 32, стр. 328, 332, 458—459).

Кошка создана Богомъ. Она охраняетъ человѣка отъ всего злаго. Когда Ной вошелъ въ ковчегъ, то дьяволъ впустилъ *мышь*, предполагая, что она прогрызетъ въ ковчегѣ дыру, и ковчегъ потонетъ. Кошка задавила эту мышь (Чуб., т. I, стр. 54, разск. изъ

литинскаго уѣзда). По другому разсказу, чортъ, обратившись въ мышь, плылъ черезъ море соблазнить Еву; но пресв. Дѣва, увидя это, бросила свою рукавицу; изъ этой рукавицы сдѣлалась кошка и пожрала мышь (Чуб., т. I, стр. 54, разск. изъ ушицк. уѣзда).

Многія растенія и животныя связаны въ народныхъ разсказахъ съ чортомъ, напримѣръ, терлычъ, тоя, чортополохъ (прогоняютъ чорта), сорока, павлинъ (оборотьни чорта), воробьи (вышли изъ чертей); но присутствія чорта еще недостаточно, чтобы повѣрья подобнаго рода относить исключительно къ апокрифическимъ источникамъ; нѣкоторыя повѣрья этого рода основываются на древнихъ религіозно-миѳическихъ воззрѣніяхъ народа на природу.

Вороны нѣкогда были бѣлые. Почернѣли же они вотъ отчего: Ной послѣ потопа послалъ ворона отыскать землю, «але овѣнъ нашовъ мерлаго человѣка, изъ нёго ѣвъ и за то почернѣвъ» (Головац., въ «Чтеніяхъ» 1872 г., т. IV, стр. 417).

Ласточка. «Якъ жиды Христа роспинали, то ластовки крали у ихъ цвяшки» (Чуб., т. I, стр. 59).

Воробьи прокляты потому, что кричали «живъ, живъ», когда жиды мучили Христа (Чуб., т. I, стр. 59).

Кукушка и чайка произошли отъ дѣвушекъ, которыя вздумали испугать Спасителя (Чуб., т. I, стр. 60).

Аистъ произошелъ изъ служанки пресв. Дѣвы Маріи, которая не исполнила приказанія своей госпожи (Чуб., т. I, стр. 62).

Жабы мѣшали своимъ крикомъ царю Давиду писать псалтырь. Царь Давидъ приказалъ истребить ихъ, но жабы заявили ему, что «всякое дыханіе да хвалитъ Господа». Давидъ призналъ основательность этихъ словъ, закончилъ ими псалтырь и благословилъ жабъ (Чуб., т. I, стр. 65).

Однобока рыба. Во время благовѣстія пресв. Дѣва кушала рыбу, и одинъ бокъ ея былъ уже съѣденъ; остались одни ребра. Выслушавъ благовѣстіе, пресв. Дѣва сказала: «Тоди мій сынъ воскресне, якъ оця рыбка оживе», а рыбка: плюсь .. и ожила (Чуб., т. I, стр., 67).

Камбала упала на землю съ тарелки, когда пресв. Дѣва ее кушала. Камбала проклята Богородицей (Чуб., т. I, стр. 67).

Приведенныя сказанія о растеніяхъ и животныхъ даютъ ясныя указанія, какіе апокрифы оказали вліяніе на народно-поэтическую

батанику и зоологію, апокрифы о сотвореніи міра (разсказы о происхожденіи камыша и собаки), апокрифы о построеніи ковчега (кошка, мышь, воронъ), апокрифы о Давидѣ (жабы), апокрифы о Рождествѣ Спасителя (волъ и оселъ) и о бѣгствѣ св. семейства въ Египетъ (осина), въ особенности апокрифы о хожденіи Спасителя съ апостолами по землѣ и о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя. Сказанія объ однобокой рыбѣ и о камбалѣ, вѣроятно, сложились подъ вліяніемъ римско-католическихъ изображеній пресв. Богородицы съ рыбой, образцомъ которыхъ можетъ служить извѣстная картина Рафаэля въ мадридскомъ Прадо. Многія сказанія о растеніяхъ и животныхъ весьма близко повторяютъ апокрифы, точнѣе отдѣльные ихъ мотивы, извѣстные по древнимъ рукописямъ, напримѣръ:

Въ народномъ разсказѣ литинскаго уѣзда: „Когда Ной, по приказанію Бога, забралъ въ ковчегъ по парѣ всѣхъ животныхъ, то чортъ впустилъ секретно мышь, предполагая, что она прогрызетъ въ ковчегѣ дыру, и ковчегъ потонетъ; но кошка, замѣтивъ мышь, схватила ее и задавила и такимъ образомъ разрушила козни дьявола“ (Чуб., т. I, стр. 54).	Въ сказаніи Меѳодія Патарскаго о Ноѣ, издан. А. Н. Пыпинымъ по рукописи 1602 г. „Тогда окаянный дьяволъ хотяше потопить весь родъ человѣчь и превратився мышью и нача грысти дно ковчегу. Ной же помолися Богу, и прысни лютый звѣрь (левъ) и выскочиста изъ ноздрій его котъ и кошка, и скочиша, и задавиша мышь, и не избысть діяволе злохитроство“ (Памят., т. III, стр. 18).

Народное сказаніе о царѣ Давидѣ и жабахъ (Чуб., т. I, стр. 65) почти буквально повторяетъ апокрифъ (Порф., стр. 93—94), о которомъ я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній въ 8 главѣ настоящаго изслѣдованія.

Народное сказаніе о сотвореніи волка дьяволомъ (Чуб., т. I, стр. 52) сходно съ тѣмъ, что говорится въ «Чтеніи отъ Адама»: дьяволу приписывается сотвореніе медвѣдя и волкодлаковъ (Веселовскій, въ 32 т. «Сборн. акад. наукъ», стр. 459).

46.

Вопросы и отвѣты св. Отцовъ.

Подъ такимъ названіемъ въ одной галицко-русской перемышльской рукописи помѣщенъ апокрифъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ «Бесѣда трехъ святителей». «Бесѣда» издана Пыпинымъ по рукописи XVII—XVIII ст. (Памят. стар. рус.-лит., т. III, стр. 169—178) и Тихонравовымъ по рукописи XV в. и рукописи XVII в.

(Памят. отреч. литер. т. II, стр. 429—438). Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ задаютъ другъ другу вопросы: гдѣ Богъ жилъ до сотворенія свѣта? изъ чего созданы ангелы, громъ, мѣсяцъ? сколько вѣтровъ, большихъ горъ, рѣкъ? на какомъ деревѣ повѣсился Іуда? и сами же отвѣчаютъ на эти и многіе другіе вопросы. «Бесѣда» одинъ изъ самыхъ популярныхъ и важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи апокрифовъ. Мы имѣли случай, говоритъ г. Калужняцкій, присутствовать не разъ и не два при свободныхъ разговорахъ нашихъ галицко-русскихъ горянъ и узнали къ нашему удивленію, что и теперь еще занимаютъ ихъ вопросы такого рода, какъ, напримѣръ, отъ колинихъ частей Богъ сотворилъ Адама? Гдѣ обрѣтается Адамъ въ настоящее время? Кто Бога первѣе назвалъ Богомъ на землѣ? Гдѣ, на которомъ мѣстѣ было крещеніе Христово? Какую пользу имѣетъ человѣкъ, почитая дни святыхъ? Въ чемъ завидуютъ ангелы человѣку? Какимъ языкомъ будетъ Богъ судить всему міру въ день кончины міра? Что такое громъ и молнія? Какъ и откуда взялся огонь? Отъ чего сотворилъ Богъ солнце и мѣсяцъ? Какое мастерство древнѣе другихъ и пр. и пр. А если захотите узнать, каково мнѣніе нашихъ горянъ о предложенныхъ здѣсь предметахъ народной пытливости, то услышите подробности, которыя находятся почти дословно въ такъ называемыхъ вопросахъ и отвѣтахъ св. отцовъ, услышите, что Богъ сотворилъ Адама отъ седьми частей (тѣло отъ земли, кости отъ камня и пр.), что Адамъ въ настоящее время находится на четвертомъ небѣ, что Бога Богомъ впервые назвалъ сатана, что Христосъ крестился въ Іорданѣ, гдѣ смывалъ свои грѣхи и Адамъ (а Ева въ р. Тигрѣ); что святые отмаливаютъ передъ Богомъ грѣхи наши; ангелы завидуютъ людямъ въ томъ, что Христосъ Богъ принялъ тѣло человѣка; что Богъ будетъ судить языкомъ сирійскимъ; что громъ—оружіе, которымъ ангелы прогоняютъ дьявола, а молніи—очи ангела Атанаила; что огонь принесенъ на землю архангеломъ Михаиломъ, который вжегъ его отъ зѣницы самого Бога; что солнце произошло отъ слезъ, которыя пролилъ Богъ на землю, когда помыслилъ о будущей смерти Сына своего Іисуса Христа и о смерти человѣка; что мѣсяцъ произошелъ отъ епитрахиля Господня, отъ котораго произошли и ангелы; что самое древнѣйшее мастерство есть шитье и пр. и пр.» (Обзоръ

слав.-рус. памят., стр. 22—23). Одно сказаніе о душѣ умершаго, записанное въ кіевской губерніи, начинается словами: «Три святителя, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ во время своей земной жизни ходили вмѣстѣ и учили народъ» (Чуб., т. I, стр. 148). Имена святителей взяты изъ «Бесѣды».

Въ народныхъ разсказахъ о Страшномъ Судѣ: „Уси мертви повстають изъ ямъ своихъ, и вси воны станутъ тридцатилитками, и старе и мале, хтобъ якимъ не вмеръ, уси стануть одинаковыхъ литъ, тридцатилитками“ (Чубин., т. I, стр. 221; Драг., стр. 109).	Въ Вопросахъ Іоанна Богослова на горѣ Ѳаворской: „Яко бо пчела нѣсть лучши друга други, но суть вся купно единымъ образомъ, тако есть воскресеніе; то убо нѣсть правости, ни черьмности, или различна лица, но вси единымъ образомъ возстанутъ и вси единымъ возрастомъ“ (Тих., т. II, стр. 177).	Въ Бесѣдѣ трехъ святителей: Вопросъ: Како стати человѣкомъ на воскресеніе и которыя дѣтища умроша, дѣтски ли имъ возстати? Отвѣтъ: Вси измѣнимся, и на воскресеніе стати всѣмъ человѣкомъ тридцати лѣтъ, въ единъ возрастъ, и во единой одежды облекутся (Пыпинъ, т. III, стр. 172).

Такимъ образомъ, малорусскій народный разсказъ о воскресеніи мертвыхъ стоитъ ближе къ «Бесѣдѣ трехъ святителей», чѣмъ къ «Вопросамъ Іоанна Богослова» и заимствованъ очевидно изъ «Бесѣды».

Кромѣ разсмотрѣнныхъ уже нами апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, есть еще другія, судя по краткимъ указаніямъ старинныхъ южнорусскихъ письменныхъ памятниковъ и народной словесности. Такъ въ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря во Львовѣ находятся отвѣты на вопросы, почему Богъ попустилъ дьяволу бороться съ человѣческимъ родомъ, «какъ бѣ по плоти Богородица сродница Елизаветы», «како Предтеча сърodникъ бысть первой женѣ Іосифа обручника», «како Марія Клеопова бысть сестра святѣй Богородицѣ». Эти вопросы и отвѣты извѣстны подъ именемъ Родословія Богородицы и приписываются св. Евсевію іерусалимскому. Въ томъ же сборникѣ находятся «Видѣніе Нифонта о роусаліяхъ», «Повѣсть св. Аѳанасія о чародеѣ Меситѣ» и «Преніе ап. Петра съ Симономъ волхвомъ». Въ рукописяхъ перемышльской соборной библіотеки встрѣчаются «Слово святыхъ апостолъ о постѣ и молитвѣ», «Слово о Страшномъ Судѣ», приписанное пророку Даніилу, «Живота вѣчнаго зерцало», гдѣ говорится

о судьбахъ человѣка по смерти и «Пекельная вѣчность»—сказаніе о мученіяхъ грѣшниковъ въ аду (Калужн., стр. 25). Въ духовныхъ стихахъ находятся апокрифическія черты о жизни святыхъ, напримѣръ, въ стихахъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ.

Къ апокрифическимъ сказаніямъ примыкаютъ многія повѣсти, напримѣръ, «Повѣсть о преніи живота со смертью», источникъ которой находится въ старинной нѣмецкой литературѣ (см. спеціальное изслѣд. г. Жданова «Къ литерат. исторіи рус. былевой поэзіи 1881 и рецензію А. Н. Веселовскаго въ Журн. м. н. пр.». 188l г. янв.).

Можно навѣрно сказать, что апокрифическая литература вліяла и на южнорусскую иконопись. Извѣстно, напримѣръ, что на фрескахъ кіево-софійскаго собора изображена Анна передъ птичьимъ гнѣздомъ, скорбящая о своемъ неплодствѣ и получающая благовѣстіе отъ ангела о томъ, что она родитъ пресв. Богородицу (Барсовъ, О воздѣйствіи апокрифовъ на иконопись, въ Журн. м. н. пр., 1885 г., т. XII, стр. 105), черта апокрифическая, взятая изъ «Апокрифической исторіи о Рождествѣ Богоматери».

Дополнительныя замѣтки.

Народныя сказанія о св. Николаѣ связаны, кромѣ Кіева и Святыхъ горъ, также съ нѣкоторыми другими мѣстностями Малороссіи. Такъ, Галятовскій сообщаетъ въ «Небѣ Новомъ» (1665 г. гл. 28) слѣдующія преданія о г. Заваловѣ и монастырѣ Погоня: городъ Заваловъ получилъ названіе отъ валовъ, давно насыпанныхъ; три вала на горѣ и между ними монастырь съ церковью св. Николая. «Повѣдаютъ старые духовные и свѣтскіе люди, которые отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ слышали, же Бунякъ, яко они мовятъ, але рачей Батый, царь татарскій, разоряя русскую землю, встрѣтилъ воеводу Романа, который окопался тремя валами. Романъ видѣлъ во снѣ св. Николая, который велѣлъ ему биться и на мѣстѣ побѣды построить въ честь пресв. Богородицы церковь, что Романъ потомъ и исполнилъ: онъ построилъ церковь во имя Успенія пресв. Богородицы и монастырь подъ названіемъ Погоня».

Довольно много апокрифическихъ сказаній о пресв. Богородицѣ вошло въ «Небо Новое» Галятовскаго, вышедшее первона-

чально во Львовѣ въ 1665 г. (2 изд. въ Черниговѣ въ 1677 г., 3 изд. въ Могилевѣ въ 1699 г.). Во 2 главѣ мы находимъ сказанія о томъ, что пресв. Дѣва жила въ Соломоновомъ храмѣ, слышала здѣсь гласъ Бога, видѣла ангеловъ и являлась въ чудесномъ видѣніи Елисаветѣ. Первосвященникъ приказалъ всѣмъ людямъ рода Давида принести въ храмъ палки. Палка Іосифа зацвѣла и на нее сѣлъ Духъ Божій въ видѣ голубя; по этому знаку послѣдовало обрученіе пресв. Дѣвы съ Іосифомъ. Въ 4 главѣ говорится о томъ, что смоковница раздвоилась, чтобы доставить Іисусу Христу и пресв. Дѣвѣ жилище; пальмовое дерево, по приказанію Іисуса, нагнулось, и пресв. Дѣва взяла его плоды. Когда пресв. Дѣва вошла въ языческій храмъ, 365 идоловъ пали передъ ней, и царь Ефродозій (Афродитіанъ апокрифовъ) вмѣстѣ съ своимъ войскомъ крестился. Въ этой же главѣ говорится о нападеніи разбойниковъ на св. Семейство во время его бѣгства въ Египетъ и о томъ, что львы и тигры указывали ему дорогу. У Гермополя св. семейству поклонилось дерево; въ одномъ храмѣ двери отворились передъ пр. Дѣвой. Пресв. Дѣва мыла пеленки передъ уходомъ въ Египетъ, и этой водой одна женщина вылѣчила своего сына отъ проказы. Въ 5 главѣ говорится, что пресв. Дѣва знала будущее, что на горѣ Елеонской Ей однажды деревья кланялись и что Она вмѣстѣ съ апостолами получила даръ знанія языковъ. Въ 6 главѣ говорится, что передъ кончиной пр. Богородицы ангелъ принесъ Ей съ неба пальмовую вѣтвь, которую потомъ несли впереди Ея гроба и что апостолы на облакахъ были принесены въ Іерусалимъ на погребеніе пресв. Богородицы. Іисусъ самъ взялъ Ея душу и отнесъ Ее на небо; жиды хотѣли опрокинуть гробъ, но ослѣпли; ангелы пѣли на похоронахъ пресв. Богородицы.

Въ дополненіе къ тому, что ранѣе было сказано о сближеніи пресв. Богородицы съ лиліей, укажемъ на слѣдующее замѣчаніе Галятовскаго въ «Небѣ», глава 3. Для устраненія всякаго сомнѣнія въ дѣвственности пресв. Дѣвы Егидій три раза ударялъ въ землю своимъ жезломъ, говоря: до рождества Дѣва, въ рожденіи Дѣва и по рождествѣ Дѣва, и каждый разъ выростала лилія. Въ главѣ 7 сообщается, что когда умеръ одинъ человѣкъ, постоянно говорившій: «радуйся, Марія!», то изъ устъ его выросла лилія съ надписью: «радуйся, Марія»!

Въ 7 главѣ «Неба» говорится, что въ Голландіи одинъ монахъ постоянно читалъ псалмы, начинающіеся съ буквъ м, а, р, і, я. Когда онъ умеръ, то изъ его ушей, глазъ и устъ выросли розы; роза, вышедшая изъ устъ, не увяла и была вставлена въ оправу.

Въ 8 главѣ «Неба» говорится, что пр. Дѣва соткала Іисусу одежду; одежда эта потомъ росла съ возрастомъ Іисуса. Передъ своей кончиной пр. Дѣва свою ризу и поясъ передала ап. Ѳомѣ.

Сказанія объ обмираніяхъ и о томъ, что разсказывала грѣшная душа, побывавшая въ аду, проникали въ Малороссію, между прочимъ, литературнымъ путемъ. Такъ Галятовскій въ 10 главѣ «Неба» 1665 г. говоритъ, что въ Англіи умеръ одинъ развратный молодой человѣкъ, но вскорѣ онъ воскресъ и разсказалъ священнику, что злые духи тянули его въ адъ за то, что онъ не давалъ десятины отъ своихъ доходовъ священникамъ, тайкомъ ловилъ рыбу въ монашескомъ прудѣ и на охотѣ топталъ крестьянскій хлѣбъ.

Въ 18 главѣ «Неба» говорится, что арабскій царь Анфилогъ видѣлъ въ церкви, какъ священникъ въ таинствѣ евхаристіи закололъ Іусуса въ видѣ младенца. Разсказъ этотъ повторяется и въ «Мессіи Правдивомъ».

Поэтическій мотивъ русско-галицкой пѣсни «Війте дѣвойки»— жалоба Богу на женщинъ, что онѣ по воскресеньямъ расчесываютъ свои волосы, не представляетъ повидимому одиночнаго явленія въ исторіи литературы. Нѣчто подобное находится въ италійской народной поэзіи, въ приложеніи къ пятницѣ. Въ Сициліи говорятъ, что Спаситель, странствуя съ своими апостолами по землѣ, сѣлъ однажды въ пятницу отдохнуть и попросилъ воды у одной женщины. Женщина въ то время расчесывала себѣ волосы и грубо отказала. Тогда Спаситель сказалъ: «да будутъ прокляты тѣ косы, которыя расчесываютъ по пятницамъ»! (Питре, въ Журн. мин. народ. просв., 1876 г., т. CLXXXIII, стр. 922).

Гогъ упоминается у пр. Іезекіиля (гл. 38 и 39), какъ завоеватель, поселившійся въ землѣ Магога. Тайновидецъ Іоаннъ, говоря о временахъ антихриста, упоминаетъ Гога и Магога (Апок., стр. 20, 8). По свидѣтельству Плинія (кн. V, стр. 25) подъ именами Гога и Магога разумѣлись иногда цари Ассиріи и окрестныхъ странъ. Но въ пророчествѣ видно иносказаніе, и учители церкви

прилагаютъ его то къ туркамъ, ведущимъ брань съ христіанами, то къ скиѳамъ (Плюшаръ, Энцикл. словарь, т. XIV, стр. 325). Въ «Мессіи Правдивомъ» Галятовскаго Гогъ и Магогъ упоминаются въ изъясненіи 6 и 18 пророчествъ, въ первомъ случаѣ въ значеніи народовъ, заключенныхъ въ горы Александромъ Македонскимъ, во второмъ Гогъ въ значеніи антихриста, а Магогъ его воинства. Въ концѣ міра Іисусъ поразитъ Гога и Магога на Елеонской горѣ, причемъ на полѣ битвы будетъ столько копій и луковъ, что евреи могли бы отопиться ими вмѣсто дровъ въ теченіи семи лѣтъ. Въ «Вѣнцѣ вѣры» Симеона Полоцкаго излагаются различныя мнѣнія церковныхъ писателей о Гогѣ и Магогѣ: по однимъ Гогъ и Магогъ заклятые народы, запертые въ горахъ, другіе подъ именемъ Гога разумѣли подданныхъ антихриста, дѣйствующихъ противъ христіанъ тайно, а подъ именемъ Магога слугъ антихриста, дѣйствующихъ открыто противъ христіанъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

